

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Том 29, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

С. Д. Атаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Кыргызстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук
(Япония, Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук
(Россия, Благовещенск)

А. В. Поляков, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук
(Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук
(Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии
(Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

А. К. Погасий, доктор философских наук
(Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия, Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук
(Россия, Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук
(Россия, Новосибирск)

А. В. Бауло, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

И. И. Юрганова, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

Журнал утверждён научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2024 Vol. 29, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2024**

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences,
academician of the Academy of Sciences of
Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences
(Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences
(Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences
(Bulgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences
(Kazakhstan, Astana)
M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy
(Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences
(Russia, Blagoveshchensk)
A. V. Polyakov, Doctor of Historical Sciences
(Russia, Saint-Petersburg)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences
(Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences
(Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical
sciences (Russia, St. Petersburg)
E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences
(Russia, Moscow)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences
(Russia, Tomsk)
A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)
M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences
(Russia, Ulan-Ude)
K. A. Kolobova, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)
E. A. Shershneva (executive secretary), candidate
of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology
(Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor
of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences
(Russia, Kemerovo)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences
(Russia, Kazan)
A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences
(Russia, Kazan)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)
S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences
(Russia, Orenburg)
A. D. Tairov, doctor of historical sciences
(Russia, Chelyabinsk)
D. V. Papin, candidate of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)
A. V. Baulo, doctor of historical sciences
(Russia, Novosibirsk)
I. I. Yurganova, doctor of historical sciences
(Russia, Moscow)

*Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.
All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission
of the authors or the publisher. The magazine is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information, Technologies and Mass Communications. Registration certificate
PI № ФC 77-78911. Registration date 07.08.2020 г.*

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, Dimitrova St. 66, office 312, Altai State University,
Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024 Том 29, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Васютин С. А., Боброва Л. Ю.</i> Материалы кургана № 12 западной группы могильника Ур-Бедари II	7
<i>Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш., Китов Е. П., Жанузак Р. Ж.</i> Погребение гунно-сарматского времени могильника Кырк-кыз II в Кыргызстане	22
<i>Park J. S., Savelieva T. V.</i> Advanced exploitation of high-tin bronze alloys at medieval settlement Talgar in Kazakhstan	40

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Шульга Д. П.</i> К вопросу о смешении этносов в кочевых империях (на примере брачных союзов)	55
<i>Содномпилова М. М.</i> Пищевые запреты и ограничения в традиционном обществе тюрко-монголов Внутренней Азии	67
<i>Степанова О. Б.</i> Представления о болезни и смерти и магические лечебные практики у селькупов	80

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Азарова С. Н.</i> Приамурский Земский собор 1922 г. об обновленческом перевороте в России и кампании по изъятию церковных ценностей (неопубликованные документы)	91
<i>Тулянов В. А.</i> Русская православная церковь и Советское государство в год Тысячелетия крещения Руси: проблемы взаимоотношений	113
<i>Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.</i> Государственно-конфессиональная политика СССР в эпоху «перестройки» и ее влияние на деятельность религиозных общин Омской области	126
<i>Шершнева Е. А.</i> Основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.	145

ДЛЯ АВТОРОВ	170
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2024 Vol. 29, №1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

- Vasyutin S. A., Bobrova L., Yu.* Materials from kurgan No 12 of Western group of Ur-Bedari II burial ground.....7
- Akmatov K. T., Tabaldiev K. Sh., Kitov E. P., Zhanuzak R. Zh.* The burial of the Hun-sarmatian time of the Kyrk-Kyz II cemetery in Kyrgyzstan.....22
- Park J. S., Savelieva T. V.* Advanced exploitation of hagh-tin bronze alloys at medieval settlement Talgar in Kazakhstan40

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

- Shulga D. P.* Ethnic mixing in the nomad empires (the case of marriage unions).....55
- Sodnompilova M. M.* Food prohibitions and restrictions in the traditional society of the turko-mongols of Inner Asia67
- Stepanova O. B.* Concepts of illness and death and selkup magic healing practices.....80

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

- Azarova S. N.* Unveiling the renovation coup: Amur Zemsky Sobor 1922 and the seizure of church property91
- Tulyanov V. A.* Sacred struggles: the Russian Orthodox Church and the Soviet State amidst the Millennium of the Baptism of Rus113
- Dashkovskiy P. K., Dvoryancikova N. A.* Revolutionizing religion: the USSR's confessional policy during Perestroika and its effects on religious communities in the Omsk Region126
- Shershneva E. A.* The main directions of state-confessional policy towards the muslim communities of Eastern Siberia in the second half of the XIX — early XX century145

FOR AUTHORS..... 170

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902/904

DOI 10.14258/nneur(2024)1-01

С. А. Васютин, Л. Ю. Боброва

Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)

МАТЕРИАЛЫ КУРГАНА № 12 ЗАПАДНОЙ ГРУППЫ МОГИЛЬНИКА УР-БЕДАРИ II

Целью статьи являются публикация и характеристика археологических материалов кургана № 12 могильника Ур-Бедари II, расположенного в степной части Присалаирья (Присалаирская депрессия). Курган был раскопан М. Г. Елькиным в 1956 г. В ходе исследования кургана было выявлено две могилы. Инвентарь представлен оружием и снаряжением верхового коня. На сегодняшний день материалы из кургана № 12 хранятся в музее «Археологии, этнографии и экологии Сибири» Кемеровского государственного университета и Прокопьевском городском краеведческом музее. В статье рассматривается вещевой комплекс и предлагается датировка памятника. Погребальный обряд и комплекс предметов материальной культуры позволяют отнести курган № 12 к сrostкинской культуре. В X в. происходит формирование кузнецкого варианта сrostкинской общности в бассейне реки Ини на территории степного Присалаирья. Ранние миграции «сrostкинцев» на территорию Присалаирской депрессии можно отнести к концу IX–X вв. В X–XI вв. здесь получают распространение многочисленные сrostкинские захоронения в составе могильников Ур-Бедари II, Калтышино I (кург. № 1), Усть-Канда I, Шанда и др., а также полностью сrostкинские некрополи Тарасово, Танай VIII, Озерки V.

Ключевые слова: Присалаирская депрессия, р. Ур, могильник Ур-Бедари II, М. Г. Елькин, курган № 12, сrostкинская культура, миграции кочевников.

Цитирование статьи:

Васютин С. А., Боброва Л. Ю. Материалы кургана № 12 западной группы могильника Ур-Бедари II // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 1. С. 7–21. DOI 10.14258/nneur(2024)1-01.

S. A. Vasyutin, L. Yu. Bobrova

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

MATERIALS FROM KURGAN NO 12 OF WESTERN GROUP OF UR-BEDARI II BURIAL GROUND

The article aims to publish and describe the archaeological materials recovered from kurgan No. 12 at the Ur-Bedari II burial ground in the steppe region of the Salair Depression. Excavated by M. G. Elkin in 1956, this kurgan yielded two graves containing weaponry and horse-riding equipment. The artifacts from kurgan No. 12 are currently housed in the museum “Archaeology, Ethnography, and Ecology of Siberia” at Kemerovo State University and the Prokopievsk Local History Museum. This study focuses on the artifact assemblage, proposes a dating for the findings, and examines the mortuary rituals and material culture objects, linking kurgan No. 12 to the Srostki culture. In the 10th century, the Kuznetsk variant of the Srostki community inhabited the Inya River basin within the Salair steppe region. The early migrations of the Srostki people to the Salair Depression are estimated to have occurred in the late 9th to 10th centuries. By the 10th to 11th centuries, numerous Srostki graves appear in various burial grounds, including Ur-Bedari II, Kaltyshino I (kurgan No. 1), Ust-Kanda I, and Shanda, as well as the Srostki necropolises of Tarasovo, Tanai VIII, and Ozerki V.

Keywords: Salair region depression, Ur River, Ur-Bedari II burial ground, M. G. Elkin, kurgan 12, Srostki culture, nomads' migrations

For citation:

Vasyutin S. A., Bobrova L., Yu. Materials from kurgan No 12 of Western group of Ur-Bedari II burial ground. Nations and religions of Eurasia. 2023. Vol. 29, No 1. P. 7–21.

DOI 10.14258/nreur(2024)1–01.

Васютин Сергей Александрович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** vasutin2012@list.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8707-0586>.

Боброва Лариса Юрьевна — главный хранитель музея «Археология, этнография и экология Сибири», Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** chaika.laraa@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3017-5808>.

Vasyutin Sergey Aleksandrovich — Doctor of History, Associate Professor, Head of the Department of World History and International Relations of the Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). **Contact address:** vasutin2012@list.ru. <https://orcid.org/0000-0001-8707-0586>.

Bobrova Larisa Yur'evna — chief curator of the Museum “Archaeology, ethnography and ecology of Siberia”, Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). **Contact address:** chaika.laraa@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0003-3017-5808>.

Введение

С 1951 по 1965 г. Михаилом Григорьевичем Елькиным проводились разведки и регулярные раскопки курганного могильника Ур-Бедари (в современных публикациях и коллекции музея «Археология, этнография и экология Сибири» обозначается как Ур-Бедари II). Могильник Ур-Бедари II расположен в окрестностях «селения Ур-Бедари в Гурьевском районе ... в котловине р. Ур». Эта территория входит в состав степной Присалаирской депрессии левобережья реки Ини (рис. 1). Всего исследователем в могильнике Ур-Бедари в 1953 г. зафиксировано 78 курганов, объединенные четырьмя группами [Елькин, 1953. Ф. Р-1. Д. 843 Л. 11; 1960: 19], в последствии количество увеличилось до 80 курганов, когда к данному могильнику добавилась пятая группа (курганы 79–80), значительно удаленная от основного комплекса на левом берегу реки Ур, севернее деревни Дегтяревка [Елькин, 1965. Ф. Р-1. Д. 3133. Л. 1]. Таким образом, весь могильник состоял из пяти групп на разных берегах Ура на пахотных полях от Дегтяревки на северо-западе до Ур-Бедари на юго-востоке (рис. 2).

Рис. 1. Местонахождение могильника Ур-Бедари II
Fig. 1. Location of Ur-Bedari II burial ground

Курган № 12 входил в состав западной группы насыпей (по М. Г. Елькину). Эта группа 2 включала в себя 20 курганов (курганы № 9–28), сосредоточенные двумя подгруппами на ровном пахотном поле правого берега Ура с юго-западной и юго-восточной сторон с. Усть-Канда. Курган № 12 находился в окружении 11, 14 и 17-го курганов в восточной части комплекса второй группы (рис. 2).

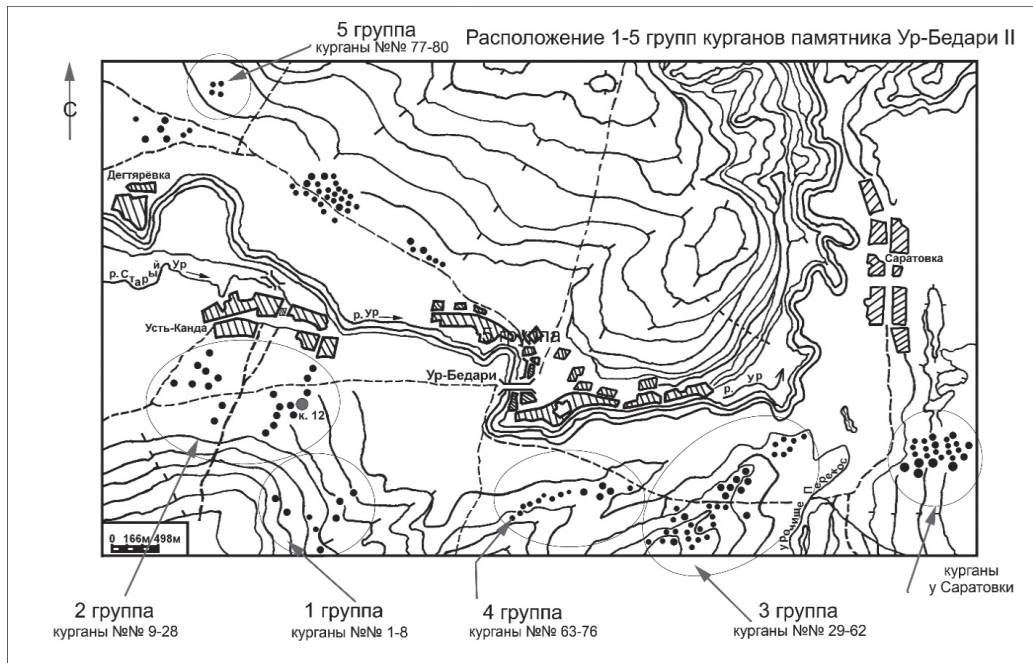

Рис. 2. Группы курганов могильника Ур-Бедари II (по М. Г. Елькину)

Fig. 2. Groups of burial mounds of Ur-Bedari II (according to M. G. Yelkin)

Раскопки кургана № 12 проводились в июне-июле 1956 г. Участники экспедиции: 30 учащихся 8–10 классов средней школы № 1 г. Прокопьевска, студенты четвертого курса исторического факультета педагогического института Сталинска (в настоящее время Новокузнецк), врач-патологоанатом [Елькин, 1956: 1]. За полевой сезон раскопано три кургана — № 12, 43 и 50. Материалы кургана № 12 были выбраны для публикации в связи с относительно полным набором артефактов, хранящихся в фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета и Прокопьевского городского краеведческого музея.

Характеристика погребального комплекса

Курган № 12 имел округлую в плане форму диаметром 16,4 м высотой 0,9 м. В середине насыпи была зафиксирована яма грабительского раскопа. Сама насыпь кургана подверглась сильному разрушению вспашкой с западной и северной сторон. После разбора насыпи были выявлены две могилы и ров в северо-западной части кургана (в юго-восточной части раскопа он «постепенно исчезал»). Ров глубиной до 0,65 м и шириной 0,8 м проходил в 2 м от края раскопа [Елькин, 1956: 4–5, 37, табл. 1]. К сожалению, в отчете для полевого комитета, помимо чертежа профиля бровки и плана расположения могил на площади кургана, остальная документация по кургану № 12 представлена только фотографиями (рис. 3).

Грабители нарушили захоронение коня на приступке центральной могилы 1 на глубине 0,6 м (в грабительском раскопе были собраны 75 костей), а погребение мужчины,

располагавшееся глубже на 25 см, не тронули. В ходе расчистки была выявлена еще одна могила в северо-восточной части раскопа.

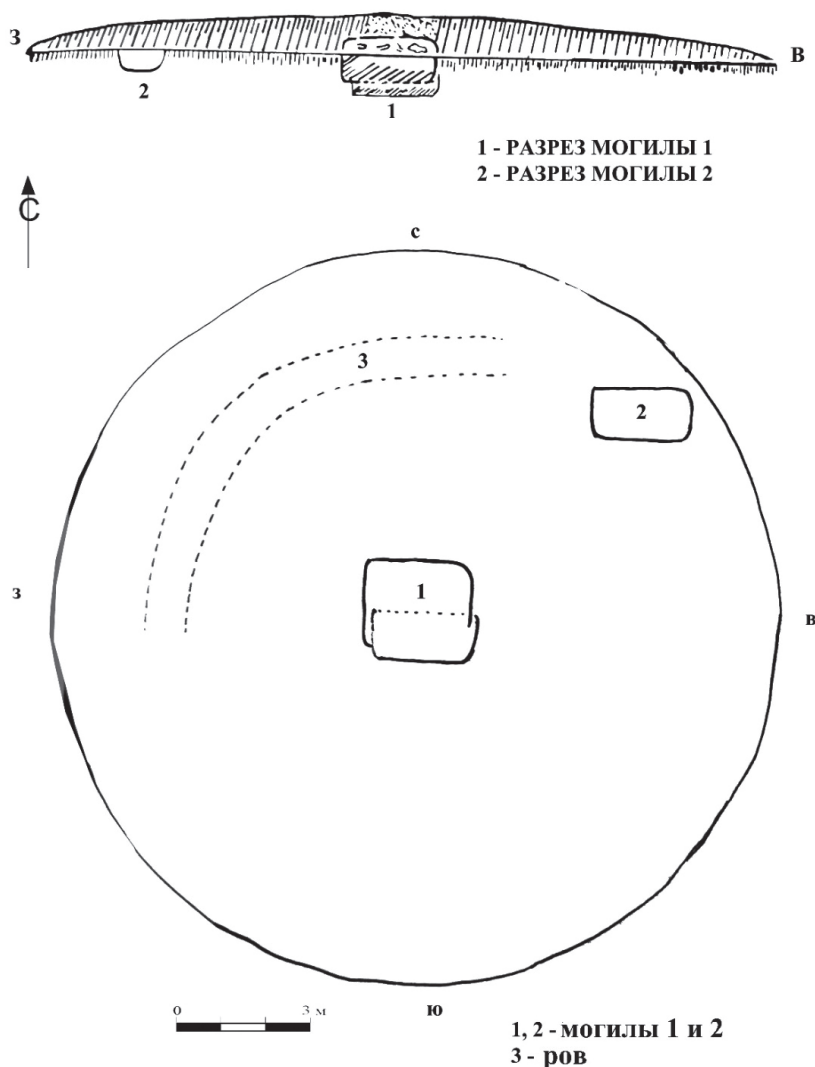

Рис. 3. План и разрез кургана № 12 (Елькин, 1956: Л. 37, табл. 1)

Fig. 3. Plan and section of mound No. 12 (Yelkin, 1956: L. 37, Table 1)

Могила 1 располагалась в центре кургана. Размер 2,0 x 2,0 м, глубина в северной части могилы, где находилось погребение человека, составляла 0,85 м. В южной части, где располагались останки захоронения коня, сильно потревоженные грабителями, — 0,6 м. Положение коня установить не удалось. Значительная часть костей была обнаружена в грабительском лазе, от черепа осталась только нижняя челюсть. На месте захоронения коня были найдены железный трехгранный наконечник стрелы с черешко-

вым основанием, часть подножия стремени и фрагмент железных удиц [Елькин, 1956: 4–5, 37, табл. 1].

В северной части могилы на 0,25 м ниже уровня захоронения лошади был погребен мужчина «средних лет». Он лежал на спине, головой на восток. С левой стороны вдоль руки и бедренной кости погребенного был расположен двухлезвийный меч в плотных берестяных ножнах, лежавший на ребре (рис. 4.-1). Навершие меча располагалось у левого предплечья, а лезвие заканчивалось у нижней части бедренной кости. Меч имел длину 80 см, из которых лезвие составляло около 70 см (в отчете на фотографии видно, что длина меча составляет ок. 62 см; возможно, часть лезвия разрушилась). Наибольшая ширина лезвия — 2,5 см, толщина — 0,4 см. Железная рукоять и лезвие были плотно обмотаны берестой. Навершие имело усеченное закругление. В нескольких сантиметрах от перекрестия к ножнам крепилось кольцо. А в 18 см выше по лезвию — часть железной пряжки, сохранившейся на ножнах. М. Г. Елькин предполагал, что это была конструкция, с помощью которой меч крепился поясу [Елькин, 1956: 5, 22, табл. 3–8]. Фрагменты меча в настоящее время хранятся в фондах Прокопьевского городского краеведческого музея (ПГКМ, КП 407).

1

2

Рис. 4. Курган № 12. Могила 1. 1 — Погребение мужчины с мечом [Елькин, 1956: 39, табл. 4].

2 — Меч, ПГКМ КП 407 (фото М. В. Берлан)

Fig. 4. Mound No. 12. Grave 1. 1 — Burial of a man with a sword [Yelkin, 1956: 39, Table 4].

2 — Sword, PGKM KP 407 (photo by M. V. Berlan)

В области таза были зафиксированы три костяные (роговые. — С. В., Л. Б.) подпружные пряжки, две из которых с железным язычком. Одна подпружная пряжка с железным язычком «лежала на левой тазовой кости, лицевой частью к верху, язычком к по-

ясничным позвонкам». Другие две пряжки были найдены под правой тазовой костью и лежали лицевой частью к земле. По мнению автора раскопок, в могилу было положено седло только с подпружными пряжками, «а стремена остались при лошади» [Елькин, 1956: 5, табл. 10]. В районе пояса также располагалась костяная пряжка в виде «восьмерки» [Елькин, 1956: 43, табл. 10].

С внешней стороны коленного сустава правой ноги были обнаружены шесть трехгранных железных наконечников стрел с черешковым насадом (основанием). Интересно, что пять из них были обращены черешком к суставу, а шестой наконечник лежал перпендикулярно им, острием на запад. Еще два аналогичных наконечника стрел были найдены у локтевого сустава правой руки. Их острие было направлено в сторону таза [Елькин, 1956: 6, табл. 6].

Могилы 2 находилась в 6 м к северо-востоку от могилы 1 у края раскопа. Размер ямы — 1,8 x 0,8 м, глубина — 0,85 м. В могиле был погребен юноша, завернутый в бересту. Он лежал на спине головой на восток. Часть костяка была утрачена из-за провалов на дне могилы и растащена грызунами. Находки в могиле 2 представлены двумя железными наконечниками стрел. Один трехгранный наконечник с черешковым насадом располагался под правой тазовой костью острием к бедру. Второй — плоский треугольной формы с большим деревянным черешковым основанием — был найден под берестой в районе груди и располагался острием на запад.

Описание предметов из кургана № 12 могильника Ур-Бедари II

Подробная характеристика артефактов возможна лишь для костяных предметов, остальные металлические изделия имеют значительные следы коррозии и, следовательно, деформированы. Несколько предметов со значительными утратами представлены в музейной коллекции во фрагментах (удила, стремя).

В фондах музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета хранятся две подпружные костяные пряжки (КМАЭЭ, ВА 74/146; ВА 74/283) из могилы 1 кургана 12.

Первая пряжка (КМАЭЭ, ВА 74/146) фигурно вырезана из рога животного, состоит из полукруглой заостренной рамки и неподвижного щитка. В центре рамки продольная грань. Щиток квадратной формы, по бокам граненый, заужен к основанию. Основание щитка прямое. В рамке и щитке овальные прорезы разной величины для язычка и ремня. Язычок железный, значительная часть утрачена. Крепится язычок к круглой в сечении монолитной перемычке. Между рамкой и щитком с внешних сторон глубокие вырезы. Пряжка с обеих сторон обработана и отшлифована. На оборотной стороне нанесен полевой шифр — К 12–56–П1–50–71. Длина общая — 5,4 см, ширина щитка (max) — 2,6 см, ширина рамки — 3,5 см, длина сохранившейся части язычка — 1,4 см, толщина изделия — 0,8 см (рис. 5.-1).

Вторая пряжка (КМАЭЭ, ВА 74/283) также фигурно вырезана из рога животного, состоит из полукруглой заостренной рамки и неподвижного щитка. В центре рамки продольная грань. Щиток прямоугольной формы, заужен к основанию. Основание щитка прямое. В рамке и щитке овальные прорезы разной величины для язычка и ремня. Язычок костяной, основание его круглое с отверстием в центре для крепления. Крепился язычок к круглой в сечении перемычке, которая, к сожалению, утрачена. Между рамкой

и щитком с внешних сторон вырезы и сквозные отверстия для вставления перемычки. Пряжка с обеих сторон обработана и отшлифована. На оборотной стороне нанесен полевой шифр — К 12-56-П1-50-73. Длина общая — 5,2 см, ширина щитка (max) — 2,6 см, ширина рамки — 3,1 см, длина язычка — 1,9 см, толщина изделия — 0,8 см (рис. 5.-2).

Третья пряжка (ПГКМ КП 412) также фигурно вырезана из рога животного, состоит из полукруглой заостренной рамки и неподвижного щитка. Щиток трапецевидной формы, заужен к основанию. Основание щитка вогнутое. В рамке и щитке овальные прорезы разной величины для язычка и ремня. Язычок железный, деформирован из-за коррозии металла. Крепится язычок к круглой в сечении монолитной перемычке. Между рамкой и щитком с внешних сторон глубокие вырезы. Пряжка с обеих сторон обработана и отшлифована. На оборотной стороне нанесен полевой шифр — К 12-56-П1-50-72. Длина общая — 5,3 см, ширина щитка (max) — 2,7 см, ширина рамки — 3,4 см, длина язычка — 2,9 см, толщина изделия — 0,8 см (рис. 5.-3).

Рис. 5. Подпружные пряжки. Курган № 12, могила 1: 1, 2 — КМАЭЭ ВА 74/146, 283;

3 — ПГКМ КП 412 (фото М. В. Берлан). 1, 3 — кость, железо; 2 — кость

Fig. 5. Spring-loaded buckles. Kurgan No. 12, grave 1: 1, 2 — КМАЭЭ ВА 74/146, 283;

3 — PGKM KP 412 (photo by M. V. Berlan). 1, 3 — bone, iron; 2 — bone

Основная часть предметов из кургана № 12 хранится в фондах Прокопьевского городского краеведческого музея. Там же хранится антропологический и остеологический материал из погребений кургана (ПГКМ КП 418–420).

Рис. 6. Курган № 12, могила 1. Захоронение коня. Из грабительской ямы фрагменты удил, железо [Елькин, 1956: 4, 23, 44]. Фонды ПГКМ, КП 404 (фото М. В. Берлан)
 Fig. 6. Mound No. 12, grave 1. Horse burial. From a robbery pit. Fragments of fishing rods, iron [Yelkin, 1956: 4, 23, 44]. Funds of PGOM, KP 404 (photo by M. V. Berlin)

Из других артефактов в фондах музея Прокопьевского городского краеведческого музея представлены: фрагменты железных удил (ПГКМ КП 404) плохой сохранности (рис. 6); железный фрагмент подножия стремени (ПГКМ КП 405); три железных трехгранных наконечника стрел (ПГКМ КП 408, 410, 416) (рис. 7).

Фрагменты железных удил не позволяют точно указать их тип. Вероятнее всего, в могиле 1 были представлены удила с крюковым соединением [Горбунов, Тишкин, 2022: 63–63, 248, рис. 117; Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002: 66, табл. 1.–1, 2].

Рис. 7. Трехгранные наконечники стрел, железо. Курган № 12, могила 1. Фонды ПГКМ, 1 – КП 408; 2 – КП 410; 3 – КП 416 (фото М. В. Берлан)

Fig. 7. Triangular arrowheads, iron. Kurgan No. 12, grave 1. PGKM funds, 1 – KP 408; 2 – KP 410; 3 – KP 416 (photo by M. V. Berlan)

Фрагмент подножия стремени имел ширину основания 6,2 см. В середине подножки находится прогиб, выпуклой стороной к ступне. Как отметил М. Г. Елькин, «вдоль вогнутой стороны проходит венчик» — ребро жесткости.

В фондах ПГКМ выявлено всего три наконечника стрелы из могилы 1, хотя по описанию М. Г. Елькина было найдено 8 наконечников. Автор раскопок определили их как «трехгранные с черешковым насадом». Из представленных трех наконечников стрел черешковая часть у двух наконечников сохранилась не полностью, но позволяет определить размеры пера (рис. 7.-1, 3). Первый наконечник имеет длинное вытянутое перо размером 5,2 см. На месте перехода к черешковой части заметен выступающий «поясок». Длина сохранившейся части черешка составляет 3,5 см, ширина — 1 см. У второго наконечника длина пера от плечиков составила 5 см (рис. 7.-2). Имеется также часть цилиндрического упора размером 1,2 см. У третьего наконечника (рис. 7.-3), несмотря на коррозию, просматривается часть черешкового насада длиной 2 см и шириной 0,6 см в том месте, где черешок был обломан. Острие данного наконечника имеет округлое окончание и вместе с пером имеет длину 4,8 см.

Представленные наконечники характеризуются следующим образом:

Группа I. Железные.

Разряд I. Черешковые.

Раздел III. Трехгранные. Перо наконечника в разрезе имеет форму треугольника.

Наконечники 1.

Отдел III.

Тип 33. Килевидные.

Вариант б — с шайбовым упором.

Наконечники 2. Сохранность артефакта не позволяет точно определить форму пера. Наиболее вероятно его отнесение либо к килевидным, либо к ромбическим (например, вытянуто-ромбическим).

Отдел II. Геометрические, заостренные.

Тип 31. Вытянуто-ромбические.

Вариант б — с цилиндрическим упором.

Наконечник 3. С учетом сильной коррозии и частичной сохранности наконечник можно отнести к листовидным по форме пера.

Отдел III.

Тип 32. Листовидные.

Вариант б — с цилиндрическим упором [Горбунов, 2006: 33, 34].

А. М. Илюшин, рассматривая железные трехгранные наконечники стрел из Кузнецкой котловины, выделил 13 типов [Илюшин, 2010]. Согласно его классификации, первый наконечник можно отнести к удлинненно-пятиугольному типу (5), второй наконечник — к удлинненно-ромбическому типу (3) и третий наконечник — удлинненно-лавролиственному типу (7).

Хронология и культурная принадлежность

Крюковые удила известны с середины I тыс. до н. э. В первой половине I тыс. н. э. такие находки представлены в памятниках булан-кобинской и кулайской культур. Но для тюркского времени и ранних этапов существования сrostкинской культуры

они неизвестны. Только в X в. крюковые удила начинают встречаться в сrostкинских материалах и присутствуют в составе артефактов из сrostкинских погребально-поминальных комплексов вплоть до XIV в. [Горбунов, Тишкин, 2022: 64–66].

Подножка стремени шириной 6 см свидетельствует о ее принадлежности к периоду X–XII вв., поскольку именно в это время ширина подножек сильно увеличивается по сравнению с тюркским периодом [Горбунов, Тишкин, 2022: 78].

Подпружные роговые пряжки имеют широкую хронологию начиная со II в. до н. э. По своей форме подпружные пряжки из кургана № 12 относятся к щитковым с сердцевидными рамками и трапециевидным абрисом щитка. Такие подпружные пряжки имеют много аналогий в погребально-поминальных памятниках Южной Сибири. Роговые пряжки с сердцевидной рамкой появляются на рубеже VIII–IX вв., основное время бытования — IX–XI вв. [Горбунов, Тишкин, 2022: 79, рис. 125.–4, 5]. Подобные подпружные роговые пряжки были найдены в погребениях могильников Прудской первой половины XI в. (курган № 3, могила 1; курган № 6, могила 1), Сапогово (курган № 1, могила 1) и в других памятниках [Илюшин, Ковалевский, Сулейманов, 1996: 7, 122, рис. 3.–1, 2; Горбунов, Тишкин, 2022: 79, 105, рис. 125.–4, 5].

Наконечники стрел с треугольным острием, вытянутым трехгранным пером и черешковым насадом были широко распространены в захоронениях сrostкинской культуры на Алтае и Кузнецкой котловины со второй половины VIII по XII в. [Горбунов, 2006: 33, 34; Горбунов, Тишкин, 2022: 56]. Согласно классификации трехгранных наконечников Кузнецкой котловины А. М. Илюшина удлиненно-ромбические наконечники стрел имели период бытования с VIII по XIII в., удлиненно-пятиугольные — XI–XIII вв., удлиненно-лавролистые — вторая половина XII–XIII в. [Илюшин, 2010, с. 123].

Двухлезвийные мечи с прямой рукоятью известны на Алтае вплоть до середины XI в. [Горбунов, 2006: 62; Горбунов, Тишкин, 2022: 60]. Двухлезвийный меч из кургана № 12 могильника Ур-Бедари II (рис. 4.-2) имеет перекрестие, форму которого трудно определить, поскольку «крылья» перекрестия обмотаны берестой. Черен рукояти с небольшим круглым навершием расположен под тупым углом к оси клинка. Лезвие меча в поперечном сечении линзовидной формы.

В целом представленные в кургане № 12 артефакты позволяют датировать рассматриваемый объект X — серединой XI в. и отнести его к памятникам сrostкинской культуры. Такой трактовке не противоречат и данные о погребальном обряде.

По сохранившимся параметрам курган № 12 можно отнести к средним (диаметр — 16,5 м, высота — 0,9 м) [Горбунов, Тишкин, 2022: 108]. Насыпь данного кургана была разрушена вспашкой и грабительской ямой. Возможно, это объясняет тот факт, что ров сохранился только с северо-западной стороны.

Конструкция могилы 1 соответствовала типу 2, вариант б — яма со ступенькой (для помещения животного), а могила 2 — типу 1, вариант а (без дополнительных сооружений) [Горбунов, Тишкин, 2022: 113, 114].

Погребенные в могилах 1 и 2 мужчины лежали вытянуто на спине головой на восток, что считается достаточно стандартным для сrostкинских захоронений [Горбунов, Тишкин, 2022: 115]. Деятельность грабителей не позволяет дать характеристику захоронению коня. Однако расположение животного на ступеньке имеет свои аналогии в та-

ких сrostкинских памятниках, как Коловый мыс (кург. № 1) [Горбунов, Тишкин, 2022: 21], Шестаки I (кург. № 1, могила 2) [Кузнецов, 2004: 45, рис 3.-2; 47, 50].

Заключение

Большинство исследователей связывают формирование сrostкинской культуры с кимако-кыпчакским объединением (Кимакский каганат). Носителей сrostкинских древностей можно ассоциировать с восточной группой племен в составе Кимакского каганата. По мнению В. В. Горбунова, сrostкинский ареал можно связывать с племенем кесим [Горбунов, 2020: 333]. Формирование сrostкинской культуры в бассейне Оби от предгорий Алтая до Приобского плато происходило во второй половине VIII в., задолго до возникновения Кимакского каганата. Расцвет сrostкинского объединения приходится на X–XI вв. (уже шадринцевский этап — вторая половина X — первая половина XI в.), когда «сrostкинцы» освоили Новосибирское Приобье и бассейн Ини в степном Присалаирье [Горбунов, 2012: 551, 553; Горбунов, Тишкин, 2022: 129]. Проникновение сrostкинского населения в Кузнецкую котловину, если судить по памятникам Калтышинского археологического микрорайона, началось еще в конце IX — первой половине X в. Позднее на территории степного Присалаирья происходит формирование кузнецкого варианта сrostкинской общности [Савинов, 1994: 87, 94–97; Васютин, Васютин, Онищенко, 2012: 36–37]. В середине X–XI вв. здесь получают распространение многочисленные сrostкинские захоронения в составе могильников Ур-Бедари II, Саратовка, Калтышино I, кург. № 1, Усть-Канда I, Шанда, и др., а также полностью сrostкинские некрополи Тарасово, Ишаново, Торопово I, Танай VIII, Промышленное I, Шестаки I, Озерки V, поселения Анчешевка, Гурьевское и др. Именно к этому периоду относится появление кургана № 12 в западной группе могильника Ур-Бедари II.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 850000Ф. 99.1. ББ66АА04000).

Acknowledgements

The article has been prepared within the scope of the state-funded project of Altai State University, entitled “The Turkic World of the Greater Altai: Unity and Diversity in History and Modernity” (Project No. 850000F. 99.1. BB66AA04000).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Васютин А. С., Васютин С. А., Онищенко С. С. Калтышинский археологический микрорайон в конце VIII — первой половине XI в. н. э.: природа и культура (степное Присалаирье). Кемерово : ОФСЕТ, 2012. 213 с.

Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 232 с.

Горбунов В. В. Кимаки, кыпчаки и сrostкинская культура: общее и особенное // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда. Самара : СПГУ, 2020. Т. II. С. 333–335.

Горбунов В. В. Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб. : ИИМК РАН, 2012. Кн. 2. С. 549–554.

Горбунов В. В., Тишкин А. А. Курганы сросткинской культуры на Приобском плато. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 320 с.

Елькин М. Г. Отчет о результатах археологических разведок в Гурьевском районе Кемеровской области, проведенных археологической группой общества «Юный историк» при мужской средней школе № 1 г. Прокопьевска в 1953 г. // Архив Института археологии АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 843. 67 л.

Елькин М. Г. Отчет о результатах археологических раскопок в Гурьевском районе Кемеровской области в 1956 г. // Архив Института археологии АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 1253. 101 л.

Елькин М. Г. Отчет о результатах археологических раскопок курганного могильника позднего железного века в долине реки Ур Беловского района Кемеровской области, проведенных экспедицией Прокопьевского краеведческого музея с 29 июня по 24 июля 1965 г. // Архив Института археологии АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 3133. 17 л.

Елькин М. Г. Раскопки курганов позднего железного века в Кемеровской области // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск : Томский областной краеведческий музей, 1959. С. 15–17.

Елькин М. Г. Раскопки курганного могильника позднего железного века в окрестностях Ур-Бедари, Кемеровской области // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Секция археологии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода: тезисы докладов и сообщений. Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 1960. С. 19–22.

Елькин М. Г. Курганный могильник позднего железного века в долине реки Ур // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1974. Вып. II. С. 81–92.

Илюшин А. М. Железные наконечники стрел из средневековых курганов Кузнецкой котловины // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4/1. С. 120–133.

Илюшин А. М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.

Илюшин А. М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2005. 219 с.

Илюшин А. М., Ковалевский С. А., Сулейменов М. Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 206 с.

Кузнецов Н. А. Курганный могильник Шестаки I // Кузнецкая старина. Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2004. Вып. 6. С. 41–68.

Савинов Д. Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1994. 215 с.

REFERENCES

Gorbunov V. V. Kimaki, kypchaki i srostkinsrfya kul'tura: obshchee i osobennoe [Kimaks, Qipchaqs and the Srostki culture: general and particular]. *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo*

arkheologicheskogo s'ezda v Samare [Works of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara]. Samara: Izdatel'stvo SPGU, 2020, vol. II, pp. 333–335 (in Russian).

Gorbunov V. V. Srostkinsrfya arkheologicheskaya kul'tura: itodi i perspektivy izucheniya [The Srostki archaeological culture: results and prospects of study]. *Kul'tury stepnoi Evrasii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo IIMK RAN, 2012, book 2, pp. 549–554 (in Russian).

Gorbunov V. V. *Voennoe delo naseleniya Altaya v III–XIV vv. Ch. II. Nastupatel'noe vooruzhenie (oruzhie)* [The Military Affairs of the Population of Altai in the 3rd-14th Centuries. Part II. Offensive Weapons]. Barnaul: Izdatel'stvo Alt. un-ta, 2006, 232 p. (in Russian).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A. *Kurgany srostkinskoi kul'tury na Priobskom plato* [The Kurgans of the Srostkinskaya Culture on the Priobskoe Plateau]. Barnaul: Izdatel'stvo Alt. un-ta, 2022, 320 p. (in Russian).

El'kin M. G. Kurgannyi mogil'nik pozdnego zheleznogo veka v doline reki Ur [A Late Iron Age mound burial in the Ur River valley]. *Izvestiya laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy* [Transactions of the Laboratory of Archaeological Research]. Kemerovo, 1974, vol. II, pp. 81–92 (in Russian).

El'kin M. G. Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh raskopok v Gur'evskom raione Kemerovskoi oblasti v 1956 g. [Report on the results of archaeological excavations in Guryevsk District of Kemerovo Region in 1956]. *Arkhiv Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* [Archive of the Institute of Archaeology at the USSR Academy of Sciences]. Fund 1. Inventory 1, no. 1253. 101 l (in Russian).

El'kin M. G. Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh razvedok v Gur'evskom raione Kemerovskoi oblasti, provdennykh arkheologicheskoi gruppoi obshchestva “Yunyi istorik” pri muzhskoi srednei shkole № 1 g. Prokop'evsk d 1953 g. [Report on the results of archaeological survey in Guryevsk District of Kemerovo Region conducted by the archaeological team of the “Young Historian” society at the Prokopyevsk Male Secondary School No. 1 in 1953]. *Arkhiv Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* [Archive of the Institute of Archaeology at the USSR Academy of Sciences]. Fund 1. Inventory 1, no. 843. 67 l (in Russian).

El'kin M. G. Otchet o rezul'tatakh arkheologicheskikh raskopok kurgannogo mogil'nika pozdnego zheleznogo veka v doline reki Ur Belovskogo raiona, provedennykh ekspeditsiei Prokop'evskogo kraevedcheskogo museya s 29 iyunya po 24 iyulya 1965 g. [Report on the results of archaeological excavations at a Late Iron Age mound burial in the valley of the Ur River, Belovo District, Kemerovo Region, conducted by the expedition of the Prokopyevsk Museum of Local Lore from June 29 to July 24, 1965]. *Arkhiv Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* [Archive of the Institute of Archaeology at the USSR Academy of Sciences]. Fund 1. Inventory 1, no. 3133. 17 l (in Russian).

El'kin M. G. *Raskopki kurgannogo mogil'nika pozdnego zheleznogo veka v Kemerovskoi v okresnostyakh Ur-Bedari* [Excavations of a Late Iron Age mound burial near Ur-Bedari, Kemerovo Region]. *Nauchnaya konferentsiya po istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Sektsiya arkheologii, etnografii, antropologii i istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka dooktyabr'skogo perioda: tezisy dorladov i soobshchenii* [Scientific conference on the history of Siberia and the Far East. Workshop of archaeology, ethnography, anthropology and history of Siberia and the Far East

of the pre-October period: Abstracts of reports and communications]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 1960. Pp. 19–22 (in Russian).

El'kin M. G. Raskopki kurganov pozdnego zhelezного века v Kemerovskoi oblasti [Excavations of Late Iron Age mounds in Kemerovo Region]. *Nekotorye voprosy drevnei istorii Zapadnoi Sibiri* [Some issues of the early history of Western Siberia]. Tomsk: Tomskii oblastnoi kraevedcheskii musei, 1959, pp. 15–17 (in Russian).

Ilyushin A. M. *Etnokul'turnaya istoriya Kuznetskoi kotloviny v epohu srednevekov'ya* [Ethnocultural History of the Kuznetsk Basin in the Middle Ages]. Kemerovo: Izdatel'stvo KuzGTU, 2005, 240 p. (in Russian).

Ilyushin A. M. *Mogil'nik Saratovka: publikatsiya materialov i opyt etnoarkheologicheskogo issledovaniya* [Burial Ground Saratovka: Publication of Materials and Experience of Ethno-Archaeological Research]. Kemerovo: Izdatel'stvo KuzGTU, 1999, 160 p. (in Russian).

Ilyushin A. M. Zheleznye nakonechniki strel iz srednevekovykh kurganov Kuznetskoi kotloviny [Iron Arrow-Heads from Medieval Barrows of the Kuznetsk Hollow]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. 2010, no. 4/1, pp. 120–133 (in Russian).

Ilyushin A. M., Kovalevskii S. A., Suleimanov M. G. *Avariynye raskopki kurganov bliz s. Sapogovo* [Emergency excavation of burial mounds near the village of Sapogovo]. Kemerovo: Izdatel'stvo “Kuzbassvuzizdat”, 1996, 206 p. (in Russian).

Kuznetsov N. A. Kurgannyi mogil'nik Shestaki I [Burial mound Shestaki I]. *Kuznetskaya starina* [Kuznetsky antiquity]. Vol. 6. Novokuznetsk: Izdatel'stvo “Kuznetskaya krepost”, 2004, pp. 41–68 (in Russian).

Savinov D. G. *Gosudarstva i kul'turogenез na territorii Yuzhnoi Sibiri v epokhu rannego srednevekov'ya* [States and cultural genesis in South Siberia in the early Middle Ages]. Kemerovo: Izdatel'stvo KemGU, 1994, 215 p. (in Russian).

Vasyutin A. S., Vasyutin S. A., Onishchenko S. S. *Kaltyshinskii arheologicheskii mikroraiion v kontse VIII — pervoi polovine IX v. n. e.: priroda i kul'tura (stepnoe Prisalair'e)* [Kaltyshinsky Archaeological Microdistrict at the End of the 8th — the First Half of the 9th Century AD: Nature and Culture (Steppe Prisalairye)]. Kemerovo: OFSET, 2012. 213 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 26.09.2023

Принята к публикации: 28.02.2024

Дата публикации: 31.03.2024

УДК 902/904

DOI 10.14258/nreur(2024)1–02

К. Т. Акматов

Независимый исследователь, Бишкек (Кыргызстан)

К. Ш. Табалдиев

Кыргызско-Турецкий университет Манас, Бишкек (Кыргызстан)

Е. П. Китов

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН РФ, Москва, (Россия), Межрегиональный Центр археологических исследований, Тамбов (Россия)

Р. Ж. Жанузак

Институт археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы (Казахстан)

ПОГРЕБЕНИЕ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ МОГИЛЬНИКА КЫРК-КЫЗ II В КЫРГЫЗСТАНЕ

Статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической атрибуции погребения под подквадратным курганом могильника Кырк-Кыз II в Кыргызстане. Оно было вскрыто в 2022 г. в ходе проведения спасательных раскопок в зоне строительства автомобильной дороги Эпкин — Баш-Кууганды в Нарынской области. В погребении были зачищены частично потревоженные скелеты взрослых мужчины и женщины, уложенных вытянуто на спине головой на север. Мужской череп находит аналогии среди краниологических материалов из сакских памятников, в то время как женский — подбойно-катакомбных погребений региона. Женский череп имеет искусственную кольцевую деформацию. Данное обстоятельство позволяет зафиксировать механическое смешение разных групп населения, с одной из которых связан приток новых традиций. При скелетах был обнаружен сопроводительный погребальный инвентарь, характерный для гунно-сарматского времени. Внешняя конструкция кургана также находит аналогии в могильниках данного периода, исследованных ранее на Тянь-Шане и в Жети-Суу. Проведенный в США радиоуглеродный анализ образца из рассматриваемого погребения позволяет датировать рассматриваемое погребение второй четвертью II — серединой III в. н. э. Вероятно, он был сооружен представителем неизвестной в настоящее время этнической группы, сосуществовавшей с носителями кенкольской культуры, оставивших подбойно-катакомбные погребения под округлой в плане земляной насыпью.

Ключевые слова: Кыргызстан, гунно-сарматское время, подквадратный курган, погребение, кольцевая деформация черепа, погребальный инвентарь.

Цитирование статьи:

Акматов К. Т., Табалдиев К. Ш., Китов Е. П., Жанузак Р. Ж. Погребение Гунно-сарматского времени могильника Кырк-Кыз II в Кыргызстане // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 1. С. 22–39. DOI 10.14258/nreur(2024)1–02.

K. T. Akmatov

Independent Researcher, Bishkek (Kyrgyzstan)

K. Sh. Tabaldiev

Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek (Kyrgyzstan)

E. P. Kitov

N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Moscow (Russia), Trans-regional Center of Archaeological Researches, Tambov (Russia)

R. Zh. Zhanuzak

A. H. Margulan Institute of Archaeology, Committee of Science, Ministry of Education and Science RK, Almaty (Kazakhstan)

THE BURIAL OF THE HUN-SARMATIAN TIME OF THE KYRK-KYZ II CEMETERY IN KYRGYZSTAN

The article presents the findings of an archaeological investigation and cultural-chronological analysis of a burial located beneath a sub-square stone-earthen mound at the Kyrk-Kyz II cemetery in Kyrgyzstan. Discovered during rescue excavations in 2022 within the construction zone of the Epkin — Bash-Kuugandy highway in the Naryn region, this burial contained partially disturbed skeletons of an adult man and woman, positioned supine with their heads oriented northward. Notably, the male skull exhibits similarities to craniological specimens found at Saka monuments, while the female skull aligns with undercut-catacomb burials typical of the region, displaying an artificial ring deformation. This suggests a blending of distinct population groups, likely due to the introduction of new traditions. The grave goods accompanying the skeletons are characteristic of the Hun-Sarmatian era, while the mound's external structure mirrors designs seen in burial sites from the same period, previously documented in the Tien Shan and Zheti-Suu regions. Radiocarbon dating conducted in the USA places the burial in the second quarter of the 2nd to mid-3rd century AD. It is hypothesized that this burial was constructed by a presently unidentified ethnic group coexisting with the Kenkol culture practitioners, known for their undercut-catacomb burials beneath rounded earthen mounds.

Keywords: Kyrgyzstan, Hun-Sarmatian time, sub-square burial mound, burial, ring deformation of a skull, grave goods.

For citation:

Akmatov K. T., Tabaldiev K. Sh., Kitov E. P., Zhanuzak R. Zh. The burial of the Hun-sarmatian time of the Kyrk-Kyz II cemetery in Kyrgyzstan. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No 1. P. 22–39. DOI 10.14258/nreur(2024)1–02.

Акматов Кунболот Токтосунович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Бишкек (Кыргызстан). **Адрес для контактов:** kunbolot@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4247-3554>.

Табалдиев Кубатбек Шакиевич, доктор исторических наук, профессор отделения истории Кыргызско-Турецкого университета Манас, Бишкек (Кыргызстан). **Адрес для контактов:** kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg; <https://orcid.org/0000-9992-6679-8030>.

Китов Егор Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН РФ, Москва (Россия), директор Межрегионального Центра археологических исследований, Тамбов (Россия). **Адрес для контактов:** kadet_eg@mail.ru.

Жанузак Рамазан Жаксыбайулы, младший научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК, Алматы (Казахстан). **Адрес для контактов:** rzhanuzak04@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0787-2034>

Akmatov Kunbolot Toktosunovich, Candidate of Historical Sciences, independent researcher, Bishkek (Kyrgyzstan). **Contact address:** kunbolot@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4247-3554>.

Tabaldiev Kubatbek Shakievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Kyrgyz-Turkish University of Manas, Bishkek (Kyrgyzstan). **Contact address:** kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg; <https://orcid.org/0000-9992-6679-8030>.

Egor Petrovich Kitov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia), Director of the Interregional Center for Archaeological Research, Tambov (Russia). **Contact address:** kadet_eg@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0159-3288>.

Zhanuzak Ramazan Zhaksybayuly, Junior Researcher at the A. H. Margulan Institute of Archaeology, KN MES RK, Almaty (Kazakhstan). **Contact address:** rzhanuzak04@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0787-2034>.

Введение

В полевом сезоне 2022 г. в ходе проведения спасательных раскопок в зоне строительства автомобильной дороги Эпкин — Баш-Кууганды в Нарынской области Кыргызстана нами был раскопан подквадратный в плане каменно-земляной курган, под которым было вскрыто частично потревоженное двойное погребение взрослых мужчины и женщины. Данный объект пополняет сравнительно редко встречающуюся (или постепенно пополняющуюся) группу курганов с подквадратной

каменно-земляной насыпью, исследованных в Иссык-Кульской, Нарынской областях Кыргызстана, а также в Алматинской области Казахстана. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот и культурно-хронологической атрибуции одного из таких погребений, раскопанного нами в могильнике Кырк-Кыз II в Кочкорской долине.

Характеристика погребения

Курган располагался на юго-западной оконечности разновременного могильника Кырк-Кыз II, расположенного у перевала Кызарт между Кочкорской и Джумгалской долинами, в 25 м к северу от кромки реконструируемой автомобильной дороги (рис. 1). Географические координаты: N 42°6'22.6', E 75°12'07.2'.

Рис. 1. Местоположение могильника Кырк-Кыз II

Fig. 1. Location of the Kyrk-Kyz II burial ground

До раскопок куоган представлял собой подквадратную в плане плоскую каменно-земляную насыпь размерами 5,5 x 6 м, высотой 0,2–0,3 м. После снятия дернового слоя были выявлены полные размеры и форма кургана. Он имел однослойную каменную наброску подквадратной в плане формы с однорядной выкладкой-крепидой по краям и углами, ориентированными по странам света (рис. 2, 3). Крепида сохранилась частично на северо-западной, юго-западной и юго-восточной окраинах кургана. В процессе снятия насыпи на разных частях кургана были встречены альчик овцы, отдельные фрагменты костей человека и животного (лошади?) и зуб лошади. После зачистки насыпи в центре кургана над могильной ямой зачищена подовальная в плане каменная наброска размерами 1,8 x 2,2 м, длинными сторонами ориентированная по линии север — юг. По контуру этой каменной наброски был заложен раскоп.

Рис. 2. Курган 1 могильника Кырк-Кыз II после снятия дернового слоя
Fig. 2. Kurgan 1 of the Kyrk-Kyz II burial ground after removing the turf layer

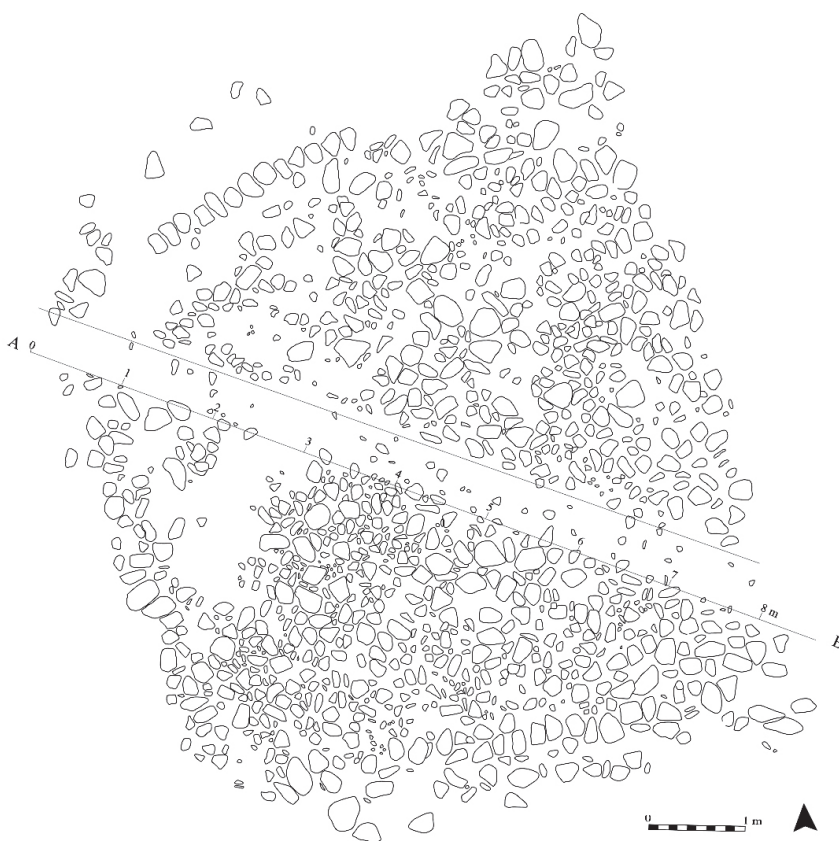

Рис. 3. План кургана 1 могильника Кырк-Кыз II
Fig. 3. Plan of the kurgan 1 of the Kyrk-Kyz II burial ground

На глубине 0,9 м от древней дневной поверхности было найдено частично потревоженное погребение двух взрослых человек, видимо, изначально уложенных параллельно друг к другу, головами на север (рис. 4, 5). Восточный скелет покоился на правом боку, лицом на запад (ко второму скелету), ноги полусогнуты в колене, левая рука, согнутая в локте, покоилась на животе, а правая рука слегка отведена вперед, в сторону второго умершего. К западу от первого лежали кости второго индивида, сваленные в кучу. В анатомическом порядке сохранились позвоночный столб, ребра и лопатки, по которым можно заключить, что изначально умерший был уложен вытянуто на спине, головой на север. На плечевой кости последнего имеется зеленый налет — окислы бронзы.

Рис. 4. Двойное погребение под курганом 1 могильника Кырк-Кыз II

Fig. 4. Double burial under the kurgan 1 of the Kyrk-Kyz II burial ground

При скелетах были обнаружены следующие предметы. Справа от спинных позвонков западного скелета найдено округлое каменное пряслице, а в районе головы — че-

тыре колоколовидных золотых подвески с фрагментами бронзовых дисковидных привесок (рис. 6.-1–4, 6). Подвески изготовлены из золотой пластины и имеют невысокое кубовидное основание с конусовидным выступом в середине. На вершине конусовидного выступа напаяна петелька из золотой проволоки, с помощью которой дисковидные привески крепились к подвеске. На противоположных сторонах кубовидного основания пробито по одному отверстию. Наряду с золотыми подвесками были встречены фрагмент подпрямоугольной золотой фольги с рядами точечных вдавлений по краям и в середине (рис. 6, 5), фрагмент бронзовой тонкой пластины с аналогичными вдавлениями по краю и фрагменты от трех шестигранных стеклянных бусин бирюзово-синего цвета. Между двумя скелетами, чуть к северу от их черепов, зафиксирован керамический сосуд, закрытый фрагментом плоского камня. Сосуд, покрытый красным ангобом, имеет шаровидное тулово, уплощенное дно и короткую шейку с отогнутым наружу венчиком (рис. 6.-7). Он был изготовлен из светло-красной глины с примесью мелкого песка. Обжиг равномерный. Высота сосуда — 11 см, максимальный внешний диаметр тулова — 12,5 см, внешний диаметр горловины — 7,8 см, внешний диаметр по венчику — 8,8 см.

Характеристика скелетов

Смещение фрагментов тел происходило еще до полного разложения, так как части тел находились в сочленении. Вероятней всего, мы имеем подзахоронение женщины, которое произошло в течение нескольких лет после захоронения мужчины. При подзахоронении для освобождения пространства погребальной камеры сначала были перемещены кости нижних конечностей, затем кости рук, тело было положено на них.

Все костные останки двух индивидов — мужчины и женщины (35–45 лет) — были изучены и измерены, данные представлены в таблицах 1–2. На костях фиксируются патологические изменения, соответствующие возрасту индивидов, травмы отсутствуют.

Рис. 5. План погребения под курганом 1 могильника Кырк-Кыз II
 Fig. 5. Burial plan under the burial mound 1 of the Kyrk-Kyz II burial mound

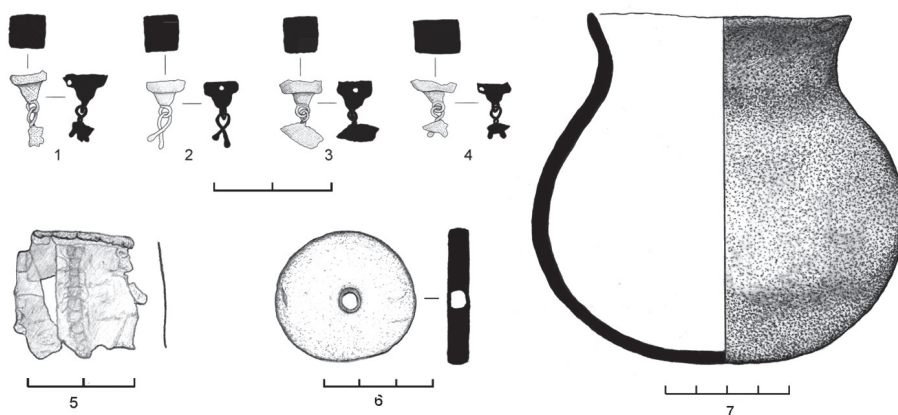

Рис. 6. Погребальный инвентарь погребения кургана 1 могильника Кырк-Кыз II: 1–4 – золотые подвески; 5 – фрагмент золотой фольги; 6 – каменное пряслице; 7 – керамический сосуд

Fig. 6. Burial inventory of the burial mound 1 of the Kyrk-Kyz II burial ground: 1–4 – gold pendants; 5 – a fragment of gold foil; 6 – a stone spinning wheel; 7 – a ceramic vessel

Таблица 1

**Краниологическая характеристика черепов из погребения кургана 1
могильника Кырк-Кыз II**

Table 1

**Craniological characteristics of the skull from burial mound 1
of the Kyrk-Kyz II burial ground**

Краниологическая характеристика	Название памятника		Краниологическая характеристика	Название памятника	
	Кырк-Кыз I, К1/1	Кырк-Кыз II, К1/2		Кырк-Кыз I, К1/1	Кырк-Кыз II, К1/2
Пол	муж.	жен.	Пол	муж.	жен.
Возраст (лет)	35–45	35–45	Возраст (лет)	35–45	35–45
<u>1. Продольный диаметр</u>	187,0	165,0	66. Угловая ширина	106,0	96,0
1 в. Продольный диаметр от орh	185,0	163,0	67. Передняя ширина	45,0	47,0
<u>8. Поперечный диаметр</u>	146,0	141,0	69. Высота симфиза	34,5?	33,5
17. Высотный диаметр b-br	141,0	142,5	69/1. Высота тела	-	31,5
<u>20. Ушная высота</u>	122,0	125,0	69/3. Толщина тела	10,0	10,0
<u>5. Длина основания черепа</u>	104,0	100,0	71а. Ширина ветви	30,0	33,0
<u>40. Длина основания лица</u>	94,0?	95,0	С. Угол выступания подбородка	81°	72°
<u>9. Наименьшая ширина лба</u>	100,0	89,0	<u>32. Угол профиля лба от n.</u>	86°	77°
10. Наибольшая ширина лба	127,0	120,0	Угол профиля лба от gl.	79°	72°
<u>11. Ширина осн. черепа</u>	127,0	129,0	<u>72. Общий лицевой угол</u>	91°?	89°

Окончание таблицы 1

Краниологическая характеристика	Название памятника		Краниологическая характеристика	Название памятника	
	Кырк-Кыз I, К1/1	Кырк-Кыз II, К1/2		Кырк-Кыз I, К1/1	Кырк-Кыз II, К1/2
12. Ширина затылка	115,0	104,0	73. Средний лицевой угол	92°	92°
Высота изгиба лба	29,8	20,4	74. У. альвеолярной части	86°	80°
Высота изгиба затылка	35,5	20,0	75/1. У. выступания носа	26°?	25°
43. Верхняя ширина лица	108,0	101,5	77. Назомалярный у.	142°	140°
45. Скуловой диаметр	138,0	133,0	Zm. Зигомаксилл. у.	130°	132°
46. Средняя ширина лица	101,0	99,0	УПИЛ. У. попер. изг. лба	135°	141°
47. Полная высота лица	-	119,0?	8/1. Черепной	78,1	85,5
48. Верхняя высота лица	70,0?	70,0	17/1. Высотн-продольный	75,4	86,4
51. Ширина орбиты	43,0	41,0	17/8. Высотн-поперечный	96,6	101,1
52. Высота орбиты	31,5	37,0	20/1. Высотн-прод. от р.	65,2	75,8
54. Ширина носа	25,0	26,5	20/8. Высотн-попер. от р.	83,6	88,7
55. Высота носа	54,0	49,0	9/8. Лобно-поперечный	68,5	63,1
Ss. Симотическая высота	3,8	1,3	9/43. Фронтно-малярный	92,6	87,7
Sc. Симотическая ширина	8,5	4,0	40/5. Угол выступания лица	-	95,0
Ms. Максиллофронт. выс.	8,0	7,3	48/45. Верхнелиц. ук.	-	52,6
Mс. Максиллофронт. шир.	18,0	21,0	52/51. Орбитный	73,3	90,2
FC. Глубина клыковой ямки	6,5	2,0	54/55. Носовой	46,3	54,1
65. Мыщелковая ширина	125,0	121,0	Ss/Sc. Симотический	44,7	32,5

Таблица 2

Остеометрическая характеристика посткраниальных скелетов из погребения кургана I могильника Кырк-Кыз II

Table 2

Osteometric characteristics of postcranial skeletons from burial mound 1 of the Kyrk-Kyz II burial ground

Остеометрическая характеристика	Название памятника				Остеометрическая характеристика	Название памятника			
	Кырк-Кыз I, К1/1		Кырк-Кыз II, К1/2			Кырк-Кыз I, К1/1		Кырк-Кыз II, К1/2	
Плечевая кость	П	Л	П	П	Бедренная кость	П	Л	П	П
1. Наибольшая длина	320,0	315,5	294,0	293,0	1. Полная длина	372,0	370,0	333,0	330,0
2. Полная длина	318,5	311,0	289,0	289,0	3. Наиб. ширина верхн. эпифиза	75,0	72,0	65,0	67,0
3. Ширина верхнего эпифиза	49,0	48,0	42,0	41,5	6. Наиб. шир. нижнего эпифиза	52,0	50,0	46,0	43,5
9. Вертик. д. головки	44,5	44,0	39,0	39,0	8. Сагит. д. сер. д.	28,0	28,0	21,0	22,0
4. Ширина нижнего эпифиза	63,5	64,0	53,0	52,0	9. Попер. д. сер. д.	24,0	22,5	18,0	17,0

Продолжение таблицы 2

Остеометрическая характеристика	Название памятника				Остеометрическая характеристика	Название памятника					
	Кырк-Кыз I, K1/1		Кырк-Кыз II, K1/2			Кырк-Кыз I, K1/1		Кырк-Кыз II, K1/2			
5. Наиб. диаметр серед. диафиза	24,0	24,0	20,0	20,0	8а. Сагит. д. на ур. пит. отв.	35,0	34,0	27,0	30,0		
6. Наим. диаметр серед. диафиза	20,0	19,0	15,0	15,0	9а. Попер. д. на ур. пит. отв.	27,0	26,0	19,5	22,0		
7. Наим. окружность	68,0	68,0	53,5	52,5	10. Окр. сер. д.	82,5	81,0	63,0	64,0		
7а. Окр. серед. диафиза	73,0	70,5	60,0	57,0	10б. Наим. окр.	72,0	71,0	60,0	60,0		
Межмышцелк. отв.	-	-	-	-	Малоберцовая кость						
Локтевая кость				1. Наиб. длина				369,0	372,0	335,0	329,0
1. Наибольшая длина	269,0	266,0	233,0	233,0	Таз						
2. Физиол. длина	237,0	236,0	203,0	204,0	1. Высота	220,0	222,0	203,0	206,0		
11. Передне-задний диаметр	14,0	15,0	10,0	10,0	12. Ширина подвзд. кости	152,0	151,0	153,0	153,0		
12. Поперечный диаметр	17,0	17,5	15,0	15,0	2. Иллео кристалльная ширина	260,0		269,0			
3. Наименьшая окружность	38,0	37,0	33,0	30,0	7. Ширина между вертл. впадинами	105,0		103,0			
Лучевая кость				Крестец							
1. Наибольшая длина	247,0	246,0	217,0	216,0	5. Верхн. ширина	118,0		115,0			
2. Физиол. длина	233,0	232,0	202,0	204,0	2. Пер. высота	114,0		116,0			
4. Поперечный диаметр диаф.	17,5	16,5	17,0	16,0	Указатели						
5. Сагит. диаметр диаф.	12,0	12,0	10,0	10,0	H6: H5. Указатель сечения	83,3	79,2	75,0	75,0		
3. Наименьшая окружность	41,0	39,5	36,0	37,0	H7: H1. Указатель массивности	21,3	21,6	18,2	17,9		
Ключица				R5: R4. Указатель сечения				68,6	72,7	58,8	62,5
1. Длина	138,0	141,0	151,0	149,0	R3: R2. Указатель массивности	17,6	17,0	17,8	18,1		
6. Окружность	42,0	41,0	33,0	32,0	U3: U2. Указатель массивности	16,0	15,7	16,3	14,7		
Лопатка				U11: U12. Указатель сечения				82,4	85,7	66,7	66,7
1. Морфол. высота	-	162,0	143,0	144,0	F8: F2. Указатель массивности	19,9	20,2	17,9	18,1		
2. Морфол. ширина	110,0	106,5	97,5	96,0	F6: F7. Указатель пилястрии	103,6	96,6	95,7	93,6		
Бедренная кость				F10: F9. Указатель платимерии				81,3	75,0	79,6	77,8
1. Наиб. длина	443,0	446,0	398,0	400,0	T9a: T8a. Указатель сечения	77,1	76,5	72,2	73,3		
2. Длина физиол.	440,0	442,0	396,0	398,0	T10b: T1. Указатель массивности	19,4	19,2	18,0	18,2		
4. Общая длина от б. вертела	415,0	415,0	377,0	378,0	(H1+R1): (F2+T1). Интер-мембральный указатель	69,8	69,2	70,1	69,9		

Окончание таблицы 2

Остеометрическая характеристика	Название памятника				Остеометрическая характеристика	Название памятника			
	Кырк-Кыз I, K1/1		Кырк-Кыз II, K1/2			Кырк-Кыз I, K1/1		Кырк-Кыз II, K1/2	
Шир. верхн. эпифиза	82,0	85,0	80,0	81,5	T1: F2. Берцово-бедренный указатель	84,5	83,7	84,1	82,9
21. Мыщелковая ширина	79,5	77,5	71,0	72,0	R1: H1. Луче-плечевой указатель	77,2	78,0	73,8	73,7
6. Сагитт. диаметр середины д.	28,5	28,0	22,0	22,0	H1: F2. Плече-бедренный указатель	72,7	71,4	74,2	73,6
7. Попер. диаметр середины д.	27,5	29,0	23,0	23,5	R1: T1. Луче-берцовый указатель	66,4	66,5	65,2	65,5
9. Верх. попер. диаметр	32,0	34,0	27,0	27,0	Рост				
10. Верхний сагитт. диаметр	26,0	25,5	21,5	21,0	по В. В. Бунаку	166,6	166,7	153,7	153,6
8. Окружность сер. диафиза	87,5	89,5	71,0	72,0	по Г. Ф. Дебецу	174,2	172,7	161,3	159,5
Окружность шейки	106,0	107,0	87,0	85,0					
Вертик. д. головки	47,0	46,5	41,5	40,5					

Рис. 7. Череп мужского скелета. Курган 1 могильника Кырк-Кыз II
 Fig. 7. The skull of the male skeleton. Kurgan 1 of the Kyrk-Kyz II burial ground

Скелет №1 (восточный) принадлежал мужчине 35–45 лет. Череп мезокранный за счет большого продольного диаметра при большой ширине мозговой коробки (рис. 7). Высота свода от ро относится к разряду очень больших величин. Наименьшая ширина лба большая, значение наибольшей ширины попадает в разряд очень больших размеров. Угол профиля лба от п большой. Аурикулярная ширина средняя. Затылочная кость при этом широкая.

Лицевой скелет широкий, средневысокий. Вертикальный профиль лица ортогнатный. Значения трех признаков, характеризующих оценку ширины лицевого скелета, попадают в категорию больших величин. Нос лепторинных пропорций при средней

ширине и большой высоте, в профиль сильно выступает. Переносе среднеширокое и средневысокое. Орбиты хамэконхные: широкие и низкие. В горизонтальной плоскости лицо уплощено на обоих уровнях. Клыковая ямка глубокая.

Продольные параметры длинных костей определяются как средние. Плечевые кости средней массивности. По форме сечения диафизов плечевые кости характеризуются выраженной эврибрахией. Бедренные кости средней массивности, уплощенные. Величина указателя массивности большеберцовых костей попадает в категорию малых значений. Диафизы большеберцовых костей расширены. Значения индексов пропорций указывают на удлиненность голени относительно бедра и предплечья относительно плеча. Также отмечается укороченность плеча относительно бедра и предплечья относительно голени. Величина интермембрального указателя, соответственно, позволяет отметить некоторую укороченность верхних конечностей по отношению к нижним.

Длина тела, реконструированная по формулам В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца, составила 166,6–174,2 см.

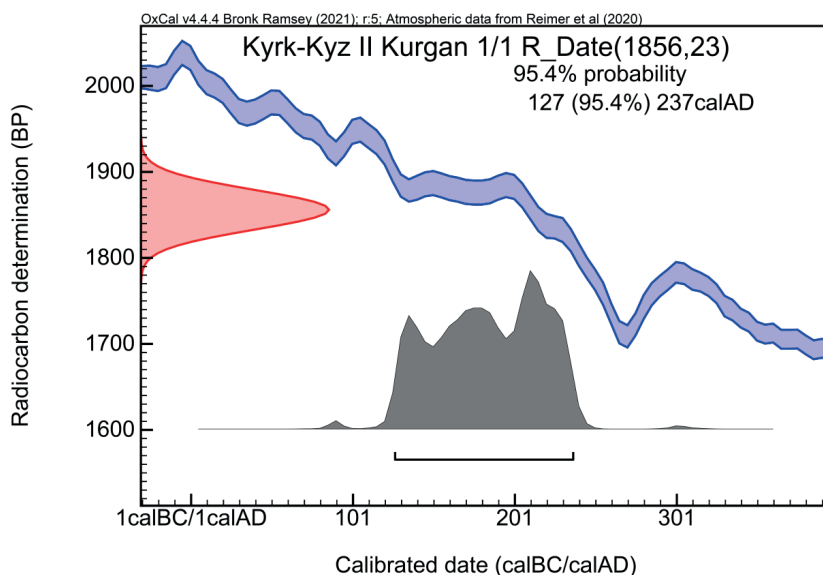

Рис. 8. Интервал калиброванного календарного возраста образца из кургана 1 могильника Кырк-Кыз II

Fig. 8. The interval of the calibrated calendar age of the sample from kurgan 1 of the Kyrk-Kyz II burial ground

Скелет № 2 (западный) хорошей сохранности, принадлежал женщине 35–45 лет. На черепе имеются следы деформации кольцевого типа (рис. 8). Принимая во внимание возможность изменения параметров черепной коробки и лицевого отдела, мы все же сделали полное описание краниума.

Череп резко брахикранный при малом продольном и большом поперечном диаметре. Высота свода от ба очень большая, значение высотного диаметра от ро определяется

также очень большой величиной. Лобная кость узкая по наименьшей ширине и очень широкая — по наибольшей. Угол профиля лба от n очень мал. Основание черепа большое в длину и очень широкое. Затылочная кость среднеширокая.

Лицевой скелет высокий, в вертикальной плоскости ортогнатный. Верхняя ширина лица средняя, скуловой диаметр очень большой. Величина средней ширины лица большая. Нос хамэринных пропорций за счет большой ширины и средней высоты. Угол выступания носовых костей большой. Переносье очень узкое и очень низкое. Орбиты среднеширокие и очень высокие, гипсиконхные по указателю. В горизонтальной плоскости лицо сильно уплощено на обоих уровнях. Глубина клыковой ямки малая. Продольные параметры длинных костей средние. Плечевые кости средней массивности. По указателю сечения наблюдается уплощенность диафизов костей плеча. Массивность бедренных и большеберцовых костей незначительная. Пилястр развит слабо. Верхняя часть диафизов бедренных костей характеризуются платимерией. Для большеберцовых костей характерна эурикнемия. Указатели пропорций свидетельствуют о средних соотношениях длин конечностей и их сегментов.

Длина тела, реконструированная по формулам В. В. Бунака и Г. Ф. Дебеца, составила 153,7–161,3 см.

Рассматривая характеристики черепов, можно отметить, что череп мужчины более матуризованный и массивный, имеет большие широтные характеристики лицевого отдела и лобной части, также расширено основание черепа и затылочная кость. Череп находит аналогии среди сакского населения региона (Китов и др., 2019). При этом женский череп имеет кольцевую деформацию, череп грацильный, имеет в верхней части менее широкие характеристики, чем на среднем уровне. Скуловые кости более широкие и уплощенные, не имеют профилировки. По горизонтали лицевой отдел сильно уплощенный. Подобные характеристики хорошо распространены среди населения, представленного в подбойно-катакомбных памятниках (Китов и др., 2020; Яценко и др., 2020).

Культурно-хронологическая атрибуция погребения

Аналогичные нашему кургану погребальные сооружения были исследованы в Иссык-Кульской котловине, Кочкорской долине и Жети-Суу. В 1954–1955 гг. Л. П. Зяблин вскрыл несколько подквадратных курганов в местности Койсу на северном берегу Иссык-Куля [Зяблин, 1959: 139–154]. Курганы представляли собой каменно-земляную насыпь подквадратной в плане формы, в основании которых были выложены более крупные камни. По углам выкладки прослеживались вертикально установленные камни. Погребенные в них лежали вытянуто на спине, преимущественно, головой на север с отклонением в ту или иную сторону. Сопроводительный инвентарь из погребений очень беден, нет никаких датирующих вещей. На основании стратиграфических наблюдений Л. П. Зяблин отнес эти курганы к XII–XIII вв. н. э. [Зяблин, 1959: 153].

Исследования К. Ш. Табалдиева подквадратных курганов в долине реки Тосор на южном берегу Иссык-Куля свидетельствуют о том, что датировка Л. П. Зяблина нуждается в корректировке. Тосорские курганы имели подквадратную или подпрямоугольную в плане насыпь, по периметру которых были выложены в один ряд камни крупных величин. После снятия дернового слоя выявлялась каменная ограда подква-

дратной в плане формы, по углам которых стояли вертикально установленные камни. Часто под одной насыпью оказались две-три пристроенных друг к другу подквадратных оградки. В их центре располагалось по одной могильной яме, в которых были зачищены останки умерших. Ориентировка последних преимущественно северная с отклонением в ту или иную сторону. В могильнике было раскопано несколько погребений, где умершие были ориентированы головой на восток, запад, юго-восток и юго-запад. Однако количество последних значительно меньше, чем число погребенных, лежащих головой на север.

Сопроводительный инвентарь из исследованных курганов представлен керамической посудой ручной лепки с плоским дном, костяными накладками от лука так называемого хуннского типа (7 накладок: три срединных и две пары концевых), железным и костяным наконечниками стрел, полулунной формы серьгами и т. д. [Табалдиев и др., 2022: 108–111; Табалдыев, 2021: 197–205]. Проведенный в одной из европейских лабораторий радиоуглеродный анализ образца из тосорского погребения позволил датировать его III в. н. э. Эта дата подтверждается и анализом вещественных находок из погребений Тосора [Худяков и др., 2013: 81–86]. Нам представляется, что материалы Тосорского могильника могут служить надежной опорой в датировке курганов с подквадратной насыпью.

Квадратный в плане каменный курган с вертикально установленным камнем на северо-восточном углу недавно был исследован в могильнике Сункар в Алмагинской области Казахстана [Бексеитов и др., 2019: 34–35]. Под курганом было обнаружено безынвентарное погребение человека с северной ориентировкой. По аналогии с тосорскими сункарский курган был датирован в рамках II в. до н. э. — V в. н. э. [Бексеитов и др., 2019: 37].

В 2019 г. во время аварийных раскопок в зоне строительства автомобильной дороги Кочкор — Эпкин нами был раскопан одиночный подквадратный в плане каменно-земляной курган. Под насыпью был найден частично сохранившийся в анатомическом порядке скелет взрослого человека, изначально уложенный вытянуто на спине головой на север.

Обнаруженный в кырккызском погребении погребальный инвентарь также находит аналогии в материалах гунно-сарматского времени. Наибольший интерес в этой связи представляют золотые колоколовидные подвески с фрагментами бронзовых диско-видных привесок (рис. 6.-1–4) и керамический сосуд с плоским дном, покрытый красным ангобом (рис. 6.-7).

Достаточно близкие нашим подвескам золотые украшения происходят из женского погребения, вскрытого под нижним строительным горизонтом городища Красная-Речка в Чуйской долине [Торгоев, Кольченко, 2017: 166–174]. Единственное отличие между ними состоит в том, что основание краснореченских подвесок округлое, в то время как у кырк-кызских — квадратное. Однако по остальным деталям они настолько аналогичны, что с учетом их мелкого размера и сложносоставной композиции можно было бы считать их продукцией одной и той же мастерской. На основании датированных аналогий из памятников Южного Урала краснореченское погребение с золотыми колоколовидными подвесками было отнесено к середине второй половины III в. н. э.

[Торгоев, Кольченко, 2017: 172]. Примерно к этому же времени, видимо, следует отнести и кырк-кызский курган.

На этом параллели между кырк-кызским и краснореченским курганами не заканчиваются. В обоих курганах умершие были ориентированы головой на север. Женские черепа из обоих курганов имеют следы искусственной деформации кольцевого типа. Все это может указывать на их принадлежность не только к одному времени, но и, быть может, к одной этнокультурной общности.

Керамический сосуд из рассматриваемого кургана также находит аналогии в комплексах гунно-сарматского времени. В первую очередь следует обратить внимание на уплощенность его дна. Еще А. Н. Бернштам в 1952 г. писал, что новым «в усунюэчжийской керамике является уплощенность доньев, наблюдающаяся, прежде всего, в кувшинообразных формах» [Бернштам, 1952: 60]. Аналогичный нашему сосуду кувшин с уплощенным дном происходит из кургана 2 могильника Джергес в Иссык-Кульской котловине, отнесенного А. Н. Бернштамом к первым векам н. э. [Бернштам, 1952: 58–60]. Близкие по форме глиняные сосуды известны из катакомбных погребений Таласской долины [Кожомбердиев, 1963, рис. 8.–1, 3]. Однако диаметр плоского дна таласских сосудов значительно больше диаметра дна кырк-кызского сосуда. Последний по этой детали занимает среднее положение между джергеским и таласским сосудами. Довольно близки по форме нашему сосуду и миниатюрные горшочки из могильника Боркорбаз гунно-сарматского времени [Сорокин, 1954: рис. 3].

Проведенный в лаборатории DirectAMS в США радиоуглеродный анализ образца человеческого костя (скелет № 1) из кырк-кызского погребения не только подтверждает его принадлежность к гунно-сарматскому времени, но и позволяет несколько сузить его датировку. Результаты радиоуглеродного датирования и его калибровки представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Результаты радиоуглеродного анализа образца из погребения кургана 1
могильника Кырк-Кыз II**

Table 3

**Results of radiocarbon analysis of a sample from burial mound 1
of the Kyrk-Kyz II burial ground**

Лабораторный номер	Место отбора и контекст	Радиоуглеродный возраст	Результат калибровки
D-AMS 049919	Могильник Кырк-Кыз II, курган 1, погребение	1856±23	127–237 calAD

Заключение

Проведенный анализ отдельных деталей погребальной обрядности, вещественных и антропологических находок, а также результаты радиоуглеродного анализа позволяют отнести подквадратный курган могильника Кырк-Кыз II ко второй четверти II — середине III в. н. э. Вероятно, он был сооружен представителями неизвестной в настоящее время этнической группы, сосуществовавшей с носителями кенкольской культуры, оставивших подбойно-катакомбные погребения под округлой в плане земляной насы-

пью. Общим для них, помимо отдельных элементов материальной культуры, является обычай искусственной деформации головы человека кольцевого типа.

Данный обычай в I–II вв. н. э. достаточно быстро распространяется на территории современного Кыргызстана. Причем его распространение было связано с приходом нового населения по естественным путям — направлениями движения через реки Арысь и Талас из Приаралья и Южного Казахстана. При этом традиция искусственной деформации головы при появлении в новом регионе, принесенная пришлым населением, на первых этапах не получает 100% распространения, и мы фиксируем размывание традиции [Китов и др., 2020]. Данная ситуация кардинально отличается от территории Западного Казахстана и Волго-Уралья, где приток населения с деформированными черепами с территории Приаралья (на условно пустые территории) показывает ее как устоявшуюся традицию, где деформация принимает характер этнического признака [Китов, 2013]. Таким образом, наличие кольцевой деформации на одном черепе и различия в физических характеристиках позволяют зафиксировать механическое смешение разных групп населения, с одной из которых связан приток новых традиций.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер — 850000Ф. 99.1. БН66АА04000).

Acknowledgements

The article was prepared within the framework of the State Assignment of the Altai State University “The Turkic world of the Greater Altai: unity and diversity in history and modernity” (project number — 850000F. 99.1. BN66AA04000).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бексеитов Б. Г., Тулегенов Т. Ж., Иванов С. С., Китов Е. П., Китова А. О. Исследование могильника Сункар в Семиречье // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2019. Т. 19. № 4. С. 29–39.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 346 с.

Зяблин Л. П. Средневековые курганы на Иссык-Куле // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (ТККАЭ). М., 1959. Т. 2. С. 139–154.

Китов Е. П. Население позднесарматского периода Южного Урала и Западного Казахстана (по данным антропологии) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск : Рифей, 2013. С. 521–548.

Китов Е. П., Тур С. С., Иванов С. С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII — 1-я половина II в. до н. э.). Алматы : Хикари, 2019. 300 с.

Китов Е. П., Тур С. С., Иванов С. С. Палеоантропология подбойно-катакомбных культур Притяньшанья (2-я пол. II в. до н. э. — V в. н. э.). Алматы : Хикари, 2020. 200 с.

Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе : Изд-во АН КиргССР, 1963. С. 33–78.

Сорокин С. С. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы // Советская археология (СА). 1954. Т. XX. С. 131–147.

Табалдиев К. Ш., Акматов К., Ашык А. Погребальные памятники хуннского времени межгорных долин Тенир-Тоо (Тянь-Шань) // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда : материалы V Международного конгресса археологии евразийских степей. Алматы; Туркестан : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2022. Т. 2. С. 106–113.

Табалдыев К. Древние памятники Тенир-Тоо. Бишкек : Университет Центральной Азии, 2021. 354 с.

Торгоев А. И., Кольченко В. А. Погребение позднесарматского времени с ювелирными украшениями на городище Красная-Речка // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб. : Изд-во ГЭ, 2017. С. 166–174.

Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Борисенко А. Ю., Акматов К. Т. Сложносоставные луки с памятниках Уч-Курбу в Кыргызстане // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 3 (55). С. 81–86.

Яценко С. А., Авизова А. К., Торгоев А. И., Саипов А., Кулиш А. В., Китов Е. П., Рогожинский А. Е., Смагулов Е. А., Ержигитова А. А., Торежанова Н. Ж., Тур С. С., Иванов С. С. Археология и история кангюйского государства. Шымкент : Элем, 2020. 216 с.

REFERENCES

Bekseitov B. G., Tulegenov T. Zh., Ivanov S. S., Kitov E. P., Kitova A. O. Issledovanie mogil'nika Sunkar v Semirech'e [Investigations of the Sunkar cemetery in Semirechye]. *Vestnik YuUrGU. Seriya "Sotsial'no-gumnitarnye nauki"* [Bulletin of the SUSU. Issue "The Humanities and Social Studies"]. 2019, vol. 19, no 4, pp. 29–39 (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-arheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan' — Shanya i Pamiro-Alaya* [Historical and archaeological essays of the Central Tien Shan and Pamir-Alay]. Moscow; Leningrad.: AN SSSR, 1952, no 26, 346 p. (in Russian).

Khudyakov Yu. S., Tabaldiev K. Sh., Borisenko A. Yu., Akmatov K. T. Slozhnosostavnye luki s pamiatnikakh Uch-Kurbu v Kyrgyzstane [Composite bows from Uch-Kurbu monuments in Kyrgyzstan]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2013, no. 3 (55), pp. 81–86 (in Russian).

Kitov E. P. Naselenie pozdnesarmatskogo perioda Yuzhnogo Urala i Zapadnogo Kazakhstana (po dannym antropologii) [Population of the Late Sarmat period in the Southern Ural and Western Kazakhstan (on the basis of anthropology)]. *Gunnskii forum. Problemy proiskhozhdeniia i identifikatsii kul'tury evraziiskikh gunnov* [Hun forum. Problems of origins and identification of culture of the Eurasian Huns]. Chelyabinsk: Rifei, 2013, pp. 521–548 (in Russian).

Kitov E. P., Tur S. S., Ivanov S. S. *Paleoantropologiya podboino-katakombnykh kul'tur Prityan'shan'ya (2-ya pol. II v. do n. e. — V v. n. e.)* [Paleoanthropology of the Tien Shan area undercut and catacomb cultures (2. half of the II–V c. ACE)]. *Almaty: "Khikari"*, 2020, 200 p. (in Russian).

Kitov E. P., Tur S. S., Ivanov S. S. *Paleoantropologiya saksikh kul'tur Prityanshan'ya (VIII — 1-ya polovina II v. do n. e.)* [Paleoanthropology of the Tien Shan area Saka culture (VIII — first half of the II c. BCE)]. Almaty: Khikari, 2019, 300 p. (in Russian).

Kozhombardiev I. Katakombnye pamyatniki Talasskoi doliny [Catacomb monuments of the Talas valley]. *Arkheologicheskie pamyatniki Talasskoi doliny* [Archaeological monuments of the Talas valley]. Frunze: AS KirgSSR Publ., 1963, pp. 33–78 (in Russian).

Sorokin S. S. Nekotorye voprosy proiskhozhdeniya keramiki katakombnykh mogil Fergany [Some issues of ceramic origins of the Fergana catacomb burials]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archaeology]. 1954, vol. XX, pp. 131–147 (in Russian).

Tabaldyev K. Drevnie pamyatniki Tenir-Too [Ancient monuments of Tenir-Too]. Bishkek: University of Central Asia, 2021, 354 p. (in Russian).

Tabaldiev K. Sh., Akmatov K., Ashyk A. Pogrebal'nye pamyatniki khunnskogo vremeni mezhgornnykh dolin Tenir-Too (Tian' — Shan') [Burial sites of the Hun time of the Tenir-Too (Tien Shan) valleys]. *Evraziiskaia stepnaya tsivilizatsiya: chelovek i istoriko-kul'turnaya sreda. Materialy V mezhdunarodnogo kongressa arkheologii evraziiskikh stepei* [Eurasian steppe civilization: man and historical-cultural environment. Materials of the V international congress on Eurasian steppe archaeology]. Almaty-Turkestan: A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2022, vol. 2, pp. 106–113 (in Russian).

Torgoev A. I., Kol'chenko V. A. Pogrebenie pozdnesarmatskogo vremeni s yuvelirnymi ukrasheniyami na gorodishche Krasnaya-Rechka [Late Sarmatian burial with jewellery on the Krasnaya-Rechka settlement]. *Yuvelirnoe iskusstvo i materyal'naya kul'tura* [Jewellery and material culture]. St. Petersburg: SH Publ., 2017, pp. 166–174 (in Russian).

Yatsenko S. A., Avizova A. K., Torgoev A. I., Saipov A., Kulish A. V., Kitov E. P., Rogozhinskii A. E., Smagulov E. A., Erzhigitova A. A., Torezhanova N. Zh., Tur S. S., Ivanov S. S. *Arkheologiya i istoriya kangyuiskogo gosudarstva* [Archaeology and history of the Kangju state]. Shymkent: Elem, 2020, 216 p. (in Russian).

Zyablin L. P. Srednevekovye kurgany na Issyk-Kule [Medieval burial mounds in Issyk-Kul]. *Trudy kirgizskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii (TKKAE)* [Transactions of the Kyrgyz archaeological-ethnographical expedition (TKAEE)]. Moscow, 1959, vol. 2, pp. 139–154 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 06.10.2023

Принята к публикации: 25.02.2024

Дата публикации: 31.03.2024

UDK 902.6

DOI 10.14258/nreur(2024)1–03J.

S. Park

*Hongik University, Jochiwon (South Korea)***T. V. Savelieva**

*International Center for the Rapprochement of Cultures under the Auspices of UNESCO category 2, Almaty, (Republic of Kazakhstan)***ADVANCED EXPLOITATION OF HUGH-TIN BRONZE ALLOYS AT MEDIEVAL SETTLEMENT TALGAR IN KAZAKHSTAN**

A collection of bronze artifacts, including a mirror, round plate, thick-walled container, two thick-walled bowls, a thin-walled pot, two thin-walled bowls, a dish, and a strainer, retrieved from a medieval settlement in Talgar, Kazakhstan, underwent metallographic analysis. Typological dating places these objects within the 11th to 13th centuries AD. The examination revealed the use of high-tin bronze in various household items requiring advanced functionality. Two primary techniques were identified: 1) the use of high-tin bronze alloys as spacers and binders in creating double-walled containers for enhanced thermal insulation, and 2) the application of optimized thermo-mechanical treatments within the $\alpha+\beta$ phase field of the copper-tin phase diagram to enhance impact resistance. Additionally, the presence of zinc, tin, and lead hints at an ongoing transition from bronze to brass within the Talgar region during this period. Our investigation delved into the specific engineering processes employed and the level of technological sophistication evident in the production of these artifacts.

Keywords: Kazakhstan; Medieval settlement Talgar; High-tin bronze; Material properties; Double-walled vessels

For citation:

Park J. S., Savelieva T. V. Advanced exploitation of hugh-tin bronze alloys at medieval settlement Talgar in Kazakhstan. Nations and religions of Eurasia. 2024. Vol. 29. No 1. P. 40–54. DOI 10.14258/nreur(2024)1–03.

Д. С. Парк

Университет Хонгик, Джочивон (Южная Корея)

Т. В. Савельева

Международный центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО категории 2,
Алматы (Казахстан)

УСОВЕРШЕНСТВОВАННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЛАВОВ ВЫСОКООЛОВЯНИСТОЙ БРОНЗЫ НА СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДИЩЕ ТАЛГАР В КАЗАХСТАНЕ

Бронзовая коллекция, состоящая из зеркала, круглой пластины, толстостенного сосуда, двух толстостенных мисок, тонкостенного горшка, двух тонкостенных мисок, блюда и ситечка, входит в состав металлических предметов, раскопанных на средневековом городище Талгар (Казахстан), подвергнута металлографическому исследованию. Хронологическая оценка, основанная на типологическом признаке, датирует исследованные предметы XI–XIII вв. н. э. Результаты анализа показали, что высокооловянистая бронза использовалась в различных бытовых предметах, требующих повышенных функциональных свойств. Две основные технологии включают 1) сплавы из высокооловянистой бронзы, используемые в качестве разделителей и связующих при изготовлении двустенных контейнеров, нуждающихся в улучшении теплоизоляции, 2) оптимизированную термомеханическую обработку, практикуемую в фазовой области $\alpha+\beta$ на фазовой диаграмме медь — олово, очевидно, с целью повышения ударопрочности. Также было замечено добавление цинка наряду с оловом и свинцом, что свидетельствует о переходе от бронзы к латуни, выплавляемой в то время в районе Талгара. Мы изучили, какие именно инженерные процессы были выполнены и каков был уровень технологической сложности.

Ключевые слова: Казахстан; средневековое городище Талгар; высокооловянистая бронза; свойства материала; двустенные сосуды.

Для цитирования:

Парк Д. С., Савельева Т. В. Усовершенствованное использование сплавов высокооловянистой бронзы на средневековом городище Талгар в Казахстане // Народы и религии Евразии. 2024. № 1. Т. 29. С. 40–54. DOI 10.14258/nreur(2024)1–03.

Park Jang-Sik, Professor retired Department of Materials Science and Engineering, Hongik University, Jochiwon (South Korea). **Contact address:** jskpark@hongik.ac.kr
Tamara Vladimirovna Savelieva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the International Center for the Rapprochement of Cultures under the Auspices of UNESCO category 2, Almaty (Kazakhstan). **Contact address:** tsavelieva@mail.ru

Парк Джан-Сик, профессор кафедры материаловедения и инженерии, Университет Хонгик, Джочивон (Южная Корея). **Адрес для контактов:** jskpark@hongik.ac.kr
Савельева Тамара Владимировна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО категории 2, Алматы (Казахстан). **Адрес для контактов:** tsavelieva@mail.ru

Introduction

The medieval period in Central Asia was faced with significant sociopolitical transformation. At the time, the region was subjected to growing power and influence from the expanding Arab Caliphate until it became one of the major sociopolitical centers representing the Islamic world [Abazov, 2008; Christian, 1998]. Meanwhile, China also exerted a significant cultural and political impact, particularly in the eastern part of Central Asia. As one of the influential aspects of material culture, copper-based technology established in Central Asia during the medieval period likely evolved under strong influence from the Islamic world as well as China.

A recent study on copper-based metal objects from one of the medieval steppe communities in the Aral Sea region [KKK in Fig. 1a] noted a bronze-to-brass transition in progress [Park and Voyakin, 2021]. Despite this transition toward a growing reliance on brass, zinc-free alloy recipes based on copper and tin were still extensively practiced. The use of these two main alloying methods, attesting to the transition from bronze to brass, hints at the existence of multiple metalworking groups with uneven rights and access to material and technological resources. It is suggested, therefore, that the particular steppe community consisted of diverse people groups with varying adherence to the ongoing sociopolitical and technological transformations as reflected in the bronze-brass transition. Significantly, a similar transition was also observed [Park et al., 2021] in another group of medieval metal objects recovered from one of the sites in the great Bukhara oasis (Fig. 1a). This observation suggests that the two roughly contemporary communities above consisted of diverse people groups embracing a bronze-to-brass transition with a different attitude. According to Craddock (1979) and Allan (1979), the transition was occurring throughout the entire Islamic world at the time and was completed by the late medieval period.

Despite the rare and valuable information derived from metallographic studies such as those mentioned above, they have usually been conducted without being specific on the benefits and technological choices involved in the addition of tin, zinc, or both to copper. Without a doubt, the substantial change in color characteristics was the main consumer-oriented incentive to use alloying elements [Mecking, 2020]. Metal workers were also interested in their effects on other material properties such as strength, ductility, melting temperatures, and flow properties in casting, some of which could be further modified through thermo-mechanical treatments subsequent to casting. However, in many cases, it is beyond the scope of metallographic analysis to assess the level and context of specific technologies locally implemented for the control of such material properties.

In this respect, the copper-based metal assemblage excavated from the medieval site at Talgar in Kazakhstan (Fig. 1a and 1b) is rather exceptional. In addition to producing evidence of the above-mentioned bronze-to-brass transition, it provided a valuable window into the

technological sophistication achieved by medieval metal workers. The main achievement was found in the design of alloys appropriate for the thermo-mechanical treatments to be applied for the fabrication of objects in need of extraordinary functional properties. We present the detailed metallographic data to show that accurate thermal control coupled with a comprehensive understanding of material behaviors as determined by alloy composition and thermomechanical treatments played a major role in the production of the given assemblage.

Fig. 1. Map of the Republic of Kazakhstan: a – Kazakhstan and the neighboring countries; b – a map enlarging the rectangular area indicated in Fig. 1a. The arrow locates the medieval site at Talgar, from which the objects under investigation were excavated

Рис. 1. Карта Республики Казахстан: а – Казахстан и соседние страны; б – карта, увеличивающая прямоугольную область, указанную на рисунке 1а. Стрелкой обозначено средневековое городище в Талгаре, из которого были извлечены исследуемые объекты

Comments on the site

The archaeological site at Talgar, located approximately 25 km to the east of Almaty (Figs. 1a and 1b) in the southeastern part of Kazakhstan named Semirechye, served as a major medieval settlement for centuries. The Semirechye region is bounded by the Zailiisky Alatau Mountains to the south, the Dzunggar Alatau Mountains to the northeast, and the desert of Balkhash to the west. Its unique location at the crossroads between the desert-oasis region of Central Asia and the semi-arid and desert areas of Mongolia and western China caused Semirechye to play a key role in the establishment and operation of a branch of the Great Silk Road from around BC 130 through the 14th-15th century AD [Frachetti, 2008]. Medieval Talgar was one of the steppe towns that had developed along this Silk Road in Semirechye from the 8th century AD and thrived until the Mongol invasion at the beginning of the 13th century AD [Chang et al., 2002: 44].

The settlement was apparently established around the time the Islamic forces were coming to Central Asia, while the Chinese Tang dynasty was constantly trying to maintain hegemony over the region. The site is likely to have seen the fall of the Turkic confederacy, which led to the fragmentation of the state into its constituent tribal groups. The waning of Chinese influence following its defeat against the Islamic army at Taraz (Fig. 1a) in the year 751 placed the region under the control of the Karluk, a Turkic tribe that made a significant contribution to the victory of the Islamic army at Taraz. Subsequently, the Karluk established the Karakhanid Khaganate, the first major Islamic state of Turkic origin in Central Asia, with its capital located at Balasagun near the modern city of Tokmok (Fig. 1b) in Kyrgyzstan, approximately 167 km to the southwest of Talgar [Frye, 2004].

The medieval site at Talgar has long been under excavation, under the lead of Tamara Savelieva of the Margulan Institute of Archaeology, leading to the recovery of numerous metallic objects along with a variety of other cultural remains [Chang et al., 2002; Park and Voyakin, 2009, 2013; Park and Savelieva, 2021]. The bronze objects examined in this study were all recovered from the medieval site at Talgar. The periodization based on typological grounds placed their chronology between the 11th and 13th centuries AD.

Comments on artifacts

The external appearance of the objects examined is shown in Fig. 2, where the artifacts are illustrated approximately to scale, all at the same reduction ratio as specified by the scale bar at the lower right corner. Object № 1 is a mirror and № 2 is a round plate with an indented geometric pattern consisting of a circle and six semicircles arranged at the center and periphery, respectively. Object № 3 is a thick-walled container with its central part repaired, № 4 and 5 thick-walled bowls, № 6 a thin-walled pot, № 7 and 8 thin-walled bowls, № 9 a plate, and № 10 a strainer. It should be noted that objects № 6, 7, and 8 were double-walled containers made of a pair of thin metal plates placed by placing a group of thin spacers between them. The numbers labeled with the objects are consistent with those in Table 1.

Objects № 3, 4, and 5 were excavated in the space seemingly used as a storage room, all placed together in a single large ceramic vessel, while objects № 2 and 6 through 9 were all recovered from a single room likely used as a metalworker's area for both smithing and commercial activities.

Fig. 2. The general appearance of the bronze objects examined. The artifacts are illustrated on a reduced scale all with the same reduction ratio as specified in the scale bar at the lower right corner. Object № 1 is a mirror, № 2 a round plate with a coarse impressed geometric pattern consisting of a circular and six semicircular features arranged at the center and the periphery, respectively, № 3 a container with its central part repaired, № 4 and 5 bowls, № 6 a double-walled pot, № 7 and 8 double-walled bowls, № 9 a dish and 10 a strainer. The numbers labeling the objects are consistent with those in Table 1.

Рис. 2. Общий вид исследованных бронзовых предметов. Артефакты показаны в уменьшенном масштабе, все с тем же коэффициентом уменьшения, который указан на шкале в правом нижнем углу. Объект 1 – зеркало, 2 – круглая тарелка с грубо отпечатанным геометрическим рисунком, состоящим из круглой и шести полукруглых деталей, расположенных в центре и по периферии соответственно, 3 – контейнер с отремонтированной центральной частью, миски 4 и 5, 6 – горшок с двойными стенками, Миски 7 и 8 с двойными стенками, блюдо 9 и ситечко 10. Номера, обозначающие объекты, соответствуют номерам, указанным в таблице 1

Metallographic examination

One or more specimens were taken from each object in Fig. 2 for metallographic examination. The samples were mounted and polished following standard metallographic procedures and then etched using a solution of 100 ml of methyl alcohol, 30 ml hydrochloric acid and 10 g ferric chloride, all commercially available. An optical microscope and scanning electron microscope (SEM) were used to examine microstructures. The composition analysis was performed using an energy-dispersive X-ray spectrometer (EDS) included with the SEM instrument, with the result reported in weight fraction to within 0.1%. The approximate average composition was inferred from the EDS spectrum taken in raster mode from an area of approximately 0.65 mm by 0.45 mm, except in cases where an insufficient specimen size required a smaller area.

Alloy composition

Table 1 summarizes the data for the concentrations of tin (Sn), arsenic (As), lead (Pb) and zinc (Zn) obtained from composition analysis using EDS. Minor elements such as sulfur and

iron were also detected in some objects, but their presence is not discussed here, assuming that their presence has little effect on alloy properties and is fortuitous. Table 1 shows that tin, arsenic, lead and zinc constitute the major alloying elements separately or in combination. These elements have notable effects on the alloy properties and may have been added for specific purposes. The presence of arsenic is beneficial in fabrication and use and generally results from arsenic-bearing ores used in copper smelting. Therefore, arsenic addition can frequently occur without intention, particularly in cases where its concentration is less than a few percent, as observed in objects № 1 and 3a. In addition, these two objects contain other alloying elements, so no further practical benefit is expected from adding arsenic in such a small amount. The alloy recipe in Table 1 can be understood by focusing on tin, lead, and zinc.

Table 1

Summary information of the bronze objects excavated from the medieval settlement at Talgar in Southeastern Kazakhstan, including their ID, purpose, chemical composition and structure type. The numbers labeling the objects are consistent with those in Fig. 2

Таблица 1

Краткая информация о бронзовых предметах, найденных при раскопках средневекового поселения в Талгаре на юго-востоке Казахстана, включая их идентификатор, назначение, химический состав и тип структуры. Номера, обозначающие предметы, соответствуют номерам на рисунке 2

№	ID	Artifact Sn	Composition in weight%				Structure type	Comments	
			As	Pb	Zn				
1	T3	Mirror	8.8	1.5	9.5	^b —	2	Cast	
2	T4	Plate	-	-	2.9	-	1	Cast	
3	a	T5a	Container	2.6	1.0	23.4	10.2	2	Cast
	b	T5b	Repaired part	-	-	-	23.7	3	Forged and annealed
4	T6	Bowl	21.3	-	-	-	4	Cast, slightly forged, and quenched	
5	T7	Bowl	21.4	-	-	-	4	Cast and quenched	
6	a	T8a	°DW pot	-	-	-	-	3	Forged and annealed
	b	T8b	Binder-spacer	13.3	-	-	-	5	Cast
7	a	T9a	DW bowl	-	-	-	-	3	Forged and annealed
	b	T9b	Binder-spacer	13.1	-	-	-	5	Cast
8	a	T10a	DW bowl	-	-	-	-	3	Forged and annealed
	b	T10b	Binder-spacer	17.0	-	-	-	5	Cast
9	T11	Dish	~20.0	-	-	-	4	Cast and quenched; severely corroded	
10	T1	Strainer	16.9	-	-	-	4	Cast, slightly forged, and quenched	

^aStructure type: 1) Pb particles in α , 2) Pb particles in α with variable solute segregation, 3) twinned α , 4) α and martensite background, 5) α and α - δ eutectoid background; ^b-: Not detected; °DW: Double-walled.

In Table 1, tin plays an important role in classifying the metal assemblage examined. According to the presence of this element, the objects are divided into those with (№ 1, 3a, 4, 5, 6b, 7b, 8b, 9, and 10) and without it (№ 2, 3b, 6a, 7a, and 8a), the former further divided by reference to the 10% tin content of 10% into high-tin (№ 4, 5, 6b, 7b, 8b, 9, and 10) and low-tin (№ 1 and 3a) bronzes. It is noted that objects № 1, 2, and 3a contain lead, while it is not observed in any of the high-tin objects. The level of lead in object № 2 is too low to have any significant effect on alloy properties, and the little lead was likely derived from lead-contaminated ores used in copper smelting.

Object № 3a is unique, as it was made of alloys containing 10.2% zinc in addition to 2.6% tin, 1.6% arsenic, and 23.4% lead. The tin level of 2.6% is too low to be a deliberate addition, as opposed to the substantial amount of lead, which must have been added in elemental form. This particular alloy composition would be readily attained in technological settings based on both bronze and brass, where recycled bronze and brass are abundantly available in scrap form. Fig. 2 shows that this object had its central part damaged and later repaired using a different material, brass. As indicated by the arrow in Fig. 2, the brass was forged into a thin plate to cover the damaged part. The sample of this plate is labeled 3b in Table 1, where its zinc level is specified at 23.7%. This concentration of zinc was characteristic of a brass-making technique named cementation, which served as the main process for producing brass alloys in the Islamic world, including Central Asia (Craddock, 1979; Allan, 1979; Park and Voyakin, 2009). In contrast to the original body, the repaired part was likely forged from fresh cementation brass without any compositional modification.

Significantly, objects № 6, 7, and 8 were made of two different materials: unalloyed copper and high-tin bronze. These objects, as mentioned earlier, were double-walled containers made of two thin copper plates separated and positioned by small, thin, high-tin bronze spacers. The spacers contain only tin as an alloying element, with the tin content determined between 13.0% and 17.0%. Within this composition range, the bronze alloys melt at temperatures lower than those of unalloyed copper 100 °C to 150 °C. Therefore, in controlled heat treatment, only the high-tin spacers could be molten and then frozen to serve as an adhesive binding to the two copper plates. The tin content of the spacers, likely determined by the accuracy of temperature control in this thermal treatment, may represent the level of technological sophistication available at the site. The arrangement of the spacers between two copper plates will be presented in the following section.

It is seen in Table 1 that objects № 4, 5, 9, and 10 are also high-tin bronzes. However, they were made exclusively of high-tin bronze alloys, with the tin content mainly determined within a narrow range around 21.0%, much higher than the spacers.

Microstructure

Structures typical of those observed in the bronze objects in Fig. 2 are presented in Fig. 3a-3g, all optical micrographs with the exception of Fig. 3b, a SEM micrograph.

Objects № 1 and 3a were similar in structure, as illustrated in Fig. 3a, a micrograph taken from object № 1, where both the dark and the bright areas are filled with the α phase. This contrast in the α areas reflects the difference in the amount of alloying elements incorporated during solidification.

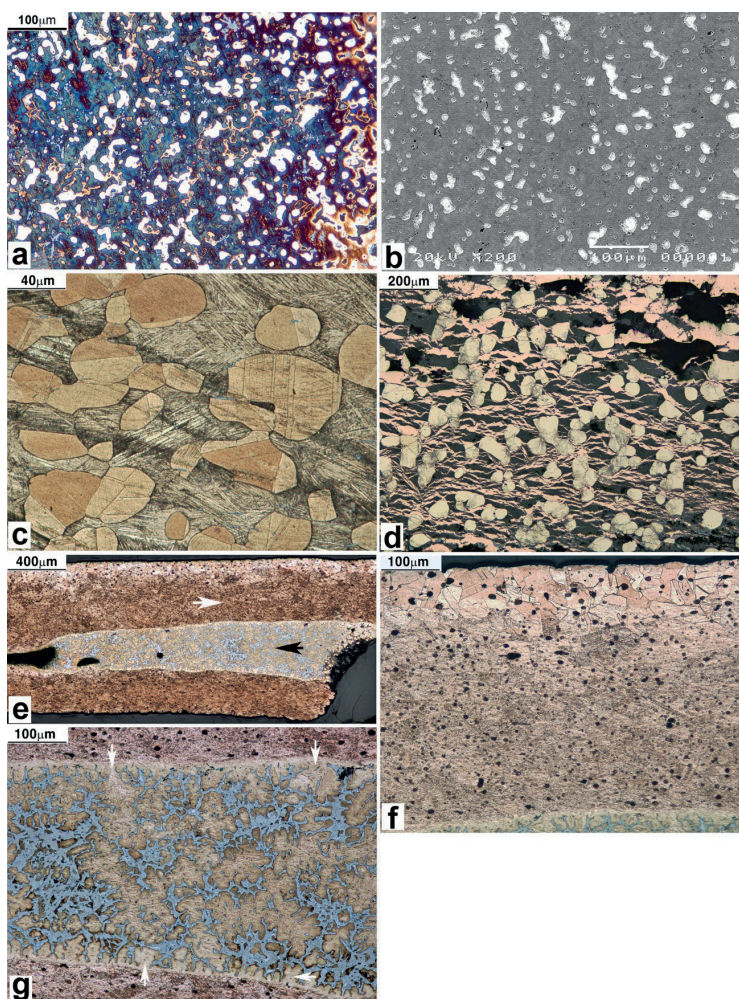

Fig. 3. Micrographs: a – Optical micrograph showing the structure at the external layer of object 7 in Fig. 2; b – optical micrograph showing the structure of object 1 in Fig. 2; c – SEM micrograph illustrating the structure of object 1 in Fig. 2; d – optical micrograph showing the structure of object 8 in Fig. 2. Note the central layer inserted between the two layers at the top and bottom; e – optical micrograph magnifying the central area of Fig. 3d; f – optical micrograph showing the structure of object 10 in Fig. 2

Рис. 3. Микрофотографии: а – оптическая микрофотография, показывающая структуру на внешнем слое объекта 7 на рисунке 2; б – оптическая микрофотография, показывающая структуру объекта № 1 на рисунке 2; в – СЭМ-микрофотография, иллюстрирующая структуру объекта № 1 на рисунке 2; г – оптическая микрофотография показывающая структуру объекта 8 на рисунке 2. Обратите внимание на центральный слой, вставленный между двумя слоями сверху и снизу; е – оптическая микрофотография, увеличивающая центральную область на рисунке 3д; ф – оптическая микрофотография, показывающая структуру объекта 10 на рисунке 2

In this process, the primary α phase forms first with a lower solute content than bright areas, which solidify later with solute enrichment. The micrograph shows no indication that other phases were present in a notable amount, suggesting that the level of alloying elements was well below the solubility limit in the α phase. The composition data in Table 1 confirmed this prediction by showing that, on average, the given specimen included 8.8% tin, 1.5% arsenic, and 9.5% lead as alloying elements. It should be noted that lead is virtually insoluble in the α phase and exists in bronze as particles of almost pure lead. The presence of such lead particles, not readily identified in Fig. 3a, is clearly visible of the bright areas in Fig. 3b, an SEM micrograph taken from the same specimen as in Fig. 3a.

Fig. 3c, an optical micrograph taken from object № 10, illustrates structures typically observed in objects № 4, 5, and 10, which consist consistently of primary α areas scattered in the background of the β -martensite. This martensite phase in bronze occurs only in high-tin specimens with a tin level of 10% or higher when they are heated at temperatures around 700 °C, followed by quenching in a medium such as water. The α grains in Fig. 3c are slightly twined, indicating that the object was lightly forged at high temperatures prior to quenching. A similarly twined structure was observed in object № 4 but not in № 5.

The structure illustrated in Fig. 3d, an optical micrograph showing the structure of object № 9, appears different from that of Fig. 3c due to the corrosion-induced modification. However, a careful comparison of Figs. 3c and 3d reveals that the roughly circular areas in both micrographs are similar and represent the same primary α phase. The formation of such a unique α phase requires special thermal treatment, suggesting that object № 9 was also treated similarly. In this case, Fig. 3d should have the same phase precipitated in the background as Fig. 3c. However, corrosion completely modified the structure in the background of Fig. 3d, leading to the re-deposition of almost pure copper, as seen in the bright ribbon-like areas with the dark space between them filled with corrosion products primarily of copper and tin oxides (Wang and Merkel 2001).

The specimens from objects № 6, 7, and 8 were nearly identical in both structures and their peculiar distribution, as illustrated in Fig. 3e, an optical micrograph covering the entire thickness of the thin wall. The micrograph shows that the wall is approximately 1mm thick and consists of three layers. Fig. 3f, an optical micrograph magnifying the area marked by the white arrow in Fig. 3e, indicates that the upper layer consists exclusively of α grains, which, according to EDS analysis, were made of unalloyed copper. The twin structure seen in the α grains near the upper edge is suggestive of significant mechanical work applied during fabrication. The bottom layer in Fig. 3e was also made of unalloyed copper.

Fig. 3g, an optical micrograph enlarging the area at the dark arrow in Fig. 3e, shows high-tin bronze structures consisting of the primary α phase precipitated in the form of dendrites, with the inter-dendritic areas filled with the α - δ eutectoid. This unique microstructure occurs in the solidification reaction of high-tin alloys, followed by slow cooling as in an ambient environment. Evidently, this high-tin layer was in a molten state between the two solid copper layers at the top and bottom. It is seen in the arrows in Fig. 3g that the molten alloy began to freeze where it was in contact with the solid copper. The tin content in the middle layer was determined in the EDS analysis to be approximately 17.0%, which is within the prediction based on structure. The bronze alloys of this tin concentration melt at approximately 930 °C,

which is 154.5 °C lower than the melting point of unalloyed copper), implying that the object was thermally treated within this temperature range before it was left to cool at a slow rate. In addition to serving as cement to bind two thin copper plates, high-tin alloys must have played a key role in the making of a double-walled container as spacers, allowing better control over its shape, size, and the gap between its inner and outer walls.

Discussion

Table 1 summarizes the composition and microstructure data of the fourteen samples taken from ten metal objects, revealing various alloy methods with tin, lead, and zinc serving as the main alloying elements. A little arsenic detected in some specimens is ignored for reasons mentioned earlier. Table 1 shows that five of the 14 specimens were made of copper without a deliberate addition of alloying elements. However, one of them (№ 2) is found to contain 2.9% lead, likely as a result of inadvertent contamination. Apparently, lead-contaminated copper often circulated in the region as a raw material for the production of various copper-based alloys. Two samples in Table 1 were cast from either a copper-tin-lead alloy (no. 1) or a copper-tin-lead-zinc alloy (no. 3a). Significantly, the remaining seven were made of copper-tin alloys without lead. Their tin level was set at 13.1% and above in the range of high-tin bronze.

During the medieval period, Central Asia, including the present site at Talgar, was undergoing a transition from brass to bronze (Park and Voyakin 2009, 2021; Park et al., 2021). As a result, recycled bronze and brass in scrap form served as the main raw materials for making copper-based alloys, and their resulting tin levels generally determined below 5.0%. Specimen № 3a from object № 3 in Table 1 is well within this range, although its lead concentration is significantly higher than normal. The other specimen (№ 3b) of the same object was also readily available as a raw material derived directly from the cementation process, the major method of brass making at the time. Apart from this particular case and five other cases of unalloyed copper, the alloys in Table 1 were all significantly different from the norm at the time in terms of chemical composition. This divergence from the contemporary standard alloying tradition evidently arose from the unique functional properties required in objects for which the given alloys served as raw materials. The seven such alloys in Table 1 were used in the fabrication of special double-walled thermal containers (objects № 6, 7, and 8) and high-tin bronze kitchen items (objects № 4, 5, 9, and 10).

As illustrated in Fig. 3e, the double-walled containers all consist of two thin copper plates forming the inner and outer walls, with an empty space positioned between them. This space was seen to maintain its shape via small spacers placed between the two copper walls. Placers were made of high-tin bronze alloys with melting temperatures than copper. The wall-spacer assembly was then thermally treated at temperatures between those of elemental copper and bronze spacers so that the latter, upon freezing, could be welded to the copper walls on both sides. The bronze spacers in objects № 6, 7, and 8 are shown in Table 1 to contain 13.3, 13.1, and 17.0% tin, respectively. Bronze alloys with these concentrations of tin melt at temperatures approximately between 930 and 980 °C. For successful thermal treatments, therefore, the temperature must be controlled between these values and 1,084.5 °C, the melting point of copper. The control of temperature within 50 °C around the target value of approximately 1,000 °C was certainly a considerable challenge at the time. This difficulty must have dictated

the use of copper for the walls instead of bronze, despite the fact that bronze is better than copper in nearly every technological aspect except melting temperature.

Increasing the tin content of the spacers to lower their melting point and expand the acceptable temperature range could facilitate temperature control. However, this option causes the fraction of the fragile δ phase to increase in the spacers, making them prone to brittle fracture upon receiving impacts in service. The tin level, seen generally lower in the spacers than in the other high-tin items, hints at the possibility that this factor was taken into account, causing their tin fraction to be set approximately at the practical upper limit, 17.0%.

However, it is important to note that a proper thermal treatment can prevent the deterioration of mechanical properties resulting from high tin concentrations (Park et al., 2009). As discussed earlier with reference to Fig. 3c, this thermal process consists of heating at elevated temperatures, followed by quenching in water. During heating, the temperature is controlled so that the bronze alloys exist as a mixture of two different phases, α and β . During the subsequent quenching treatment, the β phase transforms into martensite, causing the overall microstructure to comprise both α and martensite, as illustrated in Fig. 3c. If the cooling rate is not as rapid as in quenching, the precipitation of δ , instead of martensite, is promoted. Therefore, the special thermal treatment can be considered a process to obtain ductile martensite by suppressing the formation of δ , which is too brittle to accept any impact loading, during fabrication or in service.

In fact, high-tin objects other than the spacers above were consistently given this thermal treatment, evidently to improve resistance to brittle fracture by suppressing the precipitation of δ . The recrystallized structure noted in Fig. 3c demonstrates that such a controlled microstructure could allow the given high-tin specimens to be forged without incurring brittle fracture. However, given their small size and peculiar arrangements in the double-walled containers, the application of this thermal technique to the spacers is practically impossible. Moreover, the high thermal stresses that could be induced during quenching may have negative effects on the welded joints between the spacers and the walls.

It has been established that the mechanical properties of high-tin bronze, as determined by the balance between strength and ductility, could be optimized when the alloys of near-peritectic composition, 22% tin, are heated at around 700 °C, followed by quenching (Park et al., 2009). Significantly, a recent metallographic study of Korean high-tin bronzes (Park and Joo 2017) showed that the high-tin technology in ancient Korea evolved with this condition as a target. It is intriguing to note that exactly the same condition is also confirmed in Table 1 in objects № 4 and 5, and possibly object № 9, with only one exception of object № 11, suggesting a technological development in Korea and Kazakhstan heading toward a common target. The occurrence of such a shared technological development in the two widely separated regions would not have been possible unless there was one and the same optimum condition.

Conclusion

A bronze assemblage recovered from the medieval residential site at Talgar in Kazakhstan was metallographically investigated. In addition to an object hinting at a bronze-to-brass transition in the Talgar region [Park and Voyakin, 2009], the assemblage contains high-tin bronzes employed in two innovative applications, reflecting the high level of technological achievements.

An application was observed in a group of double-walled thermal containers consisting of two thin plates joined by small spacers to form a gap between them. Given their walls made of thin copper sheets, these vessels must have been used primarily to contain liquids in need of thermal insulation. Microstructure data showed that the spacers, made of high-tin bronze, were perfectly welded to the inner and outer copper walls, indicating that they also served as binding agents. Evidently, a thermal treatment was applied to the wall-spacer assembly at temperatures between the melting points of the two different materials, copper and high-tin bronze. This technique requires a comprehensive understanding of the melting temperatures as a function of tin concentrations. The accuracy of the temperature control determines the tin levels of the spacers. The use of unalloyed copper for the walls must have been intended to maximize the difference in melting temperatures. The addition of more tin to the spacers would then widen the temperature gap and make temperature control easier. However, the tin concentration must be restricted to keep the alloy from becoming too brittle. The composition data indicate that the temperature control at medieval Talgar was practiced within 50 °C of the target temperature of 1,000 °C.

The other application was found in a group of high-tin bronze-made household items with evidence of a special thermal treatment applied, evidently for improved impact resistance. According to the composition and microstructure data, these objects were generally cast from copper-tin alloys of a nearly-peritectic composition (22% tin) and then thermally treated at around 700 °C, followed by quenching in water. These specific tin concentrations and the specific process temperatures represent conditions optimized for the best mechanical properties and noble color characteristics expected from the use of high-tin alloys [Park et al., 2009]. The successful implementation of this technique, therefore, symbolizes a significant achievement that necessitates a comprehensive understanding of the material properties as determined by the alloy composition and various phase transformations in the copper-tin system.

Early evidence of high-tin technologies practiced in Central Asia was observed, particularly in mirrors recovered from archaeological sites dating from the sixth century BC to the first century AD [Ravich, 1991]. Similar evidence was also found in high-tin Central Asian bronze vessels from Kushana-Sasanian contexts [Shemakhanskaya, 1991]. Therefore, the technology and materials evidenced in the high-tin objects under consideration were likely a continuation or revival of those long exploited in and around the region, though not in an optimized state. Little is known, however, of the history of high-tin bronze alloys used in the manufacture of double-walled vessels as spacers and binding agents.

Acknowledgements

This work would not have been possible without the kind support of the late Dr. K. M. Baipakov, who served as the director of the Margulan Institute of Archaeology of the Republic of Kazakhstan. We thank and acknowledge his encouragement and advice. The analytical work was conducted while the author (JSP) was a professor at Hongik University.

The work was financially supported by the National Research Foundation of Korea (NRF- 2017R1A2B4002082).

Благодарности

Эта работа была бы невозможна без любезной поддержки покойного доктора К. М. Байпакова, который занимал пост директора Института археологии им. Маргула-

на Республики Казахстан. Мы с благодарностью помним и ценим его поддержку и советы. Аналитическая работа проводилась в то время, когда автор (JSP) был профессором университета Хонгик.

Работа была финансово поддержана Национальным исследовательским фондом Кореи (NRF- 2017R1A2B4002082).

REFERENCES

Abazov R. *The Palgrave concise historical atlas of Central Asia*. Palgrave Macmillan, Chennai India. 2008.

Allan J. W. *Persian Metal Technology 700–1300*. Ithaca Press, London. 1979. 179 p.

Chang C, Tourtellotte P. A., Baipakov K. M., Grigoriev F. P. The Evolution of Steppe Communities from the Bronze Age through Medieval Periods in Southeastern Kazakhstan (Zhetysu), *The Kazakh-American Talgar Project 1994–2001*, Sweet Briar, Almaty Kazakhstan, 2002, 178 p.

Christian D. *A history of Russia, Central Asia and Mongolia, volume I, Inner Eurasia from prehistory to the Mongol Empire*. Blackwell Publishing, Oxford. 1979, vol. 1, 172 p.

Craddock P. T. The copper alloys of the medieval Islamic World — inheritors of the classical tradition. *World Archaeology*, 1979, no. 11, pp. 68–79.

Frachetti M. D. *Pastoralist landscapes and social interaction in Bronze Age Eurasia*. University of California Press, Berkeley Los Angeles and London. 2008, 207 p.

Frye R. N. *The heritage of Central Asia*, Markus Wiener Publishers, Princeton. 2004, 271 p.

Mecking O. The colours of archaeological copper alloys in binary and ternary copper alloys with varying amounts of Pb, Sn and Zn. *Journal of Archaeological Science*, 2020, no. 121, pp. 105199. <https://doi.org/10.1016/j.jas.2020.105199>.

Park J. S., Joo J. O. 2017 The social implications of technological variability as observed in high tin bronze objects of the Unified Silla. *Korean J. Met. Mater.* 2017, no. 55 (10), pp. 745–757.

Park J. S., Park C. W., Lee K. J. Implication of peritectic composition in historical high-tin bronze metallurgy. *Materials Characterization*, 2009, no. 60, pp. 1268–1275

Park J. S., Savelieva T. The implication of technology and chronology reflected in a group of iron objects from the archeological site at Talgar in southeast.

Kazakhstan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, no. 13, p. 43. doi.org/10.1007/s12520-021-01414-0.

Park J. S., Voyakin D. The key role of zinc and tin in copper-base objects from medieval Talgar in Kazakhstan. *Journal of Archaeological Science*, 2009, no. 36 (3), pp. 622–628.

Park J. S., Voyakin D. Characterization of Iron Technology at Medieval Talgar in Kazakhstan. In: Rehren Th, Humphris J (eds) *The World of Iron*. Archetype Publications, London, 2013, pp. 234–242.

Park J. S., Voyakin D. Technological transition and complexity reflected in bronze and brass objects from the medieval site in the Aral Sea region. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, no. 13, p. 27. <https://doi.org/10.1007/s12520-021-01271-x>.

Park J. S., Voyakin D., Kurbanov B. Bronze-to-brass transition in the medieval Bukhara oasis. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2021, no. 13, p. 32 <https://doi.org/10.1007/s12520-021-01287-3>.

Ravich I. G. Study of the composition of Scythian and Sarmatian bronze mirrors and technologies of their manufacture. *Bulletin of the Metals Museum*, 1991, no. 16, pp. 20–31.

Rostoker W., Bronson B. Pre-industrial iron its technology and ethnology. *Archaeomaterials Monographs*, 1990, no. 1, pp. 219–229.

Shemakhanskaya M. S. (1991) New aspect of the origin of ancient bronze. *Bulletin of the Metals Museum*, 1991, no. 16, pp. 3–9.

Tylecote R. F. *A History of Metallurgy*. The Institute of Materials, London, 1992

Wang Q., Merkel J. F. Studies on the Redeposition of Copper in Jin Bronzes from Tianma-Qucun, Shanxi, China. *Studies in Conservation*, 2001, no. 46 (4), pp. 242–250.

Статья поступила в редакцию: 04.01.2024

Принята к публикации: 10.03.2024

Дата публикации: 31.03.2024

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (516)

DOI 10.14258/nreur(2024)1-04

Д. П. Шульга

Сибирский институт управления РАНХиГС, Новосибирск (Россия)

К ВОПРОСУ О СМЕШЕНИИ ЭТНОСОВ В КОЧЕВЫХ ИМПЕРИЯХ (НА ПРИМЕРЕ БРАЧНЫХ СОЮЗОВ)

Во времена династий Ляо и Цзинь кидани и чжурчжэни имели много общего в своих брачных системах и обычаях. Кроме прочего, поощрялись смешанные браки между этническими группами. За этим стоят глубокие исторические причины, о которых пойдет речь в этой статье. Ведь круг имеющихся источников для изучения «этносов» древности и Средневековья, при всей своей полноте (для некоторых регионов и периодов), имеет ряд особенностей. Данные археологии, способные сформировать у исследователей представление о развитии материальной культуры той или иной общности, наличию у различных групп населения похожих форм в искусстве и т. д. Нарративные источники (как объемные письменные тексты, так и эпиграфика), если они описывают чужеземцев, часто вместо «национальностей» преподносят нам «политонимы», цель которых — показать возможные последствия от взаимодействия с описываемой общностью, без особого внимания к иным особенностям (так, позднеримские и византийские источники именовали «скифами» народы Северного Причерноморья от готов до славян). Поэтому особенную ценность имеет «самоописание», т. е. фиксация в источнике собственных представлений об этничности. В настоящей работе автор, делая упор на историю империй Ляо (основана монголоязычными киданями) и Цзинь (создана тунгусоязычными чжурчжэнями) и приводя аналогии из китайских документов раннего Средневековья, демонстрирует сложности «национальной политики» в Северном Китае ввиду необходимости построения жизнеспособных государств в поликультурной среде. Лишь учитывая такие факторы, как брачные запреты (или, напротив, поощре-

ния) в зависимости от социальной иерархии, можно более или менее адекватно реконструировать взаимоотношения сообществ эпохи древности и Средних веков в Евразии.

Ключевые слова: Северный Китай, сяньби, кидании, чжурчжэни, жуны, брачная политика.

Для цитирования:

Шульга Д. П. К вопросу о смешении этносов в кочевых империях (на примере брачных союзов) // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 1. С. 55–66.

DOI 10.14258/nreur(2024)1–04.

D. P. Shulga

Siberian Institute of Management, RANEPА, Novosibirsk (Russia)

THE ETHNIC MIXING IN THE NOMAD EMPIRES (THE CASE OF MARRIAGE UNIONS)

During the Liao and Jin dynasties, the Khitans and Jurchens shared many similarities in their marriage systems and customs, including the encouragement of mixed marriages between ethnic groups. This article will delve into the historical background that underpins these communities’ practices. The study of ancient and medieval “ethnic groups” draws upon a range of sources, each with its own strengths and limitations. Archaeological data provides insights into the shared material culture development and artistic forms across different population groups. Narrative sources, such as written texts and epigraphs, often use “politonyms” instead of specific nationalities when describing foreigners, focusing on the potential consequences of interactions rather than distinct features (for example, the people of the Northern Black Sea Region were referred to as “Scythians” in Late Roman and Byzantine sources, regardless of their actual ethnicity). Therefore, first-hand accounts play a crucial role in capturing individuals’ own perceptions of ethnicity. This study focuses on the histories of the Liao (established by the Mongol-speaking Khitans) and Jin (founded by the Tungus-speaking Jurchens) Empires, drawing analogies from Chinese records of the early Middle Ages to showcase the complexities of “national politics” in northern China. By examining factors such as marriage regulations based on social hierarchies, we can gain a more nuanced understanding of the relationships between ancient communities in Eurasia. **Keywords:** Northern China, Xianbei, Khitans, Jurchens, Rongs, Marriage Policy.

For citation:

Shulga D. P. The ethnic mixing in the nomad empires (the case of marriage unions). *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No 1. P. 55–66. DOI 10.14258/nreur(2024)1–04.

Шульга Даниил Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления РАНХиГС, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** alkaddafa@gmail.com. <http://orcid.org/0000-0001-5820-1743>.

Shulga Daniil Petrovich, PhD (History), professor of the International Relations and Humanitarian Cooperation Department, Siberian Institute of Management — Branch of the RANEP, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** alkaddafa@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-5820-1743>.

Введение

Разнообразие кажущихся нам подчас монолитными кочевых сообществ на поверку могло быть велико. На данный момент у нас есть свидетельства того, что на северо-востоке Китая до III в. н. э. проживали группы с явными европеоидными признаками. При этом важно отметить, что в источниках того времени всё население того региона относили к сяньбэй. В описании этой общности нередки упоминания черт, свойственных европеоидам. В историческом сочинении первой половины V в. н. э. за авторством Лю Ицина «Новое изложение рассказов, в свете ходящих» (世说新语), в главе 27 («Цзяцзюэ», 假譎, примерный перевод — «коварство и крючкотворство») влиятельный полководец, впоследствии возглавивший мятеж 322–324 гг., Ван Дунь (266–324 гг.), говорит о цзиньском Мин-ди (правил Восточной Цзинь в 323–325 гг.): «желтоусый сяньбэйский раб» (黄须鲜卑奴). В историческом произведении «Сад удивительного» (异苑, «И юань»), написанном Лю Цзиншю (жил в первой половине V в. н. э.) тот же Ван Дунь называет ненавистного ему императора «желтоголовым сяньбэйским рабом», добавляя, что «мать императора из рода Сюнь происходит из земель Янь, потому и он имеет такую наружность» [Ян Цзюнь, 2007].

Также нам следует учитывать крайнюю обобщённость некоторых «этнонимов» из китайских источников¹. Например, в раннее Средневековье к хазарам могло применяться наименование, которым еще во второй половине I тыс. до н. э. называли носителей скифоидных культур. В «Старой истории Тан» (раздел о некитайских народностях

¹ Справедливости ради стоит отметить, что взгляд на Китай и сопредельные территории «с запада» зачастую страдал все той же огульностью определений [Bi Wei, 2020; Цю Цзяннин, 2019].

к западу от Поднебесной, 旧唐书 • 西戎传, дословно «о западных жунах»²) говорится: «Персия... на востоке граничит с Тохаристаном и царством Кан, на севере соседствует с тюркским племенем кэса³, на северо-западе противоборствует с Византийской империей (西北拒拂菻⁴), непосредственно запад и юг омываются морем» [Сян Лили, 2006: 9]. К слову, сами авторы из Восточной Римской империи подходили к описанию кочевых сообществ примерно с тех же позиций — для них территориальные и хозяйственные признаки всегда доминировали над культурно-языковыми⁵.

В науке развитие кочевых империй, в том числе Ляо и Цзинь, весьма часто становилось предметом изучения. Среди работ, в рамках которых кидани и чжурчжэни⁶ рассматривались в контексте развития обществ номадов, можно, среди прочих, отметить монографии «Опасная граница»⁷ [Барфилд, 2009: 136–137], «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров» [Кычанов, 1997: 125–174], «Степные империи древней Евразии» [Кляшторный, Савинов, 2005: 138–145], а также коллективный труд «Элита в истории древних и средневековых народов Евразии». Также заслуживают упоминания обобщающие работы Н. Ди Космо [Di Cosmo, 2002] и коллективная монография под редакцией Н. Н. Крадина и Б. В. Базарова [Кочевые империи Евразии..., 2019]⁸.

С точки зрения методологических подходов автору настоящей статьи ближе всего работа Е. И. Кычанова, аргументировано развивающая идею о феодализме на приме-

² Более подробно о бытовании «этнонима» *жуны* автор писал в предыдущих работах [Шульга Д. П., Шульга А. А., 2017; Шульга, 2017; Шульга, 2014]. Для иллюстрации хозяйственного типа племен Северного Китая можно привести свидетельства о *горных жунах*. В «Исторических записках» при описании ситуации вокруг царства Янь в период Восточного Чжоу говорится: «Они пасут стада коней, овец и коров, следуя за источниками воды и травы, им незнакома агрикультура» [Пекинский городской..., 2010: 565–566]. Есть описание *западных жунов* в приписываемом деятелю III в. н. э. Чжугэ Ляну трактате «Вертоград полководца»: «Народы, населяющие запад, имеют смелый и агрессивный нрав, они алчны; некоторые из них живут в укрепленных городах, другие предпочитают дикую жизнь; корма в их землях не хватает, но много золота и серебра. Таким образом, эти люди от природы наделены огромным мужеством, их очень трудно одолеть. К западу от пустыни обитает масса различных племён и народов, край тот обширен, местность труднопроходима. Привыкшие к постоянной войне, жуны не сдаются в плен, у них мятежное сердце, так что мы должны ждать, пока они не подвергнутся внешнему вторжению, следует иметь с ними дело в дни их внутренних противоречий» [Шульга, Мерзликин, 2016].

³ Имеются в виду хазары [Линь Ин, 2000].

⁴ Примечательно, что в данном памятнике используется название «Фулинь», которое обычно относят к Восточной Римской империи, хотя по этому поводу существует дискуссия [Шульга, 2021; Livery, 2019].

⁵ «Как указывает Григора, племена обычно именовались по географическому локусу, ими занимаемому. Причем утверждение Григоры о том, что в византийском мире каждый их называет как захочет, показывает, что сами византийцы отчетливо осознавали условность научных названий, унаследованных от древности» [Шукуров, 2017: 67].

⁶ Отнесение данной общности к кочевникам довольно условно, очевидно, здесь лучше говорить о комплексном хозяйстве со значительной долей животноводства, в том числе оседлого.

⁷ Также из англоязычных работ можно вспомнить вышедшую в 2023 г. книгу «Empires of the Steppes», пока не переведённую на русский язык. В ней присутствует раздел о Западном Ляо [Harl, 2023: 237–254].

⁸ Оба труда содержат как фактологические, так и историко-аналитические части. Интересно, что российские издания нередко имеют куда более сдержанные названия в сравнении с западными, в которых подчёркивается антагонизм оседлого Китая и номадов («опасная граница» у Т. Дж. Барфилда и слово «враги» у Н. Ди Космо). Данный факт, впрочем, никак не отменяет академической значимости указанных работ.

ре кочевых народов [Кычанов, 1997: 198]. В то же время видный новосибирский медиевист Геннадий Геннадьевич Пиков, написавший раздел о киданях в коллективной монографии 2005 г., при всей масштабности обработанной информации по истории Ляо [Элита, 2005: 200–239], использует как данность весьма спорные категории вроде «ментальности» (об этом есть и отдельная статья) [Пиков, 2014]. Например, он пишет: «Одной из особенностей киданьской ментальности все китайские, а потом и мусульманские авторы отмечают их непокорность и неуживчивость»⁹, после чего идут сопоставления с европейскими франками, древними евреями и даже США [Элита..., 2005: 208–209]. Разумеется, историческая компаративистика, равно как и исследование духовной жизни номадов, являются весьма перспективными направлениями. Однако переоценка роли «ментальности»¹⁰ в ходе войн за влияние в Великой Степи¹¹, представление о некоей принципиальной уникальности исторического пути киданей (на фоне иных скотоводческих обществ Евразии) вызывают целый ряд закономерных вопросов. В нашей статье мы, обращаясь к нарративным источникам, кратко рассмотрим один из «прикладных» элементов жизни Ляо и Цзинь — межэтнические браки.

К счастью для исследователей, на территории Китая в Средневековье¹² существовали кочевые (по происхождению элиты) государства с собственной устойчивой письменной традицией и достаточно долгим периодом существования. Бытовавшая в периоды Ляо и Цзинь система традиционных браков между родами императора и императрицы ограничивала только детей от главных жён из двух династий. Однако дети второстепенных жён и наложниц не были так строго ограничены в своем выборе, а в отношении простого народа брачные ограничения по большей части отсутствовали¹³.

После создания Ляо и Цзинь, по мере того, как территории государств постепенно расширялись, под их управление попадало множество народов, культурный уровень и хозяйственный тип которых значительно различались. Правители обеих династий в итоге сталкивались с ключевым вопросом, как управлять разноплеменным населением, чтобы привести общество к стабильности и экономическому развитию. В частности, большое значение придавалось политике по отношению к народам, культурный уровень которых был выше, чем у самих киданей и чжурчжэней, например, ханьцами («хуа-

⁹ В данном случае не учитывается, что описание «варваров» обычно снабжено сообщением об их дикости и неукротимости, будь то цитировавшийся выше «Вертоград полководца» или сообщение Константина Багрянородного о славянах.

¹⁰ Источников для исчерпывающего изучения которой, по нашему мнению, явно недостаточно.

¹¹ Напр., «восточный коридор таил неожиданные опасности. Здесь накапливалась иная ментальность, которая недооценивалась... Здесь столкнулись не культуры, а две ментальности, которым не суждено было найти общий язык» [Пиков, 2014: 89].

¹² В отличие от более раннего периода, когда письменные данные в основном ограничиваются либо внешними описаниями (сюнну), либо эпиграфикой (тюрки).

¹³ В некоторой степени нечто подобное (хотя и в упрощенной форме) проявилось у монголов, когда доминирующим правом на власть обладали не все потомки Чингисхана, а лишь наследники от старшей жены [Ли Чжунюп, 2016]. Данная ситуация неудивительна, ведь монголы находились в политической и культурной связи с Ляо и Цзинь [И Линьчжэнь, 2001: 156–190]. Впрочем, в эпоху Юань наблюдались и определённые попытки сохранения чистоты монгольского этноса в Китае (в том числе потому, что сама принадлежность к данному народу превратилась в элитарный признак) [Цю Ихао, 2012; Жэнь Иминь, 2007].

ся») и бохайцами¹⁴. Для эффективного управления необходимо было опираться на образованных выходцев из данных этносов, и для того, чтобы привлечь их на свою сторону, правители, помимо раздачи соответствующих титулов и средств, поощряли межнациональные браки. Последние, если угодно, становились частью кадровой политики.

Супруга-императрица ляосского Ши-цзуна¹⁵ из рода Чжэнь считалась представительницей ханьцев. Киданьский Шэн-цзун также брал ханьских женщин в наложницы. Ханьцы также брали в жёны женщин из числа родни киданьского императора. «Киданизовавшимся» ханьцам из семьи Хань Дэжана была высочайше пожалована фамилия Елюй¹⁶, как у императорской семьи. Среди элиты «хуася» модным становилось подражать брачным обычаям правящего дома. Например, учёные-конфуцианцы Лю Кэ, Лу Цзюнь и Лю Сыдуань все были женаты на киданьских принцессах. Имели место и браки киданьских аристократов с бохайскими невестами. Ван княжества Дундань¹⁷ Елюй Бэй взял в наложницы бохайскую девушку из знатной семьи, император Шэнь-цзун также взял наложницу бохайского аристократического рода. Последняя родила принцессу Линьхай. Впоследствии принцесса вышла замуж за бохайца Далицю [Ся Юйсуй, Чжао Вэйбинь, 2007].

У чжурчженей в их империи Цзинь довольно часто члены царствующего дома брали в наложницы и младшие жёны женщин киданьского, ханьского и бохайского происхождения. Этот процесс должен был особенно активизироваться по мере завоевания территорий, между Хуанхэ и Янцзы, заселенных преимущественно «хуася» [Кычанов, 1997: 159–165]. Родными матерями девяти императоров династии Цзинь¹⁸ были женщины народности бохай. После цзиньского Чжан-цзуна (жил в 1168–1208 гг., правил в 1189–1208 гг.) усилились центробежные тенденции в империи. Вместе с тем резко увеличилось количество случаев, когда чжурчжэни брал в наложницы иноплеменниц, особенно женщин из ханьских семейств. В официальной истории чжурчжэньской династии Цзинь записано, что у цзиньского Сюань-цзуна (жил в 1163–1224 гг., правил в 1213–1224 гг.) было четыре наложницы, все они были женщинами из «хуася». Очевидно, что ограничения по национальному признаку в брачной системе были уже не такими явными. Согласно статистике, приводимой современным китайским исследователем Ван Шилянем, во времена династии Цзинь наложницы не чжурчжэньского происхождения, описанные в исторической литературе, составляли 50,7% от общего числа» [Ся Юйсуй, Чжао Вэйбинь, 2007]. Из этого видно, насколько распространены были смешанные браки между императорской семьёй и различными этническими

¹⁴ Сами бохайцы, очевидно, также имели гетерогенное происхождение [Кычанов, 1997: 89–93]. Недаром до сих пор идет дискуссия на стыке истории и политики, относится ли наследие царства Бохай к Корее либо к Китаю.

¹⁵ Следует отметить, что у данного монарха была также жена из уйгурского рода Сяо.

¹⁶ Интересно, что уже в монгольскую эпоху носители фамилии Елюй известны на службе императоров Юань. Часть из них исповедовала несторианство, на что указывают находки на христианских некрополях Внутренней Монголии, например могильнике Ванмулян (王墓梁墓地) на возвышенности у восточного берега реки Шара-Мурэн.

¹⁷ Вассальное княжество империи Ляо, созданное на месте бывшего государства Бохай.

¹⁸ Среди таковых были Хайлин (Ваньянь Лян, четвертый цзиньский император), Си-цзун (Ваньянь Дань, третий император) и Вэйшао-ван (Ваньянь Юнцзи, седьмой император).

группами, ведь монарший гарем был наиболее регламентированным с точки зрения брачных обычаев и законов.

Поощрение межнациональных браков, в особенности в регионах, где конфликты между доминирующим земледельческим населением¹⁹ и новой элитой²⁰ были острыми, стало для правителей эффективной мерой смягчения межнациональных противоречий и упрочения власти. В «Собрании записей с речки Уси»²¹ в главе «Придворный этикет киданей» сказано: «Четыре фамилии жили вперемешку, но прежде не связывались браком. Тогда советник Хань Шаофан предложил позволить им жениться». В «Официальной истории киданьского государства Ляо» в разделе «Записи о Тай-цзуне» есть приказ от октября третьего года Хуэйтун (940): «Пусть кидани дают ханьцам высокие посты, учатся ханьскому этикету, вступают в брак с ними». Также было и с браками чжурчжэней и ханьцев: «Дабы достичь своих целей в Китае, учитывая, что их сородичи немногочисленны в этой стране, правители жаловали ханьцам земли, давали высокие посты и титулы, чтобы они служили им и охраняли их. В мэнъянях и моукэ²² земля ханьцев шла вперемешку с землей чжурчжэней, пусть женятся с киданями и ханьцами, чтобы объединить землю». Имеется запись от второго года Минчан (1191): «В год жёлтого Тигра, в новолуние на четвёртый день министры сказали: «Простой народ часто не живёт в мире с земледельцами, если приказать им жениться друг с другом, эта стратегия будет залогом долговечного мира в государстве». Запись от ноября шестого года Тайхэ (1206): «В год синего Петуха был приказ позволить жителям военных поселений жениться на девушках из числа простого народа²³».

Вышеописанное главным образом касается браков киданьских и чжурчжэньских правителей с бохайцами и ханьцами, фактически же их браки с другими народностями, проживавшими на территории страны, тоже были весьма распространены. Кидани государства Ляо²⁴ женились на таких живших в Китае народах, как си²⁵, шивэй, чжурчжэни, монголы, уйгуры, туюхунь [Кычанов, 1997: 64–68]. В последние годы царствования династии Ляо их вассалы поднимали восстания один за другим. Императоры пошли на крайние меры, запрещая браки между жителями окраин и инородцами²⁶. Мас-

¹⁹ В основном имеются в виду ханьцы, проживающие между Хуанхэ и Янцзы, а также бохайцы на северо-востоке, обладающие достаточно высоким уровнем социального и культурного развития.

²⁰ Соответственно, из киданей при Ляо и чжурчжэней при Цзинь.

²¹ Труд за авторством Юй Цзина, эпоха северная Сун.

²² Административная единица в государстве Цзинь. Один моукэ имел 300 дворов, один мэнъянь – 10 моукэ.

²³ Надо отметить, что «хуася» на северном фронтире Китая еще в эпоху Западной Хань имели целый ряд культурных особенностей, проявляющихся, кроме прочего, и в погребальном обряде [Шульга, 2016].

²⁴ Также в исторической литературе имеются записи о браках чжурчжэней с киданями, си и монголами, проживающими на территории царства Цзинь [Кычанов, 1997: 125–170].

²⁵ 奚人, также именовались «татабами». Согласно китайским источникам, изначально были одной из ветвей сяньбэй (о гетерогенности происхождения которых мы говорили в начале статьи). До создания Ляо часто воевали с соседями-киданями, также монголоязычными народами. Впоследствии из-за близкого родства активно смешивались с ними.

²⁶ Таким образом, «охранительная» политика монголов эпохи Юань имела под собой прецедент в более ранней истории.

совые межнациональные браки изменили изначально существовавшие у правителей ляосских киданей и цзиньских чжурчжэней брачные системы и обычаи.

Браки между разными народами могли в известной степени стереть национально-племенные различия, тем самым приводя к укреплению единства и стабилизации власти. Как сказал цзиньский писатель Чжао Бинвэнь, «князя периода Чуньцю, совершая варварские ритуалы, сами становились варварами, когда же варвары приходили в Китай, они становились китайцами... имеющие сердце, способное управлять Поднебесной от лица всего народа, должен называться ханьцем, а ханец должен словом от лица всего народа управлять Поднебесной» [Ся Юйсюй, Чжао Вэйбинь, 2007].

Заключение

Необходимо признать, что «синкретичные» государства на севере Китая, где элита представляла собой выходцев из кочевой среды, появились в Поднебесной как минимум в эпоху Восточной Чжоу [Шульга, Шульга, 2023]. «Национальная политика» в них была различной и, де-факто, далеко не всегда контролировалась государством.

При масштабных переселениях, например, предполагаемой трансформации северокитайских жужан [Линь Дань, 2010] в восточноевропейских авар [Комиссаров, Шульга, 2009] происходили масштабные изменения в сфере языка, материальной культуры, антропологии и, вероятно, самосознания²⁷. Всё это делает исследования «этничности» кочевых и полукочевых сообществ Евразии весьма деликатной темой, требующей максимальной осторожности и привлечения как можно более широкой базы источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. — 1757 г. н. э.). СПб. : Нестор-История, 2009. 488 с.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб. : Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 346 с.

Комиссаров С. А., Шульга Д. П. Аварские древности как возможная основа для выделения археологических памятников жужаней // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, № 5. С. 186–188.

Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. М. : Наука, Вост. лит., 2019. 503 с.

Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М. : Восточная литература РАН, 1997. 319 с.

Пиков Г. Г. Место ментальности в культуре империи Ляо (907–1125) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3–2 (59). С. 86–90.

Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М. : Изд-во Московского ун-та, 2017. 631 с.

Шульга Д. П. Китайская византистика: особенности используемых наименований // Византийский временник. 2021. Т. 105. С. 127–140.

²⁷ В этом же ряду могут быть названо смещение части сюнну на запад и их постепенное превращение в известных по римским источникам гуннов, а также несколько меньший по дистанции переход в Среднюю Азию киданей (с последующим образованием каракитайского Западного Ляо).

Шульга Д. П. Основные тенденции становления «кочевых» государств Северного Китая в V в. до н. э. — III в. н. э. // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*. 2017. №4. С. 81–88.

Шульга Д. П. Особенности погребального обряда на севере империи Хань // *Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей: материалы LVI Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных*. Чита : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2016. С. 163–164.

Шульга Д. П., Шульга А. А. Северокайтайские порубежные царства периода Восточного Чжоу как зона межкультурных контактов // *Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья*. 2017. №7. С. 34–37.

Шульга Д. П. Проблема определения этнической принадлежности ранних кочевников Северного Китая // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2014. Т. 13. №7. С. 61–67.

Шульга Д. П., Мерзликин А. А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск : Омега-принт, 2016. 147 с.

Шульга Д. П., Шульга П. И. Некоторые вопросы истории царства Чжуншань // *Народы и религии Евразии*. 2023. Т. 28, №1. С. 44–58.

Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 330 с.

Bi Wei. The First Contacts between China and Poland in History // *Nowa Polityka Wschodnia*. 2020. №4 (27). P. 15–33.

Di Cosmo, N. *Ancient China and Its Enemies The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press. 369 p.

Harl, Kenneth W. *Empires of the Steppes: A History of the Nomadic Tribes Who Shaped Civilization*. New York: Hanover Square Press, 2023. 576 p.

Liveri A. Fu-lin Dances in Medieval Chinese Art — Byzantine or imaginary? // *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2019. Vol. 56. P. 69–94.

Жэнь Иминь. Юаньдай цзунцзяо чжэнцэ люэ лунь [任宜敏. 元代宗教政策略论 // *文史哲* 2007年第4期] Краткое обсуждение религиозной политики династии Юань // *Журнал литературы, истории и философии*. 2007. №4. С. 96–102.

И Линьчжэнь. Илинчжэнь Мэнгусюэ вэньцзи [亦邻真前揭文, 《亦邻真蒙古学文集》, 内蒙古人民出版社, 2001 年] Собрание сочинений И Линьчжэня по монголоведению. Хух-хото: Нэймэнгу жэньминь чубаньшэ, 2001. 963 с.

Ли Чжуйюп. «Туцзюэ» и цы цзай мэньгу диго цзети хоу чжун я дицьюй хуанцзинь цзяцзу хэ темуэр цзяцзу чжэнцюань цзин ин данчжун дэ ши юн [«突厥»一词在蒙古帝国解体后中亚地区黄金家族和帖木儿家族政权精英当中的使用 // *Central Asiatic Journal* 2016 年1期] Употребление слова «тюрк» среди правящих элит Чингизидов и Тимуридов в Средней Азии после распада Монгольской империи // *Central Asiatic Journal*. 2016. №1. 20–37.

Линь Дань. Цун дунвэй жужу гунчжу мучжун чжи цзиньби кань бэйчао байчжаньтин цзиньби дэ люжу [林丹. 从东魏茹茹公主墓中之金币看北朝拜占庭金币的流入 // *魅力中国* 2010年第11期] От золотых монет в могиле жужаньской принцессы эпохи

Восточная Вэй до анализа импорта византийских солидов в Китай // *Charming China*. 2010. № 11. С. 58–61.

Линь Ин. Шилунь тандай сиюй дэ кэса ханьго [林英. 试论唐代西域的可萨汗国 // 中山大学学报 (社会科学版) 2000 年第 1 期] О хазарском каганате к западу от империи Тан // *Journal of Sun Yatsen University*. 2000. № 1. С. 14–21.

Пекинский городской институт культурного наследия. Цзюньдушань муди: Хулугоу юй Силянгуан [北京市文物研究所编. 军都山墓地: 葫芦沟与西梁洗] Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан. Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2010. 850 с.: 114 табл.

Ся Юйсуй, Чжао Вэйбинь. Ляо Цзинь цидань ньючжэнь хунь чжи хуньсу чжи бичэо [夏宇旭, 赵玮彬. 辽金契丹女真婚制婚俗之比较 // 吉林拜范大学学报 (人文社会科学版) 第3期2007年6月] Сравнение брачной системы и брачных обычаев у киданей и чжурчжэней в эпохи Ляо и Цзинь // *Journal of Jilin Normal University (Humanities and Social Science Edition)*. 2007. № 3. С. 76–78.

Сян Лили. Хацзаэр яньцзю [向丽丽. 哈扎尔研究. 桂林: 广西师范大学. 2006] Исследование хазар. Гуйлинь: Педагогический университет Гуанси. 2006. 63 с.

Цю Ихао. Халахэлин чэнли шикао [邱軼皓. 哈刺和林成立史考 // 西域歷史語言研究集刊2012年五輯] История создания Каракорума // *Сиюйлиши юйянь яньцзю (Исследования по истории и языку западных регионов)*. 2012. Вып. 5. С. 269–323.

Цю Цзянин. Шисань-шисы шици «сычоу чжилу» дэ та тун юй «чжунго синсян дэ шицзе жэнь чжи [邱江宁. 13–14世纪“丝绸之路”的拓通与“中国形象”的世界认知 // 江苏社会科学2019年4期] Распространение «Шелкового пути» и восприятие «образа Китая» в мире XIII–XIV вв // *Цзянсу шэхуэй кэсюэ (Общественные науки в Цзянсу)*. 2019. № 4. С. 200–212.

Ян Цзюнь. Сяньбэй жэнь чжун байчжунжэнь лайюанькао [杨军. 鲜卑人中白种人来源考 // 辽宁师范大学学报 (社会科学版). 第30 卷第6期2007年11月] Исследование источников, повествующих о европеоидах среди сяньби // *Journal of Liaoning Normal University (Social Science Edition)*. 2007. Vol. 30, No. 6. С. 108–111.

REFERENCES

Barfield Th. J. *Opasnaya granitsa* [The perilous frontier. Nomadic empires and China 221 BC to AD 1757]. SPb.: Nestor-Istoriya Publ., 2009, 488 p. (in Russian).

Klyashtorny S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii Evrazii* [Steppe empires of ancient Eurasia]. SPb.: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2005, 346 p. (in Russian).

Komissarov S. A., Shulga D. P. *Avarskie drevnosti kak vozmozhnaia osnova dlia vydeleniia arkhеologicheskikh pamiatnikov zhuzhanei* [Avar antiquities as a possible basis for the allocation of archaeological sites of Zhuzhan]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiа, filologiа*. [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2009, vol. 8, no. 5, pp. 186–188 (in Russian).

Kychanov E. I. *Kochevye gosudarstva ot gunnov do man'chzhurov* [Nomadic states from the Huns to the Manchus]. Moscow: Vostochnaia literatura Publ., 1997, 319 p. (in Russian).

Nomadic Empires Of Eurasia Features Of Historical Dynamics [Nomadic Empires of Eurasia: features of historical dynamics]. Moscow: Nauka, Vost. lit., 2019, 503 p. (in Russian).

Pikov G. G. *Mesto mental'nosti v kul'ture imperii Liao (907–1125)* [Mentality in the culture of the Liao empire (907–1125)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. 2014, no. 7.3–2 (59). P. 86–90 (in Russian).

Shukurov R. M. *Tyurki v vizantiyskom mire (1204–1461)* [Turks in the Byzantine world]. Moscow: MSU Publ., 2017, 631 p. (in Russian).

Shulga D. P., Merzlikin A. A. “*Vertograd polkovodtsa*” *Chzhuge Liana na styke distsiplin* [Zhuge Liang's “The Vineyard of General” at the junction of disciplines]. Novosibirsk: Omega-print, 2016, 147 p. (in Russian).

Shulga D. P. *Kitaiskaia vizantinistika: osobennosti ispol'zuemykh naimenovanii* [Chinese Byzantinistics: features of the names used]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine timeline]. 2021, vol. 105, pp. 127–140 (in Russian).

Shulga D. P. *Osobennosti pogrebal'nogo obriada na severe imperii Khan'* [Features of the funeral rite in the north of the Han Empire]. *Sibirskaiia arkheologiiia i etnografiia: vklad molodykh issledovatelei: Materialy LVI Rossiiskoi arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Siberian archeology and ethnography: contribution of young researchers: Materials of the LVI Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Chita: Transbaikal State University Publ., 2016, pp. 163–164 (in Russian).

Shulga D. P. *Osnovnye tendentsii stanovleniia kochevykh» gosudarstv Severnogo Kitaia v V v. do n. e. — III v. n. e.* [The main trends in the formation of the “nomadic” states of Northern China in the V century BC–III century AD]. *Stratum Plus. Arkheologiiia i kul'turnaia antropologiiia* [Stratum Plus. Archaeology and cultural anthropology]. 2017, no. 4, pp. 81–88 (in Russian).

Shulga D. P. *Problema opredeleniia etnicheskoi prinadlezhnosti rannikh kochevnikov Severnogo Kitaia* [The problem of determining the ethnicity of the early nomads of Northern China]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istoriiia, filologiiia* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2014, vol. 13, no. 7, pp. 61–67 (in Russian).

Shulga D. P., Shulga A. A. *Severokitaiskie porubezhnye tsarstva perioda Vostochnogo Chzhou kak zona mezhkul'turnykh kontaktov* [North Chinese borderlands of the Eastern Zhou period as a zone of intercultural contacts]. *Vestnik Muzeia arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ia* [Bulletin of the Museum of Archeology and Ethnography of the Permian Urals]. 2017, no. 7, pp. 34–37 (in Russian).

Shulga D. P., Shulga P. I. *Nekotorye voprosy istorii tsarstva Chzhunshan'* [Some questions of the history of the kingdom of Zhongshan]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2023, vol. 28, no. 1, pp. 44–58 (in Russian).

Elita v istorii drevnih I srednevekovykh narodov Evrazii: collective monograph [Elite in history of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Altai State University Publishing, 2015, 330 p. (in Russian).

Bi Wei. *The First Contacts between China and Poland in History. Nowa Polityka Wschodnia*. 2020, no. 4 (27), pp. 15–33 (in English).

Di Cosmo, N. *Ancient China and Its Enemies The Rise of Nomadic Power in East Asian History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, 369 p (in English).

Harl, Kenneth W. *Empires of the Steppes: A History of the Nomadic Tribes Who Shaped Civilization*. New York: Hanover Square Press, 2023, 576 p. (in English).

Liveri A. Fu-lin Dances in Medieval Chinese Art — Byzantine or imaginary? *Zbornik radova Vizantološkog instituta*. 2019, vol. 56, pp. 69–94 (in English).

Ren Yimin. A Brief Discussion on Religious Policy in the Yuan Dynasty. *Literature, History and Philosophy*. 2007, no. 4, pp. 96–102 (in Chinese).

Yijinzheng Qianqian Wen. *Yijinzheng Mongolian Literature Collection*. Huh-hoto: Inner Mongolia People's Publishing House, 2001, 963 p. (in Chinese).

Li Chzhuiup. The use of the term “Turkic” among the elites of the golden family and Timur family regimes in Central Asia after the collapse of the Mongolian Empire. *Central Asiatic Journal*. 2016, no. 1, pp. 20–37 (in Chinese).

Lin Dan. From the gold coins in the tomb of Princess Ruru of the Eastern Wei Dynasty, the inflow of gold coins in the Northern Dynasty's Byzantine Court. *Charming China*. 2010, no. 11, pp. 58–61 (in Chinese).

Lin Ying. A Discussion on the Khanate of Kosa in the western regions of the Tang Dynasty. *Journal of Sun Yatsen University*. 2000, no. 1, pp. 14–21 (in Chinese).

Beijing Institute of Cultural Relics. Jundu Mountain Cemetery: Hulugou and Xiliangguang. Beijing: Wenvu Chubanshe Publ., 2010, 850 p. (in Chinese).

Xia Yuxu, Zhao Weibin. Comparison of Marriage Customs of Liaojin Khitan Women's True Marriage System. *Journal of Jilin Normal University (Humanities and Social Science Edition)*. 2007, no. 3, pp. 76–78 (in Chinese).

Xiang Lili. *Hazar research*. Guilin: Guangxi Normal University, 2006, 63 p. (in Chinese).

Qiu Yihao. History of the establishment of Kazakhstan and the Forest. *Collection of Western Historical and Linguistic Studies*. 2012, Vol. 5, pp. 269–323 (in Chinese).

Qiu Jiangning. The extension of the “Silk Road” in the 13th-14th century and the world perception of the “Image of China”. *Jiangsu Social Sciences*. 2019, no. 4, pp. 200–212 (in Chinese).

Yang Jun. Source Test of Caucasians among Xianbei People. *Journal of Liaoning Normal University (Social Science Edition)*. 2007, vol. 30, no. 6, pp. 108–111 (in Chinese).

Статья поступил в редакцию: 26.09.2023

Принята к публикации: 18.02. 2024

Дата публикации: 31.03.2024

УДК 397

DOI 10.14258/nreur(2024)1–05

М. М. Содномпилова*Восточно-Сибирский институт культуры, Улан-Удэ (Россия)*

ПИЩЕВЫЕ ЗАПРЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ ТЮРКО-МОНГОЛОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

В изучении традиционных обществ повышенный исследовательский интерес сохраняется к такому общественному явлению, как «табу». В системе запретов и ограничений, регулирующих повседневную жизнь общества, особняком выделяются пищевые запреты. Многие из них носят рациональный характер и исходят из понимания тесной связи культуры питания и здоровья человека, другие представляются нелогичными и направлены на предупреждение негативных явлений или событий в жизни человека и общества. Исследование вскрывает обширный комплекс пищевых запретов, существовавших в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии. Пищевые запреты регламентировали разные стороны жизни людей. Запреты, согласно их обоснованию в традиционной культуре, ставили своей целью сохранение физического здоровья членов общества, особенно детей, удержание благополучия, профилактику конфликтных ситуаций в обществе. В запретах и ограничениях просматривается даже забота о внешности человека. Многие запреты, связанные с мясной пищей, носят очевидный дискриминационный характер, ограничивая женщин и детей в доступе к наиболее ценным видам мясной пищи и оставляя на их долю внутренности и другие малосъедобные части туши.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрко-монгольские народы, пищевые запреты, символика пищи, гендерные и возрастные ограничения, здоровье, социальные связи.

Для цитирования:

Содномпилова М. М. Пищевые запреты и ограничения в традиционном обществе тюрко-монголов Внутренней Азии // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 1. С. 67–79. DOI 10.14258/nreur(2024)1–05.

M. M. Sodnompilova

East Siberian Institute of Culture, Ulan-Ude (Russia)

FOOD PROHIBITIONS AND RESTRICTIONS IN THE TRADITIONAL SOCIETY OF THE TURKO-MONGOLS OF INNER ASIA

The study of traditional societies continues to generate significant interest in social phenomena such as “taboos.” Within the framework of prohibitions and restrictions that govern daily life, food taboos emerge as a prominent aspect. Some of these taboos are grounded in rationality, reflecting an understanding of the intimate link between dietary practices and human health, while others appear more arbitrary, serving to ward off negative occurrences in individuals' lives and within society. This research delves into the extensive network of food taboos prevalent in the traditional culture of the Turko-Mongolic peoples of Inner Asia. These taboos governed various facets of people's lives, with their justification rooted in the preservation of physical well-being, particularly among children, the promotion of societal harmony, and the prevention of conflicts. Additionally, these prohibitions and restrictions reveal a concern for individuals' appearances. Many of the prohibitions related to meat consumption exhibit clear discrimination, restricting women and children's access to valuable meat types while relegating them to consuming entrails and other inedible parts of the animal carcass.

Keywords: Inner Asia, Turkic-Mongolian peoples, food prohibitions, food symbolism, gender and age restrictions, health, social connections.

For citation:

Sodnompilova M. M. Food prohibitions and restrictions in the traditional society of the turko-mongols of Inner Asia. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No 1. P. 67–79. DOI 10.14258/nreur(2024)1–05.

Содномпилова Марина Михайловна, доктор исторических наук, доцент, научный сотрудник кафедры этнологии и народной художественной культуры Восточно-Сибирского института культуры, Улан-Удэ (Россия). Адрес для контактов: sodnompilova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0741-0494>.

Marina Mikhailovna Sodnompilova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Researcher at the Department of Ethnology and Folk Art Culture of the East Siberian Institute of Culture, Ulan-Ude (Russia). **Contact address:** sodnompilova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0741-0494>.

Введение

В изучении традиционных обществ повышенный исследовательский интерес сохраняется к такому общественному явлению, как «табу», определяющему начало этапа в истории человечества, который называется процессом цивилизации. Появление «табу» характеризует существенный момент качественного развития человеческого общества и зарождения основ его культуры. Феномен «табу» включает обширный ряд ограничений и запретов, регулирующий жизнь человека в обществе. Наиболее отчетливо данный феномен представлен в языке, что определяет тематику основной массы исследовательских работ, раскрывающей отражение табу в лингвокультуре [Попова, 2017; Терентьева, 2015].

В системе запретов и ограничений, регулирующих повседневную жизнь общества, особняком выделяются пищевые запреты. Многие из них носят рациональный характер и исходят из понимания тесной связи культуры питания и здоровья человека, другие представляются нелогичными и направлены на предупреждение негативных явлений или событий в жизни человека и общества.

Данная статья ставит своей целью рассмотреть и классифицировать пищевые запреты и ограничения, регламентирующие жизнь человека и общества в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, последствия их нарушений. Источниками исследования стали историко-этнографические данные, опубликованные в работах исследователей-этнографов, историков, лингвистов, фольклорные материалы, полевые материалы автора.

Материалы и обсуждение

В культуре кочевников исследуемого региона выработана сложная и многофункциональная система запретов и ограничений в отношении пищи. Запреты были обоснованы разными причинами, преимущественно религиозными и социальными. Но часть запретов имеет медицинскую подоплеку — определенные виды пищи запрещалось употреблять вследствие опасения заболеть той или иной болезнью. Запреты и ограничения были адресованы разным категориям людей традиционного общества в соответствии с гендерным и возрастным признаками. Одни запреты могли быть актуальными только в праздники, другие — в повседневном быту, в домашнем кругу. Некоторые запреты действовали только в определенной местности (целебные родники, место проведения молебствий¹).

Ведущая роль рациональных мотивов в сфере потребления достаточно очевидна, однако в ней существуют и некоторые иррациональные «абсурдные» элементы. К ним относятся, в частности, различного рода пищевые табу, установленные безотносительно к питательным свойствам и вкусу продуктов. Таких пищевых ограничений было довольно много в кухне кочевников, связаны они преимущественно с мясной пищей. Во многом запреты обусловлены особой символикой, которой обладают некоторые части мяса и внутренние органы животных. Так, в пищевой культуре монголов соблюдаются запреты, которых должны строго придерживаться женщины. Запреты обусловлены тем, что в туше животных есть почетные части мяса, от которых обязательно пре-

¹ Традиционно пищу в сакральных местах следовало варить без употребления соли и приправ.

подносится жертва божествам. Это такие почетные части туши, как голова, крестец, большая берцовая кость, лопатка, бедренная кость. Правом получать их обладают почетные старцы и уважаемые мужчины, которым и вручается «именное мясо» [Монгол ёс заншлын их тайлбар толь, 1992: 618]. Прикосновение же женщины к этим частям мяса приводило к их осквернению вследствие сакральной «нечистоты» женщины в традиционной культуре.

Многие приоритеты в питании и наоборот — пищевые ограничения и запреты в культуре тюрко-монгольских народов были обусловлены позитивным либо негативным влиянием той или иной пищи на здоровье человека. С некоторыми внутренностями связывались представления об их вреде для здоровья, относительно их употребления имели место ограничения, запреты или особые правила. Например, монголы при забое овцы выбрасывали селезенку. Запрет на употреблении в пищу селезенки отмечен и в пищевой культуре хакасов, эвенков. Относительно этого запрета у монголов сведения не обнаружены, но у соседних с монголами народов объяснение мотивации запретов все еще сохраняется. Как правило, следствием нарушения запрета становились боли в селезенке. По мнению хакасов, если мужчина съедал селезенку, то его ожидали боли в боку при езде на лошади [Бутанаев, 1996: 105]. Эвенки считали, что если ребенок съел селезенку, то в самый ответственный момент его жизни у него заболит селезенка [Николаев, 1964: 190]. У хакасов селезенку² могли есть только женщины (за исключением невесты, у которой она опять-таки может заболеть). Тувинцы, напротив, считали селезенку лакомством [Потапов, 1960: 185].

В случае нарушения пищевых запретов, которых было довольно много в кочевой культуре, могло испортиться зрение. Например, хакасы считали вредным соскребать и есть подгоревшую к казану корочку сметанной каши *потхы*: во время охоты мужчины не смогут увидеть мушку ружья, так как глаза у них будут застилаться слезами [Бутанаев, 1996: 114].

Запрет на употребление мясной пищи мог быть обоснован убеждением о её плохом влиянии на память. Известно, что хакасы вчерашние мослы никогда не подавали гостям. По поверью, если поглотить вчерашний мосол, то человек станет забывчивым и замкнутым. Баи такое мясо бросали собакам, а бедняки отдавали есть старикам [Бутанаев, 1996: 131].

Особняком выделяются пищевые запреты, адресованные девушкам, женщинам, которые объяснялись опасением трудных родов³. У хакасов из соображений предотвращения проблем со здоровьем женщинам запрещалось есть мясо на тазовых костях, так как считали, что при родах таз не расширится [Бутанаев 1996: 106]. В среде якутов перечень запрещенных для женщин видов мясной пищи был шире. Так, женщи-

² Селезенку нашпиговывали луком и салом, насаживали на вертел и обжаривали на углях [Бутанаев, 1996: 106]. Тувинцы готовили селезенку иначе: её разрезают вдоль, но не до конца, разделяя на две створки, мясо селезенки размельчают, начинают луком и салом, разрез зашлифовывают и варят [Потапов, 1960: 185].

³ Опасение неблагополучных родов определяло разнообразные запреты среди женщин тюрко-монгольских народов. Бурятские женщины, например, не садились на коврик, сшитый из камусов (шкур, снятых с ног животного) кабарги, считая, что это животное мучается долгими и трудными родами. Из таких же соображений алтайские женщины не пили мускус кабарги [Содномпилова, 2019: 162].

нам запрещалось есть проходы в отделах желудка — сетки *ойуулаах*, *чаңкыччах* жвачных животных — считали, что при родах женщине будут мешать (царапать) похожие на бахрому части желудка, напоминающие кости. Возбранялось есть сухожилия, мясо, прилегающее к половым органам животных. Нарушение запрета могло привести к судорогам и другим сложностям при родах. Также женщинам запрещалось есть все пригоревшее и приставшее к стенам горшка — полагали, что послед при родах прирастет к стенкам матки [Борисова, 2019: 222].

Ряд запретов был сформулирован в отношении беременной женщины из-за опасений, связанных с жизнью и здоровьем будущего ребенка. Практически повсеместно беременным было запрещено употреблять в пищу мясо зайца, верблюда. Последствием нарушения могло быть рождение ребенка с заячьей губой. У хакасов беременной женщине нельзя было жевать серу (застывшую смолу лиственницы), так как для ребенка это чревато насморком и слюнявостью [Кустова, 2000: 27].

Некоторые пищевые запреты были обоснованы страхом разрушения социальных связей. Такой запрет, в частности, соблюдается в отношении глаз животных. Употреблять в пищу глаза животного должен был только один человек, делиться с кем-либо запрещалось. Логика такого запрета в целом понятна: глаза как парный орган не должны были делиться между едоками. Хакасы были твердо убеждены, что съевшие глаза одной коровы могли до смерти рассориться. «Поэтому в народе враждующих людей называли «люди, съевшие глаза одной коровы»» [Бутанаев, 1993: 154]. Но у калмыков аналогичное правило обосновывалось заботой о здоровье человека: калмыки верили, что оба глаза забитого животного должен есть один человек, чтобы не потерять свой глаз [Калмыки, 2010: 223]. У хакасов также запрещалось делить на двоих нижнюю челюсть овцы, нарушившие запрет могли стать врагами [Бутанаев 1996: 106].

К числу пищевых запретов, регламентирующих взаимодействия между членами общества, относится запрет на употребление грудного молока одной матери детям, которые в будущем могли стать парой. В этом запрете транслируется закон о «молочном родстве», равном кровному родству, согласно которому испившие молоко одной матери навсегда становятся друг другу братьями и сестрами [Содномпилова, 2021: 87].

В некоторых ситуациях определенные виды мясной пищи следовало съесть одному человеку. Так поступали, стремясь удержать счастье, благосостояние домохозяйства. В традиции некоторых групп тюрко-монгольского мира при забое скота мясо с первого шейного позвонка — атланта, с первых двух ребер съедал глава дома. Кроме хозяина, никто не имел права их есть. Нарушение этого требования могло привести к утрате скота [Бутанаев, 1996: 102–104]. У бурят первый шейный позвонок также должен был дочиста обглодать хозяин дома. Затем в отверстие позвонка просовывали траву, прятали позвонок в укромном месте, желательно под крышей дома, сарая или помещения для скота, чтобы кость не смогли достать птицы и собаки [ПИМА: Мунконов]. Алтайские урянха после забоя крупного рогатого скота соблюдали аналогичный обычай, дополняя его другими действиями. Хозяин варил шейный позвонок, съедал мясо, кость сжигал, а на следующий день пепел от костра рассыпал на месте забоя скота и, обращаясь к душе животного, в поэтической форме просил:

«Случайность заставила повалить вас.
Не хотели умерщвлять вас.
Голод заставил повалить вас.
Пусть будет много телят там, где вы стояли,
Пусть будет много телят издалека приходить сюда» [Монголын угсаатны зуй, 1996: 305].

Хозяйка-тувинка должна была сама съесть *оол савазы* (матку овцы). С этим в прошлом было связано поверье о благополучном приплоде овец, принадлежащих данной семье. Ни выбросить, ни передать кому-нибудь другому *оол савазы* было нельзя. Из этих же соображений хозяйка варит себе и съедает вымя овцы (*эмиг*) [Потапов, 1960: 185]. У калмыков только женщины могли есть конец привратника желудка — считалось, что если его съест хозяйка кибитки, то это будет способствовать увеличению поголовья верблюдов [Калмыки, 2010: 222]. Монгольские женщины не должны были есть *нугалуур* — вид колбасы, приготовленной из пилорической (утолщенной) части желудка. По этому поводу известна поговорка: «Кто есть нугалуур, тот не кочует» [БАМРС, 2001: 423]. Очевидно, речь в поговорке идет об обеднении хозяйства, поскольку кочуют только те, кто имеет скот.

В то же время некоторые части мяса, наоборот, возбранялось употреблять в пищу в одиночку. В частности, речь идет о лопатке. У разных монгольских народов запрещалось есть мясо лопатки одному человеку — его следовало разделить между гостями. По старому бурятскому обычаю гость, получивший в свою долю лопатку, ест мясо с внутренней стороны, а потом отрезает куски мяса и раздает присутствующим родственникам, говоря: «мясо лопатки делится между семьюдесятью лицами» [Балдаев, 1959: 40]. По сведениям Г. Ц. Цыдынжапова, баргузинские буряты лопаткой угощали самого престарелого гостя. Гость, удостоенный этого блюда, должен был угостить всех присутствующих на пиршестве с пожеланием «дожить до 70 лет» [Тугутов, 1958: 176].

Делиться мясом лопатки со всеми присутствующими мужчинами должен был гость в монгольской традиции [Вяткина, 1960: 206]. Монголы при этом говорят: «Хоть будет и тонкое как лист мясо лопатки, а поделят его даже на семьдесят человек» [Баярсайхан, 2002: 62]. Правило делиться мясом лопатки с гостями, вероятно, обосновано особым символическим значением этой кости: согласно преданиям, бог написал для людей книгу, в которой они могли узнать свое будущее, но книгу по недоразумению съела овца. Книга исчезла, но текст книги проявился на лопатке животного. Видеть и читать этот текст были способны немногие — люди, наделенные вещим знанием — избранники духов (шаманы, знающие старики и старухи). Обычай распределения мяса лопатки между участниками пира, вероятно, даровал гостям возможность приобщиться к сакральному знанию. В пользу этого предположения указывает обычай кыргызов, описанный Ф. А. Фиельструпом: «Когда рождался ребенок, нужно кусочек бараньей лопатки положить ему в рот, а затем каждую неделю показывать его ему, чтобы он был мудрым и знал (предугадывал) все» [Фиельструп, 2002: 86]

Женщинам лопатку даже не давали в руки: мясо с этой кости женщины могли есть только тогда, когда их угощал мужчина. Причина запрета кроется в сакральном статусе

се овечьей лопатки, которая использовалась в магии⁴. Вероятно, что по этой же причине баранью лопатку нельзя было кусать зубами, как прочие кости, мясо счищали, пользуясь ножом. Если человек все же съедал лопатку один, то последствия были разными и однозначно негативными — от неприятностей до нападения злых духов [Жамцарано, 2001: 185, 186].

У тюрко-монголов были известны и другие запреты в отношении лопатки, которые отражают социальные связи между разными группами людей. Особые ограничения при угощении именованным мясом, в состав которого входила и лопатка, соблюдались за столом в присутствии *нагаца* (брат матери) и детей женщины, приходившихся ему племянниками. В монгольском обществе племянники в присутствии дяди по матери даже не прикасались к лопатке, в свою очередь дядя по матери не брал в руки эту кость при племянниках [ПМА: Цэрэнханд]. Похожие правила соблюдались и в традиции тюркских народов Сибири. У хакасов племянник не имел права есть мясо лопатки на глазах своего дяди по матери (*тайы*) без совершения особой процедуры. Дядя набивал тремя ударами ножа гребень лопаточной кости и только затем передавал кость племяннику [Бутанаев, 1996: 105].

Обязательно надо делить между двумя едоками мясо, вырезанное с тазовой кости (*сужи*) [Вяткина, 1960: 242]. В традиции калмыков сваренную верхнюю часть желудка с сальником отдавали хозяйке дома. Она должна была поделиться этой пищей с другими женщинами — есть такое блюдо одной было неприлично [Калмыки, 2010: 222].

Пищевые запреты кочевников различаются и с позиций гендерной принадлежности адресатов. Так, у монголов существует ряд пищевых запретов, которые должны были соблюдать только мужчины. Нарушение запретов могло сказаться на лошади всадника: так, мужчина не должен есть нёбо (*тагнай*)⁵ — его лошадь будет страдать от жажды и быстро уставать; если мужчина съест нос козы, его конь истощится, если съест печень — конь станет неуправляемым. Если *баатар* (воин, богатырь) съест кожу с чере-

⁴ Лопатка овцы относится к числу ритуальных костей: очищенная от мяса кость используется в гадании. Обычай гадать на лопатке очень древний. Гадали по внешнему виду лопатки — она могла многое рассказать о будущем домохозяйства. Лопатку обжигали на огне и смотрели, каким образом на поверхности лопатки расположились трещины, которые предсказывали успех или неудачу предприятия. Необходимость в гадании могла возникнуть в любой момент, поэтому лопатки животных, забитых в хозяйстве в разное время, бережно хранили — на всякий случай. В прошлом в любом доме бурята или монгола можно было увидеть несколько овечьих лопаток, припрятанных в чистом, укромном месте. Для гадания следовало использовать лопатки овец, принадлежащих своему хозяйству [ПМА: Галданова]. В дороге избегали гадать на лопатке. Также запрещалось обглоданную лопатку оставлять целой — ее следовало разрубить, чтобы никто другой не использовал ее для ворожбы [Жамцарано, 2001: 185].

⁵ В монгольском языке нёбо называлось *тагнай* [БАМРС, 2001: 176], в бурятском языке — *тангалай* [БРС, 1973: 413]. Таким же термином *тагнай* в декоративном искусстве монголов называется орнамент, напоминающий рисунок ёлочной ветви. А неотъемлемой частью костюма невесты и замужней женщины якутов является якутская нарядная свадебная шуба *тангалай*. И название нёба, и название узора, включая также и название якутской свадебной одежды, объединяет идея трудолюбия, терпеливости в искусстве шитья, которые хотелось бы привить девочкам и девушкам — будущим мастерицам. И если мужчинам есть нёбо запрещалось, то девочкам и девушкам, наоборот, рекомендовалось почаще грызть нёбо. По этому поводу в тюрко-монгольской традиции хорошо известна такая мудрость: если девочки/девушки будут грызть нёбо скота, то они будут хорошими мастерицами [БАМРС, 2001: 176; Бутанаев, 2003: 62; Баярсайхан, 2002: 61].

па овцы, то на седловине горы он наткнется на врага-неприятеля [Монгол ёс заншлын их тайлбар толь, 1992: 618]. В то же время такую пищу предлагали женщинам [Баярсайхан, 2002: 61]. Вообще в среде воинов и охотников существовало убеждение, что поедание некоторых частей тела животных наделит человека уникальными способностями зверя (способностью хорошо видеть и слышать, отвагой, выносливостью, быстротой). По этой причине мальчики и молодые люди съедали глаза, язык и внутренности медведя, тигра, волка, лисицы, кулана и многих других животных. Но сердце овцы, зайца — пугливых животных — мальчикам не давали, чтобы они не стали трусами. Поедание каждого из видов внутренностей у монголов рассматривалось как усиление соответствующих свойств человеческой природы. Например, съеденная печень увеличивала силу, сердце — храбрость, тестикулы — половую потенцию [Жуковская, 1988: 72].

Вызывает интерес, но не находит объяснения особое отношение хакасов к соли, в частности в запрете солить супы и мясо. Соль стояла на столе в солонке, при этом макать в соль пищу запрещалось (очевидно, мужчинам) — «иначе где-нибудь поймаешься на обмане, ведь мужчине нельзя жить без хитрости» [Бутанаев, 1996: 131]. В традиции других тюрко-монгольских народов бульон солили и обычно использовали его как соус.

Большое количество запретов на употребление в пищу той или иной части туши домашнего животного соблюдалось в отношении детей. Этот факт далеко не случаен: сутью подобных запретов выступало проявление своеобразной «заботы» о физических и моральных качествах ребенка. Кроме того, обоснованием для запретов служили представления о сохранении здоровья детей. Например, в прошлом люди не связывали появление выделений из носа с простудой или инфекционными заболеваниями. Причины насморка, в частности у детей, видели в некоторых видах пищи. В целях профилактики насморка следовало соблюдать определенные пищевые ограничения: тувинцы не давали детям есть жилистое мясо с ног животного, «чтобы они не были соплисты, и чтобы у них не болело сердце» [Потапов, 1969: 185], хакасы запрещали будущей матери жевать застывшую смолу лиственницы, называемую серой, иначе ребенок будет страдать насморком [Кустова, 2000: 49], монголы не давали детям костный мозг, опасаясь, что ребенок будет сопливый [Вяткина, 1960: 242].

Опасались и других нарушений здоровья у детей. Якуты считали, что детям не стоит есть голосовые связки коровы — нарушившие запрет могли стать немыми [Попов, 1949: 290]. Хакасы не давали детям грызть шейные позвонки, иначе у них заболит шея. Зато мальчикам полезно было есть мясо с голени, чтобы лучше бегать [Бутанаев, 1996: 106].

Чтобы у ребенка не проявились негативные черты характера, монголы не давали детям верхнюю часть желудка (хотой), иначе ребенок будет скандалистом и болтуном. Также не дают детям толстые кишки, иначе они будут глупыми (*ухаан угуй*) [Вяткина, 1960: 243]. Нельзя было давать ребенку кончик языка, иначе он мог стать болтуном, не давали ребенку и мозги животных, чтобы не стал глупым. Если дать костный мозг, то ребенок будет сопливым, если спинной мозг — плаксивым. Полезными для детей считались язык, уши, челюсти, конечности [Вяткина, 1960: 242]. Калмыки также предлагали молодому поколению язык и уши [Эреджэнов, 1985: 77]. Якуты не давали мальчикам есть кончик коровьего хвоста, считая, что они будут похотливыми; молодым людям запрещали «есть жира коленной чашечки — ноги при борьбе будут скользкими»

[Попов, 1949: 290]. Хакасскому мальчику нельзя было пробовать костный мозг, иначе он мог стать плохим охотником. Не давали ему и пенки, снятые с молока [Кустова, 2000: 49].

В традиционной культуре тюрко-монголов обнаруживаются любопытные пищевые запреты, связанные с внешностью будущих детей. Некоторые запреты были актуальны для молодых, еще неженатых мужчин. Они были озабочены не только созданием семьи, но и внешностью своих будущих детей, свидетельством чему являются некоторые традиции повседневной жизни. Так, хакасы, принимая мясную пищу, старались чисто обглаживать надколенную чашечку, не задевая поверхности ножом. В противном случае у этого человека будут дети некрасивые, с рубцами [Бутанаев, 1992: 106]. Ойраты тоже тщательно очищали от кожицы *шаа* или *шагай* (альчик), не то будущий ребенок родится некрасивым [Галданова, 1992: 75].

В отношении девушек подобные запреты нами обнаружены не были, однако в отношении беременных женщины таких запретов достаточно много. Выше уже говорилось о запрете беременным есть мясо зайца и верблюда. В определенной связи с внешностью будущего ребенка находятся запреты, выработанные в монгольской культуре по отношению к птицам. Значительная часть птиц у тюрков и монголов считаются сакральными — одни птицы рассматриваются в качестве мифических предков определенных этнических групп, другие, живущие парами (лебеди, журавли, фламинго), наделены способностями проклясть человека и прервать его род. В этой связи убивать птиц, тревожить их на гнезде, трогать их яйца строго запрещалось. Монголы опасались беспокоить любых птиц. Есть поверье, согласно которому нельзя допускать, чтобы тень человека падала на птичью кладку — жизнь у человека будет короткой, а если заглянуть в гнездо, лицо будет пестрым [Эрдэнэболд, 2012: 78]. Полагаем, что монголы яйца диких птиц не ели, но у калмыков, очевидно, такой опыт был, поскольку «беременным женщинам-калмычкам запрещалось есть яйца пугалиц, ибо считалось, что от них лицо человека делается таким же рябым» [Шараева, 2013: 42]. Скорее всего, речь идет о внешности ребенка.

Заключение

Обширный комплекс пищевых запретов, существовавших в традиционной культуре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, показывает разнообразие сторон жизни людей, которые регламентировались запретами. Это сохранение физического здоровья членов общества, особенно детей, удержание благополучия, забота о внешности, профилактика конфликтных ситуаций в обществе. Многие запреты, связанные с мясной пищей, носят дискриминационный характер, ограничивая женщину в употреблении наиболее ценного мяса и оставляя на ее долю внутренности и другие несъедобные части туши, например, нёбо и кожу черепа [Баярсайхан, 2002: 61]. Детям тоже редко доставались лучшие куски пищи, так как они предназначались мужчине-добытчику в пищевой традиции многих народов. Вероятно, что в основном мужской долей считались костный и головной мозг — калмыки, например, отдавали головной мозг пожилым мужчинам [Эреджэнов, 1985: 77]. Детям по разным причинам есть этот питательный продукт запрещалось. Женщины могли отвесть такую пищу, но, вероятно, только после мужчин, либо разделив ее с ними. Нарушение порядка вызывало общественное порицание. Последствия могли быть и более серьезными. Так, согласно сюжету генеалогического предания бурят «Война икинатов и ашебагатов», нарушение правил

в угощении мясной пищей женщиной⁶ стало причиной многолетнего конфликта между сообществами икинатов и ашебагатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1959. 179 с.

Баярсайхан Ё. Этнокультурная лексика современного монгольского языка. М. : Современник, 2002. 108 с.

Борисова И. З. Алиментарные табу в якутской культуре как фактор идентичности // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 6А. С. 219–225.

Большой академический монгольско-русский словарь (БАМРС). М. : Academia, 2001. Т. 2. 536 с.

БАМРС. М. : Academia, 2001. Т. 3. 440 с.

Бурятско-русский словарь (БРС). М. : Советская энциклопедия, 1973. 803 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та, 2003. 260 с.

Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан : Хакасское книжное изд-во, 1996. 222 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан : Хакасия, 1999. 240 с.

Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики (Материалы историко-этнографической экспедиции Академии наук СССР и Комитета наук МНР 1948–1949 гг.) // Восточно-Азиатский этнографический сборник. М. ; Л., 1960. С. 159–271.

Галданова Г. Р. Закаменские буряты. Историко-этнографические очерки (Вторая половина XIX — первая половина XX в.). Новосибирск : Наука, 1992. 172 с.

Галданова Г. Р. Ритуальная пища монгольских народов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск : Наука, 1993. С. 141–150.

Жамцарано Ц. Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука, 1988. 195 с.

Калмыки. М. : Наука, 2010. 568 с.

Кустова Ю. Г. Ребенок и детство в традиционной культуре хакасов. СПб. : Петербургское востоковедение, 2000. 160 с.

Небесная дева-лебедь. Бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1992. 368 с.

Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск : Якуткнигоиздат, 1964. 202 с.

Полевые материалы автора (ПМА): Информатор Ц. Ц. Галданова. 1908 г. р., п. Баянгол Закаменского района республики Бурятия

⁶ На пиру невестка предводителя икинатов расколола трубчатую кость лося, «извлекла длинный и литой как свеча, костный мозг и съела его одна, ни с кем не поделившись» [Небесная дева лебедь, 1992: 179].

ПМА: Информатор Мунконов Б. Х. 1947 г. р., с. Орлик Окинського району Республіки Бурятія.

ПМА: Информатор Г. Цэрэнханд, г. н. с. Института истории Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия.

Попов А. А. Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея археологии и этнографии. 1949. Т. IX. С. 257–323.

Попова С. А. Медвежий праздник северной группы манси: языковое табу // Финно-угорский мир. 2017. № 3 (32). С. 102–112.

Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука, 1969. 401 с.

Содномпилова М. М. Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М. : Наука. Восточная литература, 2019. 205 с.

Содномпилова М. М. Биологические жидкости человеческого организма в контексте социальных интерпретаций: священное материнское молоко // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 83–95.

Терентьева В. К. Языковые табу и лексические ограничения в речевых практиках японского языка // Вопросы филологии. 2015. № 2 (50). С. 103–116.

Тугутов И. Е. Материальная культура бурят. Улан-Удэ, 1958. 214 с.

Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. М. : Наука, 2002. 300 с.

Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX — начала XXI в. Элиста : Джангар, 2011. 218 с.

Эрдэнэболд Л. Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX — начало XX в.). Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2013. 196 с.

Эрендженев К. Золотой родник. О калмыцком народном творчестве, ремеслах и быте. 2-е изд. Элиста : Калмыцкое кн. изд-во, 1990. 126 с.

Монгол ёс заншлын их тайлбар толь. Тэргүүн боть. Улаанбаатар: Сүүлэнху хүүхдийн хэвлэлийн газар, 1992. 926 т (на монг. яз.).

Монгол улсын угсаатны зүй. Ойрадын угсаатны зүй. XIX–XX зууны зааг үе. 2 боть. Улаанбаатар, 1996. 438 т (на монг. яз.).

REFERENCES

Baldaev S. P. *Buyjatskiye svadebnye obrjady* [Buryat wedding rituals]. Ulan-Ude: Burjatskoye knizhnoe izdatel'stvo, 1959, 179 p. (in Russian).

Bajarsajkhan O. *Etnokul'turnaia leksika sovremennogo mongol'skogo yazyka* [Ethnocultural vocabulary of the modern Mongolian language]. Moscow: Sovremennik, 2002, 108 p. (in Russian).

Borisova I. Z. *Alimentarnye tabu v yakutskoj kul'ture kak faktor identichnosti* [Nutritional taboos in Yakut culture as a factor of identity]. *Kul'tura i tsivilizatsiia* [Culture and civilization]. 2019, vol. 9, no. 6A, pp. 219–225 (in Russian).

Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' (BAMRS) [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Academia, 2001, vol. 2, 536 p. (in Russian).

Bol'shoj akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' (BAMRS) [Big Academic Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: Academia. 2001, vol. 3, 440 p. (in Russian).

Burjatsko-russkii slovar' (BRS) [Buryat-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1973, 803 p. (in Russian).

Butanaev V. Ya. *Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov* [Traditional culture and life of the Khakass people]. Abakan: Khakasskoe knizhnoye izdatel'stvo, 1996. 222 p. (in Russian).

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian historical and ethnographic dictionary]. Abakan: UPP "Khakasiya", 1999. 240 p. (in Russian).

Butanaev V. Ya. *Burkhanizm tjurkov Sajano-Altaja* [Burkhanism of the Sayan-Altai Turks]. Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta, 2003, 260 p. (in Russian).

Vyatkina K. V. *Mongoly Mongol'skoy Narodnoi Respubliki (Materialy istoriko-etnograficheskoi ekspeditsii akademii nauk SSSR i Komiteta nauk MNR 1948–1949 g. g.)* [Mongols of the Mongolian People's Republic (Materials of the historical and ethnographic expedition of the USSR Academy of Sciences and the Committee of Sciences of the MPR 1948–1949)]. *Vostochno-Aziatskiy etnograficheskiy sbornik* [East Asian ethnographic digest]. Moscow — Leningrad, 1960, pp. 159–269 (in Russian).

Galdanova G. R. *Zakamenskie burjaty. Istoriko-etnograficheskie ocherki (Vtoraya polovina XIX — pervaya polovina XX v.)* [Zakamenskie Buryats. Historical and ethnographic essays (Second half of the 19th century — first half of the 20th century)]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 172 p. (in Russian).

Galdanova G. R. *Ritual'naya pishcha mongol'skikh narodov* [Ritual food of the Mongolian peoples]. *Iz istorii khozyaystva i material'noj kul'tury tjurko-mongol'skikh narodov* [From the history of the economy and material culture of the Turkic-Mongolic peoples]. Novosibirsk: Nauka, 1993, pp. 141–150 (in Russian).

Zhamtsarano Ts. *Putevye dnevniki 1903–1907 gg.* [Travel diaries of 1903–1907]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN, 2001, 380 p. (in Russian).

Zhukovskaya N. L. *Kategorii i simvolika traditsionnou kul'tury mongolov* [Categories and symbolism of traditional Mongol culture]. Moscow: Nauka, 1988, 195 p. (in Russian).

Kalmyki [Kalmyks]. Moscow: Nauka, 2010, 568 p. (in Russian).

Kustova Ju. G. *Rebenok i detstvo v traditsionnoi kul'ture khakasov* [Child and childhood in the traditional culture of the Khakass people]. Saint-Petersburg: Peterburgskoje vostokovedenije, 2000, 160 p. (in Russian).

Nebesnaya deva-lebed'. Burjatskiye skazki, predaniya i legendy [Heavenly swan maiden]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoje knizhnoye izdatel'stvo, 1992, 368 p. (in Russian).

Nikolaev S. I. *Eveny i evenki Yugo-Vostochnoi Jakutii* [Evens and Evenks of South-Eastern Yakutia]. Yakutsk: Jakutknigoizdat, 1964, 202 p. (in Russian).

PMA (Polevye materialy avtora) [Author's Field Material]: Informator Galdanova Ts. Ts. 1908 g. r., p. Baiangol Zakamenskogo raiona respubliki Buriatiia [Informant Galdanova T. C. Born in 1908, p. Bajangol, Zakamensky District, Republic of Buryatia] (in Russian).

PMA (Polevye materialy avtora) [Author's Field Material]: Informator Munkonov B. Kh. 1947 g. r., s. Orlik Okinskogo raiona respubliki Buriatiia [Informant Munkonov B. H. Born in 1947, s. Orlik Okinskij District, Republic of Buryatia] (in Russian).

PMA (Polevye materialy avtora) [Author's Field Material]: Informator Tserenkhand G., g. n. s. instituta istorii Mongol'skoi akademii nauk, g. Ulan-Bator, Mongoliiia [Informant Tserenkhand G., Institute of History of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia] (in Russian).

Popov A. A. Materialy po istorii religii yakutov byvshego Viljuiskogo okruga [Materials on the history of religion of the Yakuts of the former Vilyui district]. *Sbornik muzeja arkheologii i etnografii* [Digest of the Museum of Archeology and Ethnography]. 1949, vol. IX, pp. 257–323 (in Russian).

Popova S. A. Medvezhii prazdnik severnoi gruppy mansi: yazykovoye tabu [Bear holiday of the northern group of Mansi: linguistic taboo]. *Finno-ugorskiy mir* [Finno-Ugric world]. 2017, no. 3 (32), pp. 102–112 (in Russian).

Potapov L. P. *Ocherki narodnogo byta tuvintsev* [Essays on the folk life of Tuvinians]. Moscow: Nauka, 1969, 401 p. (in Russian).

Sodnompilova M. M. *Mezhdru meditsinoi i magiei: praktiki narodnoi meditsiny v kul'ture mongol'skikh narodov (XVII–XIX vv.)* [Between medicine and magic: practices of traditional medicine in the culture of the Mongolian peoples (17th–19th centuries)]. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2019, 205 p.

Sodnompilova M. M. Biologicheskie zhidkosti chelovecheskogo organizma v kontekste sotsial'nykh interpretatsii: svyashchennoye materinskoe moloko [Biological fluids of the human body in the context of social interpretations: sacred mother's milk]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2021, vol. 26, no. 4, pp. 83–95 (in Russian).

Terent'yeva V. K. Yazykovye tabu i leksicheskie ogranicheniya v rechevykh praktikakh yaponskogo yazyka [Language taboos and lexical restrictions in speech practices of the Japanese language]. *Voprosy filologii* [Questions of Philology]. 2015, no. 2 (50), pp. 103–116 (in Russian).

Tugutov I. E. *Material'naya kul'tura buryat* [Material culture of the Buryats]. Ulan-Ude: Burjatskoye knizhnoe izdatel'stvo, 1958, 214 p. (in Russian).

Fiel'strup F. A. Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala XX v. [From the ritual life of the Kirghiz at the beginning of the twentieth century] Moscow: Nauka, 2002, 300 p. (in Russian).

Sharaeva T. I. *Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov XIX — nachala XXI v.* [Rituals of the life cycle of Kalmyks in the 19th — early 21st centuries]. Elista: NPP; Dzhangar, 2011, 218 p. (in Russian).

Erdenebold L. *Traditsionnye verovaniya oyrat-mongolov (konets XIX — nachalo XX v.)* [Traditional beliefs of the Oirat-Mongols (late 19th — early 20th centuries)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNC SO RAN, 2013, 196 p. (in Russian).

Erendzhenov K. *Zolotoy rodnik. O kalmytskom narodnom tvorchestve, remeslakh i byte.* [Golden Spring. About Kalmyk folk art, crafts and life]. Elista: Kalmytskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1990, 126 p. (in Russian).

Mongol jos zanshyn ikh tailbar toli. Tergüün botj [A great dictionary of Mongolian customs]. Ulaanbaatar: Süülenkhu khüükhdiin khevleliin gazar, 1992, vol. 1. 926 p. (in Mongolian).

Mongol ulsyn ugsaatny züi. Oiradyn ugsaatny züi. XIX–XX зууны зааг үе. 2 боти [Ethnography of Mongolia. Ethnography of Oirad. XIX–XX century]. Ulaanbaatar, 1996, vol. 2. 438 p. (in Mongolian).

Статья поступила в редакцию: 15.12.2023

Принята к публикации: 10.03.2024

Дата публикации: 31.03.2024

УДК 903.2

DOI 10.14258/nreur(2024)1–06

О. Б. Степанова

Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург (Россия)

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ И МАГИЧЕСКИЕ ЛЕЧЕБНЫЕ ПРАКТИКИ У СЕЛЬКУПОВ

В задачи исследования входило рассмотрение представлений о болезни и смерти и магических лечебных практик у селькупов. Эта тема до сих пор остается малоизученной, чем подчеркивается ее актуальность и научная значимость. В результате исследования были сделаны следующие выводы. Традиционные взгляды селькупов на болезнь и смерть могут быть разделены на три типа. В первом типе причиной болезни представлялись мелкие злокозненные духи, имеющие образ червя или зверька, проникающие глубоко в тело человека, при этом духи некоторых болезней, например оспы и эпилепсии, имели антропоморфный облик. Во втором типе болезнь приключалась из-за кражи духами души заболевшего человека. Воззрения на болезнь и смерть, относящиеся к третьему типу, были выделены путем сложного анализа материалов фольклора. Согласно этим воззрениям, болезнь, а главным образом смерть, наступали при нарушении целостности телесной души человека, которой считался каждый из органов и частей его тела, некоторые функции тела и ряд находящихся вне тела, но связанных с ним объектов. Вылечить болезнь и оживить умершего можно было с помощью магических, в первую очередь шаманских манипуляций.

Ключевые слова: селькупы, традиционное мировоззрение, представления о болезни и смерти, шаманские лечебные практики.

Для цитирования:

Степанова О. Б. Представления о болезни и смерти и магические лечебные практики у селькупов // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 1. С. 80–90.

DOI 10.14258/nreur(2024)1–06.

O. B. Stepanova

Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS, Saint-Petersburg, (Russia)

CONCEPTS OF ILLNESS AND DEATH AND SELKUP MAGIC HEALING PRACTICES

The study aimed to explore the Selkup people's beliefs regarding illness, death, and magical healing practices, a topic that remains inadequately understood, underscoring its relevance and scientific importance. The research yielded several key findings. Traditional Selkup perspectives on illness and death can be categorized into three main types. In the first type, diseases were attributed to malevolent spirits, often taking the form of worms or animals, that infiltrated the human body. Some illnesses, like smallpox and epilepsy, were believed to be caused by anthropomorphic spirits. The second type of belief posited that illness arose from spirits stealing the soul of the afflicted individual. The third type of viewpoint on illness and death emerged from a comprehensive analysis of folklore sources. According to these beliefs, sickness and, particularly, death occurred when the integrity of the human corporeal soul was compromised. This soul was perceived to encompass each organ and body part, certain bodily functions, and external objects connected to the individual. Magical, primarily shamanic, interventions were thought to hold the power to cure illnesses and even revive the deceased.

Keywords: Selkups, traditional worldview, ideas about illness and death, shamanic healing practices.

For citation:

Stepanova O. B. Concepts of illness and death and selkup magic healing practices. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No 1. P. 80–90. DOI 10.14258/nreur(2024)1–06.

Степанова Ольга Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Сибири Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** stepanova67@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

Stepanova Olga Borisovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Department of Siberia, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** stepanova67@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2130-2695>

Введение

До революции и в первой трети советского периода магические способы лечения болезней занимали у селькупов главенствующее положение в сфере заботы о здоровье. При этом рациональная традиционная медицина у селькупов тоже существовала, но она сильно уступала по популярности магическим практикам. В дореволюционных же отношениях северных селькупов с официальной медициной существовал лишь один эпизод — прививки от оспы, которые не давали желаемого результата из-за ненадлежащего качества вакцины и были доступны только селькупам, дислоцированным близ русских сел. Тазовские селькупы оспопрививанием не были охвачены по причине их удаленности и труднодоступности. С приходом советской власти официальная медицина тяжело и долго отвоевывала позиции у магической медицины, этот процесс продолжался у селькупов вплоть до 1970-х гг. Селькупские магические — шаман-

ские — способы лечения болезней основывались на мифологическом восприятии мира. Мифологические представления о болезнях занимали значительное место в традиционном селькупском мировоззрении и культуре. Исследование, посвященное вопросу селькупских мифологических воззрений на болезни и магических медицинских практик, имеет значение для науки и актуально для современных селькупов, оно помогает им вести поиск новых форм этничности, способствует сохранению селькупской истории и традиционной культуры [Степанова, 2018].

Отдельного научного труда по данному вопросу до сих пор не существует, однако разрозненные сведения содержатся в довольно большом ряде публикаций различных авторов: П. И. Третьякова [1871], К. Доннера [2008], Г. Н. Прокофьева [1935], Е. Д. Прокофьевой [1949, 1976], Г. И. Пелих [1972, 1998], И. Н. Гемуева [1984], А. В. Головнева [1995], авторов «Мифологии селькупов» [2004], О. Б. Степановой [2006, 2010] и др.

Исследование проводилось с опорой на методы исторической ретроспективы, семантического анализа и описания. Помимо литературных сведений по теме болезней, в статье использовались полевые материалы автора, собранные в селькупских экспедициях разных лет.

Результаты

Традиционные селькупские взгляды на природу болезней следует разделить на два типа — простой, где информанты рассказывают о болезнях прямым текстом, и сложный, который требует выявления представлений из материалов фольклора и мировоззрения.

В простом типе представлений виновниками человеческих заболеваний назывались духи, при этом подробно описывались схемы возникновения недугов. Духи причиняли вред здоровью человека в наказание за какой-то проступок, чаще за проявление неуважения к ним, причем проступок мог совершить один человек, а кара за него настигала его потомка, нередко через несколько поколений. Е. Д. Прокофьева приводит пример, как в 1920-е гг. шаман, вызванный к больной женщине, выясняя причины ее болезни, установил, что «очень давно» в ее роду кто-то из предков держал «с неба упавшую железную шапку», впоследствии какой-то родственник ее утерял, за что духи рассердились на весь род, и наказание пало на эту женщину [Прокофьева, 1976: 123]. П. И. Третьяков пишет о случае, когда шаман объявил больному, что тот при такой-то речке нечаянно наступил на брусочек, потерянный его прадедом-шаманом, из этого брусочка, выскочил «дьявол» и вошел в его тело [Третьяков, 1871: 218]. У селькупов существовал большой, если не сказать огромный, свод правил, главным образом запретов, диктующих, как сохранить уважительное отношение к духам.

Карающие духи — божества как верхнего, так и нижнего мира — насылали на человека своих слуг. Мелкие, невидимые, «ходящие как ветер» слуги (тоже духи), принимая вид червя или человекоподобного зверька, проникали в тело человека через рот, нос, глаза, через любую царапину на его коже или залезали под ногти [Прокофьева, 1949: 342; Пелих, 1998: 25–26]. Называли этих духов «еремка», «червь», а также «божье мученье» [Прокофьева, 1976: 123; Пелих, 1998: 25–26]. Передвигались они по кровеносным сосудам, это были их «дороги». Попадались очень хитрые духи, которые прятались глубоко в органах человека.

Способ борьбы с такого рода болезнями требовал обязательного участия шамана. Устраивался сеанс шаманского камлания, в процессе которого шаман, чтобы исторгнуть из человеческого нутра вредоносного духа, хватал зубами за болезненное место и через несколько минут вытаскивал из своего рта кишку какого-нибудь зверя, червяка или просто волосок. Проглатывая кишку, он, обращаясь к больному, говорил: «Вот видишь, ... дьявол хотел тебя съесть, но я его вытащил» [Третьяков, 1871: 218].

Рассказы о подобных сеансах шаманского лечения до сих пор фиксируются у селькупов во время полевой работы. «Наш шаман лечил, как в Ратте: плюнет кровь, червяка, как проволоку, изнутри вытаскивал. Я не видел, мне дедушка рассказывал. Как хирург был»¹. «Есть, как врачи, лечебные шаманы. Не по-плохому, а по-хорошему. У тебя будет болеть, а он плюнет кровь, там червяк такой, тонкий-тонкий, как проволока, как спичка, там, где кровь. Вылечивал, короче. Сейчас таких тоже нет»². Не всякий шаман мог помогать больным, шаманы, которые занимались лечением, выделялись у селькупов в особую категорию шаманов-лекарей. «Дух есть у всех шаманов, но у кого-то слабый, у кого-то врачевный. Вот, например, Полгаль врачевный человек был. Он вот так делает рукой и дует, потом — как у собаки у него там уже зажило — плюнет — как нитка, червяк»³.

Кай Доннер — единственный врач, посетивший селькупов в дореволюционное время, которому они охотно доверяли лечить их от гельминтоза, воспринимался как шаман, пациенты называли его «победителем духа солитера» [Доннер, 2008: 42].

В другом, тоже считавшимся простым типе селькупских воззрений на болезнь, причиной болезни и смерти назывался увод души человека духом или превратившимся в духа умершим родственником — злокозненным или тоскующим по оставшимся на земле близким — в царство мертвых. В этом случае спасти человека было значительно сложнее. Шаман путешествовал по трудной дороге к городу мертвых и ловил похищенную душу на всем пути в этот город. В задачу присутствующего на похоронах шамана входило узнать, не хочет ли умерший забрать с собой чью-нибудь душу. Шамана оставляли наедине с умершим, рядом ставили чай, хлеб, рыбу. Шаман ждал — не придет ли какая-нибудь душа угоститься около умершего, это означало, что умерший позвал ее к себе. Когда душа (имевшая портретное сходство со своим хозяином) приходила, шаман узнавал, кому она принадлежит, а затем камлал над покойным: ударял по нему развилкой на конце стрелы, и душа застревала в этой развилке в виде икринки, шаман клал ее на голову человека, которому она принадлежала, и взмахами колотушки водворял ее назад в тело ее хозяина [Прокофьева, 1976: 124].

Такие взгляды у некоторых групп селькупов сохранялись до 1970-х гг. Запись похожего рассказа была сделана автором в экспедиции к селькупам в 2013 г. События, которые в нем описываются, датируются 1971 г. «Три дня покойный лежит, три дня шаман сидит. У меня первый муж умер, так с шаманом хоронили. Вдруг старик закричал — увидел меня с покойным в новой шубе. Шубу сняла, как сказал. Последняя ночь самая трудная. Надо рядом усадить молодых. Борьба начинается с покойником. Шаман

¹ Полевые материалы автора. Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа. 2019 г.

² Там же. 2021 г.

³ Там же. 2018 г.

может упасть. Молодые берут и поднимают на ноги. Нужно обезопасить родню умершего — это шамана роль. Шаман увидел меня в новой шубе с умершим, поэтому шубу я сняла. Бывает, шаман оленя заколоть просит, или платок оставить, или лодку — хорошая традиция»⁴.

Опасным для здоровья до сих пор считается контакт человека с духами на территории кладбища. Селькупы неукоснительно соблюдают запрет притрагиваться к имуществу покойников. В случае его нарушения спасти человека могут лишь магические действия шамана. «Я отцу говорю, что я чайник нашел, сейчас чайник принесу. А он говорит, что меня покойники поймают, вот мне чайник будет, я потом его выбросил. Раньше чайник ставили на могилу и, например, чугунную посуду. На Ратте-речке я тоже котел видел, о, какой хороший котел. Там одна бабушка, восьмидесяти лет, говорит, сынок, тут не ходи, тут народу много лежит, не видно. А я с котла мох снял, в серединке, а по бокам... А бабушка потом сказала: «Ты, наверное, по ним ходил, не ходи, сынок, болеть будешь». У нее, наверное, тоже дух был. Она по-селькупски: «У-у-у, ихний дух убирай», — костер зажгла маленький. Я тогда пацаном был. Вот так она сделала, вот, сказала, чтобы больше не ходил»⁵.

Шаманы не всегда вступали в сражение с болезнетворными духами и нередко использовали метод переговоров и задабривания, тогда в жертву духам приносились олени [Доннер, 2008: 95–96, 99]. Чтобы дух не смог вернуться обратно в тело человека, применялся также метод «привязывания» духа болезни к оленю: на боках оленя выстригались изображения этого духа и рыболовного запора, который «удерживал» духа в оленьем теле [Степанова, 2008: 298]. Еще одним способом лечения было вселение духа болезни в изготовленное для него изображение. В фонде Г. Н. Прокофьева в архиве МАЭ РАН имеется сделанный ученым рисунок духа болезни эпилепсии — вырезанной из дерева антропоморфной фигурки [Степанова, 2008: 298].

По окончании лечебного камлания шаман мазал пациенту больное место кровью только что убитого оленя [Третьяков, 1871: 218] — оленья кровь, как считалось у селькупов, обладала заживляющим эффектом.

Был способ магического лечения, когда семья могла помочь заболевшему родичу без обращения к шаману. В таком случае совершался обряд жертвоприношения домашним духам, изображения которых раньше хранились в каждом роду: «домашний идол окуривался дымом горящего на углях оленьего жира и обмазывался свежей кровью оленя» [Третьяков, 1871: 225]. Если больному становилось после этого лучше или, например, роженица благополучно разрешалась от бремени, домашних духов одевали в свежие одежды и подносили им новые украшения. Чаще селькупы обходились именно таким способом помощи больному, шамана вызывали только в самых серьезных ситуациях.

Не все духи болезни имели облик червя. Оспа, к примеру, представлялась селькупам женщиной с золотыми волосами. С нею у них устанавливался определенный род отношений: считалось, что тот, кому она являлась в красном платке, поправлялся, а тот,

⁴ Полевые материалы автора в Пуировский район Ямало-Ненецкого автономного округа. 2013 г.

⁵ Полевые материалы автора в Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа. 2021 г.

кому удавалось увидеть ее и пустить в нее стрелу, умирал, но своим предсмертным выстрелом спасал остальных сородичей, так как болезнь после этого шла на сокращение [Третьяков, 1871: 127]. Запрещалось кричать во время повальной болезни, так как на этот крик мог явиться насылающий болезнь дьявол [Третьяков, 1871: 184]. Многие селькупы просто старались убежать от оспы как от опасного одушевленного объекта. «Иногородцы, уstraшенные гибельным действием оспы и уже ощущая на себе ее действие, бросают родной чум и стремятся на своих быстроногих оленях в самые удаленные места с надеждой избежать неминуемой смерти, но смерть преследует их по пятам, и беглецы умирают на пути, сидя в санках» [Третьяков, 1871: 127]. Оспа — самая страшная из всех известных селькупам болезней — была встроена в сложную систему селькупских взглядов на мироустройство. «Если кукушка не кукует, то худо — немочь будет, люди умирать будут: прежде, когда кукушка не куковала весной, оспа была» [Щапов, 1937: 111].

Не понимая истинной природы туберкулеза, страдающих этой болезнью селькупы называли «испорченными». «Савелий, сообщая мне сведения по статистике и назвав членов своей семьи, на мой вопрос, не живет ли еще кто-нибудь в его чуме, заявил, что «есть еще одна парнишка, которую, однако, писать не надо: «она прокисла». Я сначала ничего не понял. Потом выяснилось, что у него есть еще один сынишка, больной чахоткой: «у него внутри все прокисло». Слово «прокис» употребляется вместо «испортился», так, санки могут прокиснуть, бокари могут прокиснуть» [Гаген-Торн, 1992: 98].

По способности лечить серьезные недуги определялась магическая сила шамана. Спасение шаманами своих пациентов приравнивалось к шаманским подвигам. Согласно рассказам селькупов, некоторые шаманы имели такую волшебную силу, что могли помочь сородичам даже в самых безнадежных случаях. «На Ватыльке отец сыну своему, лет 18 тому было, до революции еще, случайно почку прострелил, в темноте за медведя принял. Сразу своих людей послал на Каральку, по прямой, летом дело было. Там как раз в тот момент несколько шаманов собралось, трое или четверо, на талец съехались, у них, у шаманов это принято было раньше, такая традиция. Рассказал там все. Шаманы говорят: «Давай, гость, садись чай пить. Завтра поедем. Ничего не случится. Ничего не будет». Переночевали, отдохнули, на второй день вышли. Приезжают, а парень не умер даже, лежит, как лежал. Давай его лечить. Пулю, пыжи, еще что-то, кровь, гной высосали и выплюнули. Сказали день, когда он встанет. Точно в тот день и встал. Потом он жил, жил, семья у него была. Но, видно, судьба у него такая. Потом он самого себя случайно прострелил, около глаза. Опять шаманов позвали. Те колдовали-колдовали, на ноги опять поставили. Жил он долго, до семидесятых, восьмидесятых» [Степанова, 2014: 129]. Вера в шаманское лечение была у селькупов очень сильной. Благодарность и уважение сородичей шаманы получали и в тех случаях, когда заболевание, с которым они справлялись, было незначительным. «Отца в детстве шаман лечил. Ел сахар, проглотил вместе с ним хвойную иголку. Отвезли его к шаману, оставили. Шаман камлал, к нему не притронулся. Почувствовал, как иголка сама вышла»⁶.

⁶ Полевые материалы автора в Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа в 2012 г.

Другой, сложный и требующий специального раскрытия тип селькупских мифологических взглядов на болезнь и ее излечение был связан с представлениями о душе — жизненном начале, основе жизненности человека, которой считалось физическое тело человека, все его части и внутренние органы по отдельности. Насильственные нарушения целостности и естественные (например, старение) изменения тела и его частей вызывали снижение/потерю жизненной силы человека — ту же болезнь или сразу смерть как ее финальную стадию.

Мифологические представления селькупов о «травме» и смерти телесной души, как правило, содержатся в фольклоре. Сказочный персонаж *Пуль амыгрыль куп* в укромном месте прячет свои сердце и печень, что обеспечивает ему бессмертие и непобедимость, когда эти его хранящиеся на отдалении органы уничтожает противостоящий ему герой, великан погибает [Мифология, 2004: 247–248]. Другой великан *Пунакэса* побеждает трех братьев-змей и, чтобы сделать их «окончательно» мертвыми, он у первого отрезает уши, у второго и третьего вынимает печень и сердце [Мифология, 2004: 249]. Средствами фольклора подчеркивается значение, которое придается в селькупских воззрениях каждой телесной душе для сохранения жизненности человека.

Фольклорные сюжеты о смерти или эквивалентном ей нарушении целостности телесной души часто сопровождаются сценами возрождения/перерождения души, в чем состоит идея о бесконечности жизни и непрерывной циркуляции жизненного начала человека между земным и потусторонним мирами. Фольклор селькупов преподносит смерть как переход границы миров и утверждает возможность восстановления жизненности человека с помощью магических манипуляций. Так, в мифе о появлении Месяца Дьявол разрывает земного мужчину на две половины, одна из которых, без сердца, достается женщине-Солнцу, Солнце оживляет его, вкладывая в него сердца разных светлых птиц [Прокофьева, 1976: 107; Мифология, 2004: 126]; герой *Итте* возрождается из оставшихся от него костей, возвращая свое «мясо» с помощью мышей [Гемуев, 1984: 142; Пелих, 1998: 54]; кости умершей старухи, оживленные дочерью водяного, превращаются в новорожденную девочку [Прокофьев, 1935: 109]; убитая старуха воскресает из собственной печени, положенной на ночь на «ту сторону кострища, огнища» [Пелих, 1972: 155]; герои оживают, когда их трупы, разрезанные на куски, шаман всю ночь варит в котле [Пелих, 1998: 58], а затем бросает навстречу лучам восходящего солнца [Степанова, 2008: 184]; герой одного из преданий сетует, что не имеет донорских органов — печени, почек, сердца и языка, чтобы вложить их своему погибшему брату взамен вынутых врагами и тем самым оживить [Головнев, 1995: 142] и т. д. Магический механизм воскрешения фольклорных героев, возвращения целостности их телесной душе заключается в прикреплении обратно к костям съеденного духами «мяса», сожжении, варении органов и частей тела умершего, вложении в тело трупа недостающих органов, попадании на труп лучей восходящего солнца и пр. В фольклоре телесной душой выступают голова, череп, уши, глаза, палец, горло, волосы, ногти, пуп, кишечник, желудок и т. п.

Вера селькупов в возрождение человека из органов и частей тела оставила след не только в фольклоре, она нашла отражение и в практической магии селькупов. Ученными были записаны сведения, что в давние времена старики-селькупы съедали ор-

ганы умерших детей, веруя в свое омоложение [Ким, 1997: 89], и существовал обычай поедать сердце и мозг поверженного врага [Головнев, 1995: 140] для присвоения его жизненной силы.

Помимо органов и частей тела телесной душой, жизненным началом человека в представлениях селькупов выступают отсохшая пуповина новорожденного, кровь, дыхание, женское молоко, кал, ум/мудрость/хитрость, слюна, слово, личная песня, имя, а также связанные с телом человека объекты: след, тень, одежда, изготовленное для души-духа изображение, охотничьи стрелы, охотничий пояс, швейные иглы, женская игольница и др. Считалось, что нанесение вреда каждому из этих объектов может убить их хозяина, а сохранение в целостности, наоборот, придаст ему силы или вернет к жизни [Степанова, 2008: 166–209].

Старость, как и болезнь, представляется селькупам приближением к смерти, когда душа, жизненная сила человека «истончается», становится «прозрачной». До настоящего времени в народе распространен обычай восхождения на священные горы — образованные речными берегами высокие сопки, считавшиеся обиталищем духов — хозяев окрестных земель. В процессе восхождения определяется степень оставшейся у человека жизненной силы. Тому, у кого при подъеме на гору не собьется дыхание, не подкостятся ноги, Хозяин или Хозяйка земли даст еще семь лет жизни. Тех, кто сильно устанет, считается, ждет менее радостная жизненная перспектива. «Шаман-гора на Тазу есть, там, на вершине озеро. Я один раз залез и вниз спустился. Некоторые до середины залезают и все, не могут больше, ноги коченеют, не живучие уже. Многие у нас не живучие люди. Я с одним ходил, он говорит: «Я больше не могу». Я его за коптыр — и он так плавно идет. Я копейку в то озеро бросил»⁷. «Порге мач — вон там, у Ширты, это Шаман гора, это одно и то же, Шаманский бор, высокий-высокий. Я, когда мне лет двенадцать, наверное, было, туда поднимался и больше не поднимался. Есть люди, вверх поднимаются, потом вниз спустятся, и уже сядут, все, у них ноги отнимаются, не могут больше идти. Мы этого человека взяли за подмышки, утащили на берег»⁸.

Заключение

Итак, у селькупов существовало три типа представлений о болезни и смерти. Первый тип — болезнь причиняли духи в образе червя или мелкого зверька, забравшиеся в тело человека, иногда их образ виделся антропоморфным, как у духов оспы или эпилепсии. Второй тип — болезнь случалась из-за кражи духами души человека. В обоих случаях, чтобы справиться с болезнью, требовались магические манипуляции, которые проводились шаманами, или, если недуг был легким, родственники больного обращались за помощью к духам-предкам, изображения которых хранились в семье многие поколения. Согласно третьему виду взглядов, выделяемому преимущественно в фольклоре, болезнь и смерть происходили при нарушении целостности телесной души человека, которой выступал каждый орган и каждая часть его тела в отдельности, а также некоторые функции тела и ряд связанных с телом внешних объектов. Возвращение по-

⁷ Полевые материалы автора в Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа в 2019 г.

⁸ Полевые материалы автора в Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа в 2021 г.

страдавшей душе целостности путем определенного набора магических действий, совершаемых «непростым» героем (обладающим шаманскими способностями), позволяли справиться с «травмой» и воскресить умершего. Традиционные взгляды селькупов на болезнь и смерть дошли до нашего времени в фольклорных произведениях, воспоминаниях стариков-селькупов и нескольких сохранившихся обычаях, таких как обряд измерения своей жизненной силы при подъеме на Священные горы или соблюдение запрета прикасаться к покойническому имуществу, размещенному на кладбище.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гаген-Торн Н. И. Прокофьевы в Яновом Стане // Этнографическое обозрение. 1992. №4. С. 91–110.
- Гемуев И. Н. Семья у селькупов (XIX — начало XX в.). Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1984. 156 с.
- Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодейцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 605 с.
- Доннер К. У самоедов в Сибири. Томск : Ветер, 2008. 176 с.
- Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск : Изд. НТЛ, 1997. 219 с.
- Мифология селькупов. Томск : ТГУ, 2004. 380 с. (Энциклопедия уральских мифологий).
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск : Изд-во ТГУ, 1972. 421 с.
- Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск : Изд-во ТГУ, 1998. 79 с.
- Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика. Л. : Ин-т народов Севера ЦИК СССР, 1935. Ч. 1. 131 с.
- Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник Музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Акад. Наук СССР, 1949. Т. 11. С. 335–375.
- Прокофьева Е. Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л. : Наука, 1976. С. 106–128.
- Степанова О. Б. Злая или добрая: к вопросу о главном мифологическом образе селькупов // Омский научный вестник. 2006. №8. С. 52–55.
- Степанова О. Б. Отношения государства и коренных малочисленных народов Севера в начале XXI в. в Красноселькупском районе ЯНАО // Вестник урведения. 2018. №2. С. 365–374.
- Степанова О. Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №2. С. 124–131.
- Степанова О. Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. Сер. Ethnographica Petropolitana. СПб. ; Абакан : Петербургское Востоковедение, 2010. 303 с.
- Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб. : Тип. Безобразова, 1871. 316 с.
- Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о Сибирском населении. Собрание сочинений: дополнительный том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск : Восточносибирское обл. изд-во, 1937. 378 с.

REFERENCES

- Donner K. *U samoedov Sibiri* [Among the Samoyeds of Siberia]. Tomsk: “Veter” Publ. 2008, 175 p. (in Russian).
- Gemuev I. N. *Sem'ya u sel'kupov (XIX — nachalo XX v.)* [The family of the Selkups (XIX — early XX centuries)]. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoye otdeleniye. 1984, 156 p. (in Russian).
- Golovnev A. V. *Govoryashchiye kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RAN. 1995, 606 p. (in Russian).
- Hagen-Thorn N. I. *Prokof'yevy v Yanovom Stane* [Prokofievs in Yanov Stan]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review]. 1992, no 4, pp. 91–110 (in Russian).
- Kim A. A. *Ocherki po sel'kupskoy kul'tovoy leksike* [Essays on the Selkup cult vocabulary]. Tomsk: NTL Press. 1997, 219 p. (in Russian).
- Mifologiya sel'kupov. Seriya “Entsiklopediya ural'skikh mifologiy”* [Mythology of the Selkup. Series “Encyclopedia of Ural mythologies”]. Tomsk: TGU. 2004, 380 p. (in Russian).
- Pelikh G. I. *Proiskhozhdeniye sel'kupov* [The origin of the Selkups]. Tomsk: TGU. 1972, 421 p. (in Russian).
- Pelikh G. I. *Sel'kupskaya mifologiya* [Selkup mythology]. Tomsk: TGU. 1998, 79 p. (in Russian).
- Prokofiev G. N. *Sel'kupskiy (ostyako-samoyedskiy) yazyk. Sel'kupskaya grammatika* [Selkup (Ostyak-Samoyed) language. Selkup grammar]. Leningrad: Institut narodov Severa CIK SSSR Publ. 1935, pt. 1, 131 p. (in Russian).
- Prokofieva E. D. *Kostyum sel'kupskogo (ostyako-samoyedskogo) shamana* [Costume of the Selkup (Ostyak-Samoyed) Shaman]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow-Leningrad: Nauka. 1949, vol. 11, pp. 335–375 (in Russian).
- Prokofieva E. D. *Staryye predstavleniya sel'kupov o mire* [Old representations of Selkups about the world]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in religious representations of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka. 1976, pp. 106–128 (in Russian).
- Stepanova O. B. *Otnosheniya gosudarstva i korennykh malochislennykh narodov Severa v nachale XXI v. v Krasnosel'kupskom rayone YANAO* [Relations between the state and the indigenous peoples of the North at the beginning of the 21st century in the Krasnoselkupsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of ugric studies]. 2018, no. 2, pp. 365–374 (in Russian).
- Stepanova O. B. *Severnyye sel'kupy: sistema traditsionnykh vzglyadov v zerkale odnogo interv'yu* [Northern Selkups: the system of traditional views in the mirror of one interview]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2014, no. 2, pp. 124–131 (in Russian).
- Stepanova O. B. *Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov: predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe* [The traditional worldview of the Selkups: ideas about the cycle of life and soul]. Sankt-Petersburg, Abakan: Peterburgskoye Vostokovedeniye, Izdatel'skiy dom “Panteon”, 2010, 303 p. (in Russian).

Stepanova O. B. *Zlaya ili dobraya: k voprosu o glavnom mifologicheskom obraze sel'kupov* [Evil or kind: to the question of the main mythological image of the Selkup]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin]. 2006, no. 8, pp. 52–55 (in Russian).

Shchapov A. P. *Istoriko-geograficheskiye i etnologicheskiye zametki o Sibirskom naselenii. Sobraniye sochineniy: dopolnitel'nyy tom k izdaniyu 1905–1908 gg.* [Historical, geographical and ethnological notes about the Siberian population. Collected works: additional volume to the 1905–1908 edition]. Irkutsk: East Siberian Regional publ. 1937. 378 p. (in Russian).

Tret'yakov P. I. *Turukhanskiy kray, yego priroda i zhiteli* [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. Sankt-Petersburg: Tip. Bezobrazova. 1871, 316 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.07.2023

Принята к публикации: 15.01.2024

Дата публикации: 31.03.2024

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 261.7

DOI 10.14258/nreur(2024)1-07

С. Н. Азарова

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва (Россия)

ПРИАМУРСКИЙ ЗЕМСКИЙ СОБОР 1922 Г. ОБ ОБНОВЛЕНЧЕСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ В РОССИИ И КАМПАНИИ ПО ИЗЪЯТИЮ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ)

Впервые публикуются и анализируются документы Приамурского земского собора 1922 г., посвященные церковным вопросам. В научный оборот вводятся материалы, связанные с обсуждением на Земском соборе обновленческого переворота в России и кампании по изъятию церковных ценностей. Поводом к нему послужило присланное во Владивосток письмо от сибирского священника с приложенными к нему распоряжениями новых церковных властей, которые предваряли призыв к верующим осудить патриарха Тихона и верное ему духовенство. В них также сообщалось о формировании обновленческого Временного всероссийского церковного управления, а для губерний Сибири — Сибирского церковного управления с резиденцией в Томске.

Приамурский земский собор единогласно выступил против обновленческого переворота в России и разграбления церковных ценностей. Помимо заявлений председателя и членов Собора, сохранившихся в стенограммах заседаний, особый интерес для современных исследователей представляют соборные обращения к главам православных поместных церквей, а также к мировому сообществу в лице архиепископа Кентерберийского и президента Соединенных Штатов Америки, с просьбой осудить незаконные действия советской власти против канонической Православной российской церкви во главе с патриархом Тихоном и защитить находящегося под арестом первосвященника от насилий над ним.

Ключевые слова: Православная российская церковь, Дальний Восток, Приамурский земский собор, патриарх Тихон, обновленчество, изъятие церковных ценностей, Харбинская епархия.

Для цитирования:

Азарова С. Н. Приамурский земский собор 1922 г. об обновленческом перевороте в России и кампании по изъятию церковных ценностей (неопубликованные документы) // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29. № 1. С. 91–112.
DOI 10.14258/nreur(2024)1–07.

S. N. Azarova

St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow (Russia)

UNVEILING THE RENOVATION COUP: AMUR ZEMSKY SOBOR 1922 AND THE SEIZURE OF CHURCH PROPERTY

This article presents and analyzes, for the first time, the documents from the Amur Zemsky Sobor of 1922, focusing on church-related matters. The materials discussed at the Zemsky Sobor shed light on the Renovations coup in Russia and the campaign to seize church valuables, bringing these topics into scholarly discourse. The catalyst for this exploration was a letter received in Vladivostok from a Siberian priest, which included directives from the new church authorities. Preceding these directives was a call to believers to denounce Patriarch Tikhon and his loyal clergy. These documents also detailed the establishment of the Renovationist Provisional All-Russian Church Administration and, for the Siberian provinces, the Siberian Church Administration headquartered in Tomsk.

The Amur Zemsky Sobor unequivocally opposed the Renovationist coup in Russia and the pillaging of church treasures. Beyond the statements made by the council's chairperson and members, which are recorded in the meeting transcripts, the communal appeals to the heads of the Local Orthodox Churches hold particular significance for contemporary researchers. Additionally, appeals were made to the Archbishop of Canterbury and the President of the United States, urging them to condemn the Soviet government's unlawful actions against the canonical Russian Orthodox Church led by Patriarch Tikhon. These appeals sought to defend the arrested Primate from violence and persecution.

Keywords: Russian Orthodox Church, Far East, Amur Zemsky Sobor, Patriarch Tikhon, renovationism, seizure of church valuables, Harbin diocese.

For citation:

Azarova S. N. Unveiling the renovation coup: Amur Zemsky Sobor 1922 and the seizure of church property. *Nations and religions of Eurasia*. Vol. 29. No 1. P. 91–112.
DOI 10.14258/nreur(2024)1–07.

Азарова Светлана Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий специалист Отдела новейшей истории Русской православной церкви православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** tsavelieva@mail.ru; snb398@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-5995-5441>.

Azarova Svetlana, Ph. D (History sciences). Leading Specialist, Modern History Research Department of the Russian Orthodox Church, St. Tikhon's Orthodox Humanitarian University, Moscow (Russia). **Contact address:** snb398@yandex.ru; <https://orcid.org/0009-0007-5995-5441>.

Введение

Гражданская война в России завершилась в 1922 г. последней и самой героической попыткой противников советской власти возродить прежний государственный строй. Оплотом Белого сопротивления стал Дальний Восток, точнее — Приморье, с его политической столицей — городом Владивостоком. Именно здесь окончательно обозначился смысл антибольшевистской борьбы, когда над принципом «непредрешения», сформулированным Белым движением еще в 1918 г., одержал победу ранее менее популярный у его вождей лозунг о восстановлении в России монархического правления во главе с представителем Дома Романовых. Тогда же оставшаяся незанятой красными территория стала именоваться Приамурским земским краем, а находившиеся в Приморье части Белой армии были переименованы в Земскую рать, которую возглавил временный правитель Земского края генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс. В отличие от большинства военачальников Русской императорской армии этот генерал никогда не отказывался от царской присяги и вошел в историю не только как защитник возрождения императорской России, но и как человек глубоко преданный православию и Русской церкви.

Ключевым событием этих перемен стал последний в истории России Земский собор, состоявшийся во Владивостоке в июле-августе 1922 г. В настоящее время тема Приамурского земского собора является востребованной у исследователей, чьи труды связаны с изучением последнего этапа Гражданской войны и особенно с вопросом о государственном устройстве Приморья и борьбе за восстановление в России монархии. Наряду с этим, касаясь идеологического аспекта соборных решений, авторами публикаций еще не рассматривалось отношение участников Земского собора к изменениям в церковной жизни России — обновленческому перевороту и изъятию церковных ценностей, тогда как документы Земского собора свидетельствуют о деятельном участии соборян в этом вопросе. Решающее значение в его решении сыграли тогда события, происходившие в Сибири, где было образовано обновленческое Сибирское церковное управление с резиденцией в Томске.

Восприятие антицерковной политики большевиков православными гражданами бывшей Российской империи на сегодняшний день изучено, с одной стороны, довольно полно, но с другой — еще недостаточно для формирования ясной картины происходящего в разных губерниях, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. В этой связи заслуживают внимания труды исследователей, изучающих проблему в региональном

масштабе. Например, опубликованные в 2023 г. статьи А. В. Горбатова и П. К. Дашковского об особенностях изъятия церковных ценностей в Западной Сибири и судебных процессах над верующими и духовенством. Для настоящего исследования важны выводы авторов о характере народного сопротивления политике властей, а также о репрессивных методах большевиков, направленных на ослабление Церкви [Горбатов, Дашковский, 2023: 54–55]. Так, А. В. Горбатов отмечает, что среди верующих «преобладало использование различных форм пассивного протеста: проведение собраний, составление резолюций, постановлений на сельских сходах» [Горбатов, 2023: 941]. Но кому были адресованы эти документы? Куда они попадали, кто на них отвечал? Нельзя не учитывать, что сопротивление изъятию церковных святынь происходило на советских территориях, где протестующие подвергали себя совсем не той ответной реакции, на которую рассчитывали.

Белое Приморье в этом отношении имело преимущество. Здесь никто не угрожал репрессиями, и обращения в защиту Православной российской церкви могли быть направлены даже за пределы Отечества, представителям поместных церквей и мировому сообществу.

Обозначенная в данной публикации тема о решении церковных вопросов на Приамурском земском соборе была затронута автором в докладах, прозвучавших на конференции «Связь времен», посвященной 100-летию Русской православной церкви за границей (Белград — Сремски Карловцы, 22–26 ноября 2021) [Azarova, 2021], и Общецерковной научной конференции ПСТГУ «В защиту Церкви и ее святынь» (Москва, 17–18 октября 2022 г.). Количественный и поименный состав участников Земского собора из числа представителей православного духовенства в работе представлен впервые.

Цель данной статьи — ввести в научный оборот ранее неизвестные документы Земского собора 1922 г., посвященные церковным вопросам, проанализировать и охарактеризовать их содержание. Эти документы были выявлены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и личном архиве председателя Земского собора Н. И. Миролюбова, сохранившемся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США, Hoover Institution Library & Archives).

Предсоборное обсуждение проблем, связанных с гонениями на Церковь в России, представителями русской дальневосточной эмиграции

Председатель Земского собора — монархист, профессор-юрист Никандр Иванович Миролюбов, прибыл на Собор как делегат от Харбинской епархии. Эта епархия с центром в городе Харбине находилась на территории приграничной с Россией Маньчжурии. Она была образована указом Высшего церковного управления за границей (ВЦУЗ) 16 (29) марта 1922 г. и включала в себя 28 храмов, прежде составлявших благочиннический округ Владивостокской епархии Русской православной церкви, а также два монастыря, основанные в том же году. С 1922 г. до конца октября 1923 г. профессор Н. И. Миролюбов состоял членом Харбинского епархиального совета, в первый (временный) состав которого вошли: председатель — протоиерей Петр Рождественский; члены Совета от духовенства — священники Константин Лебедев и Иннокентий Петелин, от мирян — профессор Н. И. Миролюбов и представитель от КВЖД Н. Л. Гондати. Несколько позже в состав Епархиального совета были включены: вместо священ-

ника Иннокентия Петелина протоиерей Михаил Филологов, а также еще один представитель от мирян С. В. Кедров.

В 1922 г. Харбинская епархия насчитывала более трехсот тысяч православного населения, включая беженцев, среди которых оказались четыре архиерея, оставившие свои епархии после занятия их территорий красными. Один из них, архиепископ Оренбургский и Тургайский Мефодий (Герасимов), был назначен главой Харбинской епархии с присвоением титула архиепископа Харбинского и Маньчжурского.

Именно в Харбине, при непосредственном участии архиепископа Мефодия и профессора Н. И. Миролубова, началось обсуждение проблем, связанных с обновленческим расколом в России и изъятием церковных ценностей, которое продолжилось на Земском соборе и было закреплено принятыми на нем документами. Впервые такое обсуждение состоялось 15 июня 1922 г. на собрании кружка лекторов Иверского братства, проходившем под почетным председательством архиепископа Мефодия и в присутствии еще двух проживавших в Харбине архиереев-беженцев — епископов Забайкальского Мелетия (Заборовского) и Камчатского Нестора (Анисимова). Обсудив вопрос о гонениях на Церковь в России, вызванных проведением в жизнь декрета об изъятии церковных ценностей, на собрании было принято решение «протестовать против очередного кощунственного выпада врагов Церкви» на страницах заграничной прессы [Свет. 1922. 18 июня]. Также было одобрено предложение устроить 25 июня, в воскресенье, в местных храмах ряд чтений и проповедей на означенную тему. Организация дела была возложена на Харбинский епархиальный совет.

Участие православного духовенства в Приамурском земском соборе во Владивостоке

Через месяц, в воскресенье 23 июля 1922 г., во Владивостоке состоялось открытие Земского собора. Его делегатами стали члены Временного Приамурского правительства, представители армии, казачества, гражданских ведомств, высших учебных заведений, общественных и религиозных организаций. К участию в заседаниях не допускались только коммунисты, социалисты-интернационалисты и примыкавшие к ним.

Собор состоялся по благословению священнослужителей Русской православной церкви. В нем участвовали три православных архиерея: епископ Владивостокский Михаил (Богданов) и беженцы — архиепископ Харбинский Мефодий (Герасимов) и епископ Камчатский Нестор (Анисимов), а также 16 священников (Павел Диев, Дмитрий Андреев, Иоанн Дроздовский, Григорий Климчук, Федор Стрелецкий, Василий Демидов, Артемий Соловьев, Леонид Викторов, Валентин Антониев, Павел Мичурин, Константин Цивилев, Косьма Серговский, Даниил Шерстенников, Геннадий Евсевиев, Стефан Нежинцев, Аристарх Пономарев). Один из архиереев-эмигрантов, епископ Забайкальский Мелетий (Заборовский), «по болезни» не смог приехать во Владивосток, он остался в Харбине, прислав Собору свое письменное благословение.

Епископ Владивостокский Михаил и четыре священника (Аристарх Пономарев, Геннадий Евсевиев, Стефан Нежинцев, Даниил Шерстенников), а также три делегата из православных мирян (Флегонт Ильич Поротиков, Владимир Федорович Овсянников и Борис Петрович Протодиаконов) представляли на Земском соборе группу участников поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг.

От новообразованной Харбинской епархии делегатами Земсобора стали три представителя: от духовенства — священник Василий Демидов, от мирян — профессор Н. И. Миролюбов и типографский служащий А. К. Скородихин.

Избранный председателем Земского собора Н. И. Миролюбов пользовался большим авторитетом и уважением соотечественников. Сын священника, окончивший Казанскую духовную академию и юридический факультет Казанского университета, приват-доцент, профессор, он имел орден от императора Николая II за участие в судебном процессе 1904 г. по делу о хищении Казанской иконы Божией Матери. В начале 1919 г., будучи прокурором Казанской судебной палаты, Н. И. Миролюбов был назначен надзирающим прокурором по делу об убийстве царской семьи, которое вел следователь Н. А. Соколов. В 1920 г. Н. И. Миролюбов покинул Казань и, следуя через Омск за отступавшей армией Колчака, эмигрировал в Харбин. В эмиграции он — профессор Высших экономико-юридических курсов, затем первый декан Харбинского юридического факультета.

Важно также отметить, что почетным председателем Земского собора и его заместителями стали не светские, а духовные лица: почетным председателем единогласно был избран находившийся в это время в Москве под арестом патриарх Тихон, почетными заместителями председателя стали архиепископ Харбинский Мефодий (Герасимов) — старейший из присутствовавших на Земсоборе архиереев, и старообрядческий епископ Казанский и Вятский Филарет (Паршиков).

Документы об обновленческом перевороте в России и изъятии церковных ценностей, представленные на Приамурском земском соборе

Церковным вопросам на Земском соборе было посвящено открытое заседание, состоявшееся 3 августа. Поводом к их обсуждению послужило письмо Харбинского епархиального совета на имя председателя Собора Н. И. Миролюбова (Приложение 1). В этом письме, к которому были приложены копии документов, говорилось о происшедшем в России обновленческом церковном перевороте и сообщалось об арестах и заключении в тюрьму трех сибирских епископов: Томского Виктора (Богоявленского), Златоустовского Николая (Ипатов) и Тюменского Николая (Покровского).

Временно управлявший Томской епархией епископ Барнаульский Виктор (Богоявленский) был арестован в июле 1922 г. по делу об изъятии церковных ценностей [Васильева, Дмитриенко, Исаков, Косик, 2018: 433–436]. Незадолго до его ареста церковная власть в Томске была захвачена обновленцами во главе со священником Петром Блиновым, впоследствии ставшим обновленческим «епископом Томским и Сибирским». Епископ Златоустовский Николай (Ипатов) был арестован ранее, в декабре 1919 г., и в январе 1920 г. этапирован в Омск для суда ревтрибунала за поддержку Белого движения. В ноябре того же года после заявления о лояльности советской власти архиерей был освобожден и вернулся в Златоуст. В 1922 г. он перешел в обновленчество, но впоследствии порвал с ним [Зиминая, 2018: 328–331]. Архиепископ Тюменский Николай (Покровский) был арестован в Тобольске после подавления контрреволюционного восстания 1921 г. и приговорен к расстрелу. В таких условиях в 1922 г. архиерей перешел в обновленчество, после чего получил помилование. В августе 1923 г. он вернулся в общение с патриаршей церковью и был принят «в сущем сане» [База данных ПСТГУ].

К зачитанному на Земском соборе письму Харбинского епархиального совета были приложены копии директив обновленческих церковных властей. Как сообщалось авторами письма, они были получены «из Красноярска священником Михаилом Топорковым».

Первый документ, адресованный «благочинному Красноярских церквей» (Приложение 2), содержал требование размножить и разослать во все приходы Красноярской епархии для оглашения в первый же воскресный день распоряжений новой церковной власти. Эти распоряжения предвещали призыв к верующим осудить патриарха Тихона и все верное ему духовенство. Пастве сообщалось о формировании обновленческого «Временного Всероссийского Церковного Управления», а также для губерний Сибири — Сибирского церковного управления с резиденцией в Томске. Местным церковным властям предписывалось создавать из духовенства и мирян уездные структуры и губернские церковные управления. Кроме того, они должны были «вести обязательную проповедь по моменту» и действовать в контакте с гражданскими властями, «которые инструктированы в смысле оказания содействия Церковному перевороту в Сибири и благожелательному отношению к прогрессивному духовенству».

Второй циркуляр состоял из двух постановлений (Приложение 3). Одно извещало о составе обновленческого Томского Временного Церковного Управления, начавшего свою деятельность 3 июня 1922 г., и призывало духовенство и мирян к полной аполитичности в делах Церкви, подчинению распоряжениям Томского церковного управления, «благожелательному отношению к Всероссийскому церковному перевороту». Ближайшими задачами объявлялись перевыборы благочинных и Приходских советов, в которые должны быть избраны «прогрессивные элементы», и созыв обновленческого Томского поместного собора. Духовенству и мирянам предписывалось совместно с новой властью «устраивать собрания, посвященные важному моменту», и принимать меры «к свободному изъятию церковных ценностей на помощь голодающим, оставляя в храмах самые необходимые предметы культа». Другим важным пунктом документа были распоряжения о новых формулах поминовения властей на ектениях, с уточнением, что произносится они могут по выбору — на русском или на славянском (т. е. на церковнославянском) языках.

После оглашения на Земском Соборе обновленческих директив слово для выступления взял председатель Собора Н. И. Миролюбов (Приложение 4). Профессор-юрист, хорошо знавший как светское, так и церковное право, он объявил, что происходящая в России реформа Церкви «является полным нарушением и извращением канонических правил и возмутительным вмешательством власти в дела Церкви». В связи с этим Н. И. Миролюбов призвал Земсобор выразить протест против действий советской власти и обратиться к патриархам Константинопольскому, Антиохийскому и Александрийскому с просьбой «обсудить и осудить указанную реформу» и выступить против насилий над патриархом Тихоном. Он также предложил, учитывая пожелания дальневосточных архиереев, вынести постановление о созыве в Приморье церковного поместного собора. Все предложения председателя были приняты единогласно.

Обращения Земского собора к главам поместных церквей и мировому сообществу против антицерковной политики советской власти

В результате дальнейшего обсуждения текста посланий к главам поместных церквей, таких обращений к православным иерархам за подписью председателя Земского собора было составлено не три, как предлагалось сначала, а десять. Они были адресованы: патриархам Константинопольскому, Антиохийскому, Александрийскому, Иерусалимскому и Сербскому, митрополитам Афинскому, Софийскому и Румынскому, архиепископу Кипрскому и председателю Высшего церковного управления за границей митрополиту Антонию (Храповицкому). Все адресаты призывались «возвысить свой авторитетный голос против глумления и насилия над Русской Православной Церковью и против самочинного неканонического переустройства ее церковного управления» (Приложение 5).

Далее на Земском соборе были зачитаны еще два послания в защиту российских церковных ценностей, адресованные епископу Кентерберийскому и президенту Северо-Американских Соединенных Штатов (Приложение 6). Написаны они были архиепископом Харбинским Мефодием (Герасимовым).

Послание на имя епископа Кентерберийского заканчивалось следующими словами: «Православное население города Харбина и всей Маньчжурской Епархии во главе со своим Епископом преклоняясь перед безпримерной жертвой английского верующего народа, приносимой для спасения священных ценностей Православной Русской Церкви и принимая это как бы благим предзнаменованием будущего единения православной и англиканской церквей, изъявляет Вашему Высокопреосвященству и всему верующему англиканскому народу чувства безграничной благодарности, одушевляясь надеждой, что верующий англиканский народ объединится с русским православным народом в одной общей братской молитве о спасении нашей страждущей Родины, и в общей борьбе с врагами веры и Церкви Христовой».

В обращении, адресованном американскому президенту, архиерей, называя его первым инициатором протеста «против насилий кровавой тиранической власти над несчастным, поработанным ею народом», просил «передать американскому народу чувства своей безграничной благодарности за его благородное решение стать на защиту справедливости и гуманности и придти на помощь нашей несчастной Родине в годину небывалых еще в ее истории бедствий. «Верим и надеемся, — говорилось в послании, — что американский народ придет на помощь и в дальнейшем страждущему народу поможет нравственно и материально не только пережить поразившие его грозные стихийные бедствия, но и подаст руку помощи, когда наступит для того момент, всем верным сынам Великой нашей Родины Русской земли в борьбе за освобождение своего народа от кровавой власти тиранов».

Земский собор единогласно поддержал оба документа и постановил «приобщить к сему обращению и свой голос Приамурской Русской Земли, собравшейся на Земский Собор» (Приложение 7).

Следует отметить, что архиепископ Мефодий предложил Земскому собору не два, а три послания. Самое первое, адресованное папе Римскому (на тот момент им был Пий XI, основатель Ватикана в 1929 г.), Собор рассматривать не стал, его вариант из докумен-

тов Земсобора вычеркнут и в протокол заседания не вошел. Можно предположить, что на это решение повлияло тогда мнение председателя Земского собора, человека не только богословски образованного, но и строгого консерватора в вопросах веры. В отличие от него архиепископ Мефодий, также учившийся в Казанской духовной академии, но уволившийся из нее по собственному прошению со званием «действительного студента», имел более свободные взгляды на отношения с представителями других верований. В глубине души он был либералом, что в ближайший год отразилось на его кадровой политике по отношению к подчиненному духовенству Харбинской епархии.

Что касается посланий архиепископа Мефодия в Англию и Америку, то здесь ситуация была иной. В 1922 г. гонения на Церковь в России — процессы над священнослужителями и мирянами, аресты, ссылки, расстрелы, особенно усилившиеся в период изъятия церковных ценностей, — не могли не вызвать реакции мирового сообщества. Первым выразителем общественного мнения Европы в ответ на эти события стал архиепископ Кентерберийский Рэндалл Томас Дэвидсон.

25 мая 1922 г. он выступил в британской палате лордов с заявлением о том, что 11 мая им было получено письмо от русского митрополита Евлогия (Георгиевского) с известием об аресте патриарха Тихона, обвиненного в отказе отдать властям на разграбление церковное имущество, включая священные предметы для совершения богослужений. Архиепископ огласил призыв митрополита Евлогия выразить протест против такого насилия над главой Русской церкви и оказать воздействие на большевиков, «чтобы по мере возможности облегчить незаслуженные испытания патриарха Тихона» [Черная книга..., 1925: 65]. Палата лордов немедленно откликнулась на просьбу митрополита Евлогия, что вызвало возмущение советского правительства, передавшего через советского полпреда в Великобритании Л. Б. Красина соответствующее послание.

В ответ Красину через секретаря архиепископа Кентерберийского поступило сообщение о том, что глава англикан «не может взять обратно ни одного из заявлений, сделанных им 25 мая в палате лордов, — заявлений, основанных на совершенно достоверных сведениях из России. «Сведения, имеющиеся в распоряжении архиепископа, — говорилось в документе, — подчеркивают тот факт, что Патриарх Русской Церкви неоднократно предлагал помощь Церкви в деле помощи голодающим, и что предложения всякий раз отклонялись советским правительством». Ввиду официальных опровержений советского правительства архиепископ Кентерберийский просил о разрешении въезда в Россию «небольшой группе представителей различных церквей в Англии <...> для обследования положения на месте, дабы избежать недоразумений в будущем» [Черная книга..., 1925: 65].

Просьба была отклонена, в связи с чем архиепископ Кентерберийский выступил с меморандумом, датированным 10 июля 1922 г. В нем, в частности, говорилось, что «архиепископ глубоко сожалеет об отказе Советского Правительства дать возможность получить желаемые сведения. Много лиц Великобритании стремятся к образованию дружеских взаимоотношений между Русским народом вообще с народами стран, говорящими на английском языке; письма, получаемые Архиепископом из Америки, тоже говорят о наличии такого движения. Настоящее действие Советского Правительства, если не воспрепятствует, то во всяком случае замедлит осуществление этой надежды. Если окажется, что сообщение, опубликованное в течение последних нескольких дней,

о вынесении смертных приговоров представителям духовенства в России имеет под собой основание, то результатом этого будет негодование и ужас цивилизованных народов всех стран» [Черная книга..., 1925: 67].

Однако эта реакция мирового общественного мнения никак не сказалась на положении дел в России. К тому же Англия, не утратившая династических связей с российской императорской фамилией (король Великобритании Георг V являлся кузеном императора Николая II), воспринималась большевистской властью в качестве классового антагониста, по крайней мере в лице консервативного архиепископа Кентерберийского, каковым был Рэндалл Томас Дэвидсон.

В таком же положении был другой адресат посланий архиепископа Харбинского Мефодия и Приамурского земского собора — президент Северо-Американских Соединенных Штатов Уоррен Гамалиел Гардинг, решительный противник признания Советской России. Тем не менее, несмотря на такую позицию президента, в 1921–1923 гг. больше половины американского экспорта в Россию составляла благотворительная помощь. Голод в Поволжье послужил поводом для обращения большевиков к Американской администрации, в ответ на которое 6 декабря 1921 г. президент Гардинг выступил в Конгрессе США со следующим заявлением:

«Америка не может оставаться глухой к такому обращению. Мы не признаём правительства России и не потерпим пропаганды, исходящей отсюда, но мы не забываем традиций русской дружбы. Мы можем забыть на время все наши внешнеполитические соображения и фундаментальные расхождения в формах правления. Главным является призыв страждущих и гибнущих» [Иванян, 2004: 374–375].

Заключение

В документах Земского собора, завершившего свою работу 10 августа 1922 г., все обращения к главам поместных церквей, а также к архиепископу Кентерберийскому и президенту США, датированы 5 сентября того же года. Поскольку документы пронумерованы, на них присутствуют подписи и печать Земсобора, можно предположить, что здесь имела место ошибка составителя документов, секретаря или делопроизводителя, готовившего обращения по единому шаблону (такой шаблон посланий в документах присутствует). Конкретных имен адресатов на всех этих обращениях также нет, только титулы. Но, с другой стороны, возможно, документы были составлены, действительно, позже, уже после окончания работы Земского собора, когда шла подготовка поездки делегации Земсобора в Европу с целью переговоров с представителем Дома Романовых по вопросу о власти в Приморье и о восстановлении в России монархического правления.

Таким образом, в последние месяцы Гражданской войны от имени проходившего на Дальнем Востоке Земского собора были подготовлены важные документы, осуждавшие обновленческое движение в России и разграбление церковных ценностей. Приамурский земский собор призвал глав православных церквей и мировое сообщество осудить незаконные действия советской власти против канонической Русской православной церкви и защитить ее предстоятеля, патриарха Тихона, от насилий над ним.

Однако в указанный период возможность переправки таких документов с Дальнего Востока за границу, в Европу и Америку, была крайне затруднена, прежде всего по причи-

не нарастания военных действий и отступления Земской рати. 25 октября 1922 г. под напором превосходящих сил Красной армии Приамурский земский край прекратил свое существование. После последней, самой большой волны русского дальневосточного исхода дальнейшие события, имевшие отношение к борьбе с обновленчеством, происходили уже за пределами России, главным образом на страницах эмигрантских газет.

Несмотря на сложившуюся обстановку, Земский собор во Владивостоке внес существенную лепту в дело противостояния гонениям на православную церковь в России. Представленные в данной публикации материалы, связанные с обсуждением на Собо-ре обновленческого переворота и кампании по изъятию церковных ценностей, характеризуют общую тенденцию неприятия обновленчества как на родине, так и за границей в среде русской православной эмиграции.

Документы, выявленные в разных архивах, взаимно друг друга дополняют и в со-вокупности представляют для исследователей большую научную ценность, открыва-ют возможность их дальнейшего использования для новых изысканий. Стилевые осо-бенности документов сохранены, орфография приведена в соответствие современ-ным нормам русского языка. Каждый документ пронумерован, имеет заголовок и дату.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России. Позднейшие до-кументы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти 1917–1943: Сб. в 2 ч. М. : Православный Свято-Тихоновский богословский институт (ПСТБИ): Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. 1063 с.

Артемов Н., прот. Постановление № 362 от 7/20 ноября 1920 г. и закрытие зарубеж-ного ВВЦУ в мае 1922 г. Историческое и каноническое значение // История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933) : материалы конференции. Мюнхен : изд. Обители Преп. Иова Почаевского, 2002. С. 93–212.

Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. : в 2 кн. Новосибирск : Сибир-ский хронограф; М. : РОССПЭН, 1997–1998. Кн. 1. 597 с.

Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг. : на материалах Харбинской епархии. М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. 391 с.

Васильева Н. Ю., Дмитриенко Н. М., Исаков С. А., Косик О. В. Виктор (Богоявлен-ский), архиепископ. Православная энциклопедия. М. : ЦНЦ «Православная энцикло-педия», 2004. Т. 8. С. 433–436.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5194. Оп. 1. Д. 3.
ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 233.

Горбатов А. В. Судебные процессы по делам о противодействии изъятию церков-ных ценностей в Западной Сибири (1922–1923 гг.) // Новейшая история России. 2023. Т. 13, № 4. С. 940–955.

Горбатов А. В., Дашковский П. К. Изъятие церковных ценностей органами советской власти в Западной Сибири: итоги и последствия // Религиоведение. 2023. № 2. С. 47–58.

Данилов Ю. Н. Великий князь Николай Николаевич. М. : Вече, 2007. 429 с.

Двуглавый Орел. Берлин, 1921. № 17.

Земский Край. Владивосток, 1922.

Зими́на Н. П. Николай (Ипатов), епископ // Православная энциклопедия. М. : ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2018. Т. 50. С. 328–331.

Иванян Э. А. История США: пособие для вузов. М. : Дрофа, 2004. 571 с.

Ляхов Д. А. Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока: попытка консолидации антибольшевистских сил Приморья // Россия и АТР. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2007. № 4. С. 54–58.

Николай (Покровский Николай Владимирович; 1851–1933), архиепископ // База данных «За Христа пострадавшие. Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. URL: <http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/koi/nm/?TYZCF2JMTdG6XbuBe8eieu0d60WDfefUfe9VeeWd66qceuefc8YUUEiUd8WgeC0iceXb8E> (дата обращения: 15.10. 2021).

Последние бои на Дальнем Востоке. М. : Центрополиграф, 2005. 816 с.

Русская военная эмиграция 20–40-х годов: документы и материалы. 1923 г. М. : Триада-Х, 2001. Т. 2. 483 с.

Свет. Харбин, 1922.

Сумароков Е. Н. XX лет Харбинской епархии (1922–1942). Харбин, 1942. 120 с.

Уссурийское слово. Никольск-Уссурийский, 1922.

Хартлинг К. Н. На страже Родины: События во Владивостоке, конец 1919 — начало 1920 гг. Шанхай : Т. С. Филимонова, 1935. 159 с.

Цветков В. Ж. Белое дело в России, 1917–1918: Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М. : Посев, 2008. 519 с.

Церковные ведомости. Сремски Карловци, 1922.

Черная книга («Штурм небес»): Сборник документ. данных, характеризующих борьбу советской коммунистической власти против всякой религии, против всех исповеданий и церквей. Париж : Изд. Русского национального студенческого объединения, 1925. 294 с.

Шкаровский М. В. Российская Православная Миссия в Корее, 1917–1955 гг. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2010. С. 352–360.

Nikander I. Miroljubov papers, Box 1, Folder title, Hoover Institution Library & Archives.

Azarova S. N. The Far Eastern Church District as an Alternative to the Supreme Church Administration Abroad (On the Closing Down of This Administration in 1922) // Rocor studies — Historical Studies of the Russian Church Abroad. URL: <https://www.rocorstudies.org/2022/02/02/the-far-eastern-church-district-as-an-alternative-to-the-supreme-church-administration-abroad-on-the-closing-down-of-the-all-russian-church-administration-in-1922/> (in English).

REFERENCES

Akty Svyateishego Tikhona, Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi. Pozdneishie dokumenty i perepiska o kanonicheskom preemstve vysshei tserkovnoi vlasti 1917–1943 [Acts of His Holiness Patriarch Tikhon of Moscow and All Russia]. Moscow: PSTBI Publ., Bratstvo vo imya Vsemilostivogo Spasa Publ., 2014, 1063 p. (in Russian).

Artemov N., prot. Postanovlenie № 362 ot 7/20 noyabrya 1920 g. i zakrytie zarubezhnogo VVTsU v mae 1922 g. Istoricheskoe i kanonicheskoe znachenie [Decree No. 362 of November

7/20, 1920, and the Closing Down of the Supreme Church Administration Abroad in May 1922] *Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v XX veke (1917–1933). Materialy konferentsii* [History of the Russian Orthodox Church in the 20th century (1917–1933). Proc. of the conference]. Munich: Izdatel'stvo Obiteli Prepodobnogo Iova Pochaevskogo Publ., 2002, pp. 93–212 (in Russian).

Arkhivy Kremlya: Politbyuro i Tserkov'. 1922–1925 gg. [Kremlin Archives: Politburo and Church. 1922–1925]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf Publ., Moscow: ROSSPEN Publ., 1997–1998, book 1, 597 p. (in Russian).

Bakonina S. N. *Tserkovnaya zhizn' russkoi eh migratsii na Dal'nem Vostoke v 1920–1931 gg.* [The Church Life of the Russian Diaspora in the Far East, 1920–1931]. Moscow: PSTGU Publ., 2014, 391 p. (in Russian).

Vasil'eva N. Yu., Dmitrienko N. M., Isakov S. A., Kosik O. V. Viktor (Bogoyavlenskii), arkhiepiskop [Victor (Bogoyavlensky), Archbishop], *Pravoslavnaya Ehntsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Pravoslavnaya Ehntsiklopediya Publ., 2004, vol. 8, pp. 433–436 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State archive of the Russian Federation]. Fund P-5194. Inventory 1. File 3 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State archive of the Russian Federation]. Fund P-5194. Inventory 1. File 233 (in Russian).

Gorbatov A. V. *Sudebnye protsessy po delam o protivodeistvii iz'yatiyu tserkovnykh tsennostei v Zapadnoi Sibiri (1922–1923 gg.)* [Trials for Countering the Seizure of Church Valuables in Western Siberia (1922–1923)], *Noveishaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia], 2023, vol. 13, no. 4, pp. 940–955. (in Russian).

Gorbatov A. V., Dashkovskii P. K. *Iz'yatie tserkovnykh tsennostei organami sovetskoii vlasti v Zapadnoi Sibiri: itogi i posledstviya* [Seizure of Church Treasures by the Soviet Authorities in Western Siberia: Results and Consequences], *Religiovedenie* [Study of Religion], 2023, no. 2, pp. 47–58. (in Russian).

Danilov Yu. N. *Velikii knyaz' Nikolai Nikolaevich* [Grand Duke Nikolai Nikolaevich]. Moscow: Veche Publ., 2007, 429 p. (in Russian).

Dvuglavyi Orel [Dvuglavyi Orel]. Berlin: Dvuglavyi Orel Publ., 1921, no. 17 (in Russian). *Zemskii Krai* [Zemsky Kray]. Vladivostok, 1922 (in Russian).

Zimina N. P. Nikolay (Ipatov), yepiskop [Nicholas (Ipatov), Bishop]. *Pravoslavnaya Ehntsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Pravoslavnaya Ehntsiklopediya Publ., 2018, vol. 50, pp. 328–331 (in Russian).

Ivanyan Eh. A. *Istoriya SSHA: Posobie dlya VUZov* [US History: A Handbook for Universities]. Moscow: Drofa Publ., 2004, 571 p. (in Russian).

Lyakhov D. A. *S'ezd nesotsialisticheskikh organizatsii Dal'nego Vostoka: popytka konsolidatsii antibol'shevistskikh sil Primor'ya* [The Congress of Non-Socialist Organizations in the Far East: an Attempt of Anti-Bolshevik Forces to consolidation in Primor'e]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific]. Vladivostok: IIAEH DVO RAN [IHAE FEB RAS], 2007, no. 4, pp. 54–58 (in Russian).

Nikolay (Pokrovskiy Nikolay Vladimirovich; 1851–1933), arkhiepiskop [Nikolai (Pokrovsky Nikolay Vladimirovich; 1851–1933), Archbishop]. *Baza dannykh za Khrista*

postradavshie. Novomucheniki, ispovedniki, za Khrista postradavshie v gody gononii na Russkuyu Pravoslavnuyu Tserkov' v XX v. [Database of victims for Christ. New martyrs, confessors, who suffered for Christ during the years of persecution of the Russian Orthodox Church in the 20th century]. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/koi/nm/?TYZCF2JMTdG6XbuBe8eieu0d60WDfefUfe9VeeWd66qceeufc8YUUEiUd8WgeC0iceXb8E* (accessed October 10, 2021) (in Russian).

Poslednie boi na Dal'nem Vostoke [The last battle in the Far East]. Moscow: Tsentropoligraf Publ., 2005, 816 p. (in Russian).

Russkaya voennaya eh migratsiya 20–40-kh godov: Dokumenty i materialy [Russian military emigration of the 20–40s: Documents and materials]. Moscow: Triad-X Publ., 2001, vol. 2, 483 p. (in Russian).

Svet [Svet]. Harbin, 1922 (in Russian).

Sumarokov E. N. *XX let Kharbinskoi eparkhii (1922–1942)* [The Diocese of Harbin After 20 Years, 1922–1942]. Harbin, 1942. 120 p. (in Russian).

Ussuriiskoe slovo [Ussuriiskoe slovo], Nikolsk-Ussuriysk, 1922 (in Russian).

Khartling K. N. *Na strazhe Rodiny: Sobytiya vo Vladivostoke, konets 1919 — nachalo 1920 gg.* [Guarding the Motherland: Events in Vladivostok, late 1919 — early 1920]. Shanghai: T. S. Filimonova Publ., 1935, 159 p. (in Russian).

Tsvetkov V. Zh. *Beloe delo v Rossii, 1917–1918: Formirovanie i ehvolyutsiya politicheskikh struktur Belogo dvizheniya v Rossii* [The White Cause in Russia, 1917–1918: Formation and evolution of the political structures of the White movement in Russia]. Moscow: Posev Publ., 2008, 519 p. (in Russian).

Tserkovnye vedomosti [Church Bulletin]. Sremski Karlovcy, 1922, no. 12–13 (in Russian).

Chernaya kniga: (“Shturm nebes”) [Black Book: (“Storm of Heaven”). Paris: Izdanie Russkogo Natsional'nogo Studencheskogo ob'edineniya Publ., 1925, 294 p. (in Russian).

Shkarovskii M. V. *Rossiiskaya Pravoslavnaya Missiya v Koree, 1917–1955 gg.* [Russian Orthodox Mission in Korea, 1917–1955]. *XXI Ezhegodnaya Bogoslovskaya konferentsiya PSTGU* [XXI Annual Theological Conference of PSTGU]. Moscow: PSTGU Publ., 2010, pp. 352–360 (in Russian).

Nikander I. *Miroliubov papers, Box 1, Folder title, Hoover Institution Library & Archives.* (in Russian).

Azarova S. N. *The Far Eastern Church District as an Alternative to the Supreme Church Administration Abroad (On the Closing Down of This Administration in 1922).* *Rocor studies — Historical Studies of the Russian Church Abroad.* URL: <https://www.rocorstudies.org/2022/02/02/the-far-eastern-church-district-as-an-alternative-to-the-supreme-church-administration-abroad-on-the-closing-down-of-the-all-russian-church-administration-in-1922/> (in English).

Приложение 1

Письмо Харбинского епархиального совета
на имя председателя Земского собора Н.И. Миролюбова
от 28 июля 1922 г.

Копия

Харбинский
Епархиальный Совет
28 июля 1922 г.
№ 169.
город Харбин.

Г. Председателю Земского Собора
Никандру Ивановичу МИРОЛЮБОВУ

Харбинский Епархиальный Совет препровождает Вам для оглашения на Земском Соборе копию документов, полученных из Красноярска священником о. Михаилом Топорковым.

Дополнительно получены сведения об аресте и заключении в тюрьму следующих Архипастырей: Томского Епископа Виктора, Златоустовского Епископа Николая и Тюменского¹ Епископа.

Председатель Совета /подпись/
За Члена-Секретаря /подпись/
Делопроизводитель /подпись/
(ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Л. 287. Машинописная копия).

Приложение 2

Распоряжение
обновленческого Сибирского церковного управления
благочинному Красноярских церквей
от 14 июня 1922 г.

БЛАГОЧИННОМУ КРАСНОЯРСКИХ ЦЕРКВЕЙ

К № 169

Размножить и разослать во все приходы Красноярской Епархии для оглашения в первый же Воскресный день это самоустроение и прилагаемое воззвание.

Призвать верующих к осуждению действий Патриарха ТИХОНа и всего духовенства, за деяния, указанные в этих приложениях.

Огласить о сформировании Временного Всероссийского Церковного Управления и для губерний Сибири — Сибирского Церковного Управления с резиденцией в г. Томске.

¹ Так в тексте.

Призвать к сформированию, согласно телеграммы Сибцеркви, уездных и губернского Церковного Управления из духовенства и мирян, стоящих на канонических точках зрения без присвоения Благодатной Власти, которая должна принадлежать Епископам.

Вести обязательную проповедь по моменту.

Действовать в контакте с властями, которые инструктированы в смысле оказания содействия Церковному перевороту в Сибири и благожелательному отношению к прогрессивному духовенству.

1922 года, июня 14 дня.

Председатель Сибцеркви /подпись/

Управляющий делами /подпись/

(ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Л. 287–288. Машинописная копия).

Приложение 3

Циркуляры
обновленческого Томского церковного управления,
июнь 1922 г.

№ 5

ЦИРКУЛЯРНО

Москва. Временному Всероссийскому Церковному Управлению.

Ново-Николаевск, Бийск, Барнаул, Кузнецк, Камень, Славгород, Каинск, Нарым, Мариинск, Тайга, Щегловск, Калывань, Всем Епископам, последним разослать всем Благочинным и Причтам Томской Епархии во все города и селения Томской, Алтайской, Ново-Николаевской губерний, копии Сибревкому Алтайскому, Ново-Николаевскому Губисполкомам. Всем Уездполкомам, срочной рассылки Волисполкомам, сельсоветам, помещения в газетах к широкому распространению.

Первым постановлением духовенства и мирян в половине июня учреждено Томское Временное Церковное Управление в составе — Председателя священника БЛИНОВА, Членов — Секретаря мирянина ТАЛОЙСКОГО, заместителя Председателя священника УДИНЦЕВА, заместителя Секретаря священника АВДЕЕНКОВА и мирянина СОЛОДИЛИНА. 3 июня Новое Церковное Управление вступило в Управление Томской Епархией, включающей Томскую, Ново-Николаевскую и Алтайскую губернии.

Во исполнение единогласной воли духовенства и мирян, Томское Управление стоит на позиции, принятой Всероссийским Временным Церковным Управлением, оглашенной в воззваниях Известиях ВЦИК 14 мая и приглашает духовенство и мирян, совместно с Властью, следуя этому воззванию, полной аполитичности в делах Церкви. Духовенство призывается к полному подчинению распоряжениям Томского Церковного Управления, призывает к благожелательному отношению ко Всероссийскому Церковному перевороту. Ввиду полного благожелания Высшей и местной властей призывается устанавливать контакт, охранять на местах каноническое положение церкви от всяких покушений и провокаторов. Ближайшими задачами являются перевыборы Благо-

чинных, Приходских Советов из прогрессивного элемента и созыв Томского Поместного Собора. Духовенство и миряне совместно в Власть приглашаются устраивать собрания, посвященные важному моменту, и принять все меры к свободному изъятию церковных ценностей на помощь голодающим, оставляя в Храмах самые необходимые предметы культа.

Второе постановление. Вместо установленных Патриархом прежних формул возгласения на эктиниях, произносить следующие прошения (по выбору на русском и славянском языках). На мирной эктинии: О Богохранимой Стране Российской и о Правительстве ея Господу помолимся. На сугубой: Еще молимся о Богохранимой стране Российской и о Правительстве ея Господу помолимся. Временное Церковное Управление поминается: О Всероссийском временном Церковном Управлении, честном Епископстве, Пресвитерстве и во Христе диаконстве, о всем причте и людях и т. д. На Великом выходе: Богохранимую страну Российскую и Правительстве ея да помянет... Всероссийское Временное Церковное Управление, честное Епископство, Пресвитерство и во Христе диаконство да помянет.... Создателей, Благотворителей и Украсителей Храма сего и Вас, всех Православных Христиан и т. д. во всех случаях. Духовенство приглашается к проповедничеству живым словом разъяснять Евангелие и проводить строгую дисциплину. Томское Врем[енное] Церк[овное] Управл[ение]. Председ[атель] БЛИНОВ, Секретарь Таловский.

Обязательно для всех сибцерквей, принято сибцерковью, подпись председателя и секретаря.

(ГАРФ. Ф. Р-5194. Оп. 1. Л. 288–289. Машинописная копия).

Приложение 4

Выступление председателя Земского собора Н. И. Миролюбова
по поводу обновленческого переворота в России

(Из стенограммы заседания Приамурского Земского собора 3 августа 1922 г.)

Позвольте заявить мне не только как от лица, получившего высшее образование, но также и от лица, получившего высшее академическое богословское образование, следующее: подобная реформа является радикальным нарушением канонического строя Православной Церкви. Никогда ещё не бывало, чтобы так рука нечестивца посягала на канонический строй Православной Церкви. Ведь то, что заявлялось выше, — есть полное извращение канонического строя Православной Церкви. Когда во главе Управления поставлен священник, и ему, как главе, должны быть подчинены Епископы, — это есть коренное извращение канонических правил. После того заявления, в котором советская власть во всеулышание заявила о полном отделении Церкви от государства, она таким посягательством нарушает коренным образом свой выпущенный декрет. Это полное извращение указанного декрета. Это вещь недопустимая. Это есть полное

вмешательство советской власти в дела церковные. Ввиду такой канонической реформы нашей Православной Церкви, мы, православные, должны все единодушно протестовать против такого явного посягательства на основы её. И с нашей стороны самым практическим и самым радикальным будет обращение к Патриархам Православной Церкви, чтобы они своим решением, основанным на канонических правилах, указали всю неканоничность церковного бунта в советской России.

Я предлагаю Собору обратиться с посланием к патриархам Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому [следующего содержания]: / читает/.

Кроме того, я предлагаю Собору созвать, согласно словесного заявления Епископа Мефодия, здесь, на Дальнем Востоке, местный Церковный Собор для решения того же вопроса, а также и для всех других насущных вопросов Православной Церкви.

В связи с этим поступило предложение о выражении протеста по поводу учиненного насилия над Патриархом Тихоном, и я предлагаю Собору выступить с таким протестом: /читает/.

Согласны с такого рода предложениями? и с такого рода обращениями? /с мест: «Единогласно, единогласно»/.

(ГАРФ. Ф. Р-5194. Л. 341–342. Машинопись. Стенограмма с правкой).

Приложение 5

Обращение Земского собора к патриарху Сербскому
[5 сентября 1922 г.]

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ПРИАМУРСКОГО
ЗЕМСКОГО СОБОРА

Сентября 5 дня 1922 г.
№ 203

г. Владивосток
Телефон № 7–32

Его Святейшеству
Патриарху Сербскому

Приамурский Земский Собор, собравшийся в гор. Владивостоке, 23-го июля сего 1922 года, в числе около 300 человек и имея среди последних 3-х православных епископов: Архиепископа Харбинского и Маньчжурского МЕФОДИЯ, епископа Владивостокского и Приморского МИХАИЛА и епископа Камчатского и Петропавловского НЕСТОРА, счел своим долгом войти, между прочим, в суждение о насилиях, чинимых советскою властью над Православною Церковию и её служителями и о предпринятой насильниками реформе церковного управления в России.

Заявив свой горячий протест против насилий советской власти, направленных на служителей Церкви и в том числе на Святейшего Патриарха Тихона, ныне устранившегося и заточенного, Приамурский Земский Собор коснулся и вопроса о произведенной под давлением той же советской власти, некоторыми отщепенцами из епископов, клириков и мирян, реформе церковного управления в России.

Вместо устранившегося и заточенного Святейшего Патриарха Тихона, эти отщепенцы самочинно создали Временное Всероссийское Управление из бунтующих епископов, клириков и мирян, и во главе этого Управления стоит епископ Антонин, человек психически больной.

По примеру этого Всероссийского церковного управления и в Сибири создано Временное Церковное управление в г. Томске, из клириков и мирян, под председательством священника Блинова: этому управлению подчинены и епархиальные архиереи.

Признавая такую реформу Церковного управления в России совершенною самочинно и противною канонам Православной Вселенской Церкви, Приамурский Земский Собор и постановил обратиться к Вам, Ваше Святейшество, с настоящим посланием и просить Вас возвысить свой авторитетный голос против такого глумления и насилия над Русской Православной Церковью и против самочинного неканонического переустройства ее церковного управления.

Председатель Земского
Собора проф. Н. Миролюбов

Секретарь Земского
Собора П. Унтербергер

(Nikander I. Miroljubov papers, Box 1, Folder title, Hoover Institution Library & Archives.

Машинопись на бланке Председателя Приамурского земского собора. Оригинал с подписями и печатью Земского собора. Всего таких посланий с текстом по единому образцу было составлено десять: митрополиту Румынскому (№ 198), митрополиту Софийскому (№ 199), архиепископу Кипрскому (№ 200), митрополиту Афинскому (№ 201), патриарху Константинопольскому (№ 202), патриарху Сербскому (№ 203), патриарху Антиохийскому (№ 204), патриарху Александрийскому (№ 205), патриарху Иерусалимскому (№ 206), Председателю Высшего церковного управления за границей митрополиту Антонию Храповицкому (№ 207, заверенная копия на том же бланке, с печатью Земского собора).

Приложение 6

Обращения
архиепископа Харбинского и Маньчжурского
Мефодия (Герасимова)
к представителям мирового сообщества
(из стенограммы заседания Приамурского земского собора
3 августа 1922 г.)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ СЕКРЕТАРЯ, ЧЛЕН ЗЕМСКОГО СОБОРА С. П. РУДНЕВ докладывает Земскому Собору, что епископ Харбинский Мефодий обратился со следующими посланиями по поводу насилий над Патриархом Тихоном [зачёркнуто: к Римскому Папе], к епископу Кентерберийскому и к Президенту Северо-Американских Соединенных Штатов:

1/ [текст послания к Папе Римскому перечеркнут]

Его Блаженству Папе Римскому —

Ваше Блаженство вняли воплям несчастного русского народа, доведенного безумным правлением кровавой советской власти до полного обнищания и вымирания, и одушевляемые Христовой любовью пришли на помощь щедрой лептой голодающему и вымирающему народу.

Ныне новое тяжкое испытание постигло верующий православный русский народ. Безбожная тираническая власть, нуждаясь в средствах для своего дальнейшего кровавого существования, отняв у церкви все имущественное достояние, простерла свои хищнические руки на самые святыни, которых не должна касаться неосвященная рука, не останавливаясь в своём святотатстве перед кровавым насилием. К невыразимым физическим страданиям верующего русского народа присоединились ещё нравственные страдания, глубоко оскорбленного религиозного чувства. Движимые ревностью по вере Ваше Блаженство возвысили перед всем верующим во Христа миром голос протеста против этого вопиющего беззакония и поругания христианской святыни.

Следуя высокому примеру Вашего Блаженства, возвысили голос протеста лучшие и благороднейшие представители Католической Иерархии, и один из этих мужественных ревнителей веры, Архиепископ Петроградский, разделяет уже участь исповедников Православной Русской Церкви.

Православное население г. Харбина и всей Маньчжурской епархии во главе со своим Епископом, помятуя попечительность Вашего Блаженства, повергает перед Вами чувства безграничной благодарности и просит Ваше Блаженство, а в лице Вашего Блаженства всю Католическую церковь, объединиться с Русским верующим народом в общей молитве о спасении нашей страждущей Родины и в Общей борьбе с врагами веры и Церкви Христовой.

2/ [исправлено на 1)]

Его Преосвященству Архиепископу Кентерберийскому.

Лучшие представители иерархии и верующего англиканского народа уже неоднократно прежде являли самые искренние и глубокие симпатии к Православной Церкви, стремясь к единению с ней. Ныне, в годину грозного испытания Божия, ниспо-

сланного русскому верующему народу, когда безбожная тираническая власть, отняв все имущественные ценности церкви и желая найти средства, чтобы продлить свое дальнейшее кровавое существование, посягнуло на самые святыни, которых не должна касаться неосвященная рука, Англиканская церковь в лице Вашего Высокопреосвященства самым делом засвидетельствовала перед русским православным народом свою духовную близость к Православной Церкви, и искренность своих желаний единения с нею, заявив о своей готовности принести беспримерную по своим колоссальным размерам материальную жертву, чтобы исторгнуть из рук святотатцев священные ценности религиозного почитания Православной Церкви и сохранить их для верующего русского народа.

Православное население города Харбина и всей Маньчжурской епархии во главе со своим Епископом, преклоняясь перед беспримерной жертвой англиканского верующего народа, приносимой для спасения священных ценностей Православной Русской Церкви, и принимая это как бы благим предзнаменованием будущего единения Православной и англиканской церквей, изъявляет Вашему Высокопреосвященству и всему верующему англиканскому народу чувства безграничной благодарности, одушевляясь надеждой, что верующий англиканский народ объединится с русским православным народом в одной общей братской молитве о спасении нашей страждущей Родины и в общей борьбе с врагами веры и Церкви Христовой».

3/ [исправлено на 2)]

Господину Президенту Северо-Американских Соединенных Штатов.

Великий Американский народ, волей Провидения ставший могущественнейшим народом среди всех других народов мира, с внешним величием и могуществом соединивший в себе чувства величайшей гуманности, первый услышал скорбные вопли страдальца — русского народа, стонущего под гнетом кровавой власти тиранов, первый пришёл на помощь обезумевшим от голода несчастным, пожирающим собственных детей, оказанием материальной помощи погибающему от голода и болезней народу, первый возвысил голос протеста против насилия кровавой власти над Высшим Представителем Православной Русской Церкви, Патриархом, и хищнического посягательства на священные предметы религиозного почитания русской церкви. Православное население г. Харбина и всей Харбинской Епархии, во главе со своим Епископом, обращаясь к Вам, Господин Президент, как представителю великого Американского народа и первому инициатору протеста против насилий кровавой тиранической власти над несчастным, поработанным ею народом, просит Вас передать Американскому народу чувства своей безграничной благодарности за его благородное решение стать на защиту справедливости и гуманности и прийти на помощь нашей несчастной Родине в годину небывалых ещё в её истории бедствий. Верим и надеемся, что Американский народ придёт на помощь и в дальнейшем страждущему народу поможет нравственно и материально не только пережить поразившие его грозные стихийные бедствия, но и подаст руку помощи, когда наступит для того момент всем верным сынам Великой нашей Родины Русской земли в борьбе за освобождение своего народа от кровавой власти тиранов. Верим и надеемся, что и Вы, Господин Президент, глава могущественного и гуманнейшего народа, не откажете своим высоким авторитетом поддер-

жать в дальнейшем благожелательные чувства Американского народа к Русскому народу, чтобы в решительный момент придти к нему на помощь.

(ГАРФ. Ф. Р-5194. Л. 289–292. Машинопись. Стенограмма с правкой. Текст послания к папе Римскому в стенограмме перечеркнут и в протокол заседания не вошел)

Приложение 7

Выписка из протокола №9
третьего открытого заседания Приамурского земского собора
3 августа 1922 г.

4

<...> Далее С. П. РУДНЕВ докладывает, что Президиум Земского Собора постановил предложить Собору присоединить свой протест ко всем этим обращениям в следующей редакции:

«Приамурский Земский Собор, собравшийся в городе Владивостоке в числе около 300 человек от всех слоев населения Приамурского Края для избрания возглавляющей Власти Приамурское Государственное образование и решения важнейших вопросов местного государственного строительства и национального русского движения, заслушал в заседании своем от 3 августа 1922 года вышеизложенное обращение члена Приамурского Собора Высокопреосвященного Мефодия, Архиепископа Харбинского и Маньчжурского, с паствой, *постановил*: приобщить к сему обращению и свой голос Приамурской Русской Земли, собравшейся на Земский Собор».

ЗЕМСКИЙ СОБОР единогласно принимает предложение Президиума Собора.

С подлинным верно:

(*Nikander I. Miroljubov papers, Box 1, Folder title, Hoover Institution Library & Archives. Машинописная копия*)

Статья поступила в редакцию: 23.09.2023

Принята к публикации: 15.01.2024

Дата публикации: 31.03.2024

УДК 322

DOI 10.14258/nreur(2024)1–08

В. А. Тулянов*Государственный университет просвещения, Москва (Россия)*

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ГОД ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ КРЕЩЕНИЯ РУСИ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье проанализированы церковно-государственные отношения накануне и во время празднования Тысячелетия крещения Руси в 1988 г. Источниковая база проведенного исследования представлена архивными материалами, хранящимися в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Исследуемый период во взаимоотношениях советского государства и Русской православной церкви (РПЦ) характеризовался постепенной демократизацией положения церкви в стране, что было вызвано рядом причин: активизация деятельности самой церкви, стремящейся найти способы участия в общественно-политической жизни страны; перемены в массовом сознании прихожан, требовавших демократизации положения РПЦ в стране; внешнеполитическая конъюнктура, ставившая перед советским правительством задачу показать западным партнерам соблюдение в стране принципа свободы совести и вероисповедания. Кроме того, очевидно, что свою роль в обозначенных процессах сыграло желание М. С. Горбачева и части партийно-государственной верхушки привлечь церковь к решению кризисных проблем, замедлявших темпы «перестройки». В итоге, празднование Тысячелетия крещения Руси стало не только церковным, но и государственным праздником, что позволило церкви и государству продолжить диалог о «взаимовыгодном сотрудничестве» и отменить ряд норм административного давления на РПЦ. Церковь же, в свою очередь, воспользовавшаяся сложившейся возможностью, приняла новый церковный Устав, самостоятельно урегулировав ряд внутрицерковных вопросов.

Ключевые слова: Тысячелетие крещения Руси, Русская православная церковь, «перестройка», церковно-государственные отношения, Поместный собор 1988 г.

Цитирование статьи:

Тулянов В. А. Русская Православная церковь и Советское государство в год Тысячелетия крещения Руси: проблемы взаимоотношений // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 1. С. 113–125. DOI 10.14258/nreur(2024)1–08.

V. A. Tulyanov

State University of Enlightenment, Moscow (Russia)

SACRED STRUGGLES: THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE SOVIET STATE AMIDST THE MILLENNIUM OF THE BAPTISM OF RUS

This article examines the dynamics of church-state relations leading up to and during the commemoration of the Millennium of the Baptism of Rus in 1988. The research draws upon archival materials housed in the State Archive of the Russian Federation (GA RF) and the Russian State Archive of Modern History (RGANI). The period scrutinized, concerning the interaction between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (ROC), witnessed a gradual shift towards a more democratic stance for the church within the country. This shift was influenced by several factors: the church's own increased activism, its efforts to engage in the socio-political landscape, evolving attitudes among parishioners demanding a more democratic role for the ROC, and external factors such as the Soviet government's need to demonstrate compliance with freedom of conscience and religion to Western partners. Moreover, the desire of Mikhail Gorbachev and a segment of the party-state elite to enlist the church's involvement in addressing crisis situations that were impeding the progress of «perestroika» also played a role in these developments. Consequently, the Millennium celebration evolved into both a religious and public event, facilitating ongoing dialogue between the church and the state aimed at fostering “mutually beneficial cooperation.” This dialogue led to the relaxation of certain regulatory and legal constraints that had previously constrained the ROC. In response, the Church capitalized on this opportunity by adopting a new church Charter and autonomously addressing various internal church matters.

Keywords: The Millennium of the Baptism of Rus, the Russian Orthodox Church, «perestroika», church-state relations, Local Council 1988.

For citation:

Tulyanov V. A. Sacred struggles: the Russian Orthodox Church and the Soviet State amidst the Millennium of the Baptism of Rus. Nations and religions of Eurasia. 2023. Vol. 29, No 1. P. 113–125. DOI 10.14258/nreur(2024)1–08.

Тулянов Владислав Андреевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения, Москва (Россия).
Адрес для контактов: v.tulyanov@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-4377-3623>
Tulyanov Vladislav Andreevich, candidate of historical sciences, associate professor, Department of Russian History, State University of Enlightenment, Moscow (Russia).
Contact address: v.tulyanov@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-4377-3623>

Введение

Горбачевская «перестройка» 1985–1991 гг. в современной исторической науке и общественном дискурсе остается весьма востребованным сюжетом. Уже три десятилетия не утихают бурные дискуссии о целях, методах, причинах неудачи перестройки; проводятся конференции, круглые столы; издаются монографии, научные и публицистические статьи, сборники документов. Тем не менее, несмотря на такую активную вовлеченность представителей как научного сообщества, так и самых широких кругов общественности, приходится констатировать, что осмысление «перестройки» только начинается [Маслов, 2022: 30–31]. Огромное количество научных проблем теоретического, методологического, практического и конкретно-исторического характера до сих пор остаются довольно поверхностно или совсем не изученными. Одной из таких проблем, безусловно, является проблема взаимоотношения Советского государства и Русской православной церкви (РПЦ) накануне и во время празднования Тысячелетия крещения Руси в 1988 г.

Нельзя сказать, что церковно-государственные отношения периода «перестройки» не становились объектом научного изучения. Различным аспектам этой проблемы посвящено значительное количество научных трудов таких авторов, как А. В. Логинов [2005], А. Е. Мусин [2006], М. И. Одинцов [2010], О. В. Лебедева [2011], О. В. Мельниченко [2012а, 2012б], П. К. Дашковский и Н. С. Дворянчикова [2022а; 2022б] и др. Однако особенности и эволюция церковно-государственных отношений накануне и во время празднования Тысячелетия крещения Руси — ставшего не только религиозным, но и государственным торжеством — в научной литературе рассматривались, скорее, как дополнительный или даже побочный сюжет «перестройки» взаимоотношений Советского государства и РПЦ в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Ряд же вопросов оказался нерассмотренным вовсе. К ним, в частности, относятся причины изменения церковно-государственных отношений накануне празднования Тысячелетия крещения Руси, эволюция советского законодательства о религиозных культурах в 1988 г., специфика и география юбилейных торжеств, влияние личной встречи патриарха Пимена с М. С. Горбачевым в 1988 г. на изменение политики государства в отношении РПЦ и т. д. В данной статье предпринята попытка хотя бы частично устранить некоторые из обозначенных пробелов в истории церковно-государственных отношений в СССР накануне и во время празднования Тысячелетия крещения Руси. Статья не претендует на полноту исследования, а лишь обозначает круг проблем, перспективных для дальнейшего изучения.

Источниковая база проведенного исследования в основном представлена архивными материалами, хранящимися в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Среди архивных фондов ГАРФ особый интерес представляли материалы Ф. Р-6991 (Совет по делам религий при Совете Министров СССР 1943–1991 гг.), Ф. А-661 (Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР 1987–1990 гг.), Ф. Р-9563 (Документы Министерства просвещения СССР) и Ф. Р-9661 (Документы Государственного комитета СССР по народному образованию). Наиболее распространенным видом архивных документов по теме исследования оказались записки Совета по делам религий при Со-

вете Министров СССР (СДР СССР), представляющие ежегодные отчеты о состоянии РПЦ: статистические выкладки о доходах и расходах, анализ общественных настроений священнослужителей и мирян, состояние движимого и недвижимого имущества и т. д. Отчеты дополнялись рекомендациями СДР СССР по проведению государственной политики в отношении РПЦ и других религиозных организаций. Анализ этих документов позволил выявить эволюцию отношения советского руководства к РПЦ накануне и во время празднования Тысячелетия крещения Руси, конфликты между СДР СССР и советским правительством по поводу регулирования церковной деятельности в стране, непродуманность всей политики «перестройки» в отношении религиозных организаций, что проявилось, прежде всего, в рекомендациях по улучшению атеистической пропаганды в стране, проводившейся параллельно с переходом от концепции классовых ценностей к концепции ценностей общечеловеческих, не отрицающих религиозных верований.

Архивные документы РГАНИ представлены Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС 1949–1991 гг.), в котором хранятся подборки аналитических записок СДР СССР о состоянии РПЦ в конце 1980-х гг., подготовленные для нужд партийного руководства. Особое внимание в этих записках уделялось отношению верующих к состоянию дел в РПЦ: отмечался рост числа прихожан, их недовольство юридическим беспорядком религиозных организаций, постепенное накопление материальных ресурсов и денежных средств, что должно было привести к росту вовлеченности РПЦ в жизнь страны.

Изменения церковно-государственных отношений накануне празднования Тысячелетия крещения Руси

Реформы горбачевской «перестройки» оказали огромное влияние на все сферы советского общества без исключения. Не обошли они стороной и сферу церковно-государственных отношений. Колоссальные изменения советской политики в отношении РПЦ наиболее ярко проявились в 1988 г. Празднование Тысячелетия крещения Руси проходило столь широко, что его без преувеличения можно назвать, с одной стороны, одним из ярчайших событий последних лет существования СССР, а с другой — событием не только (или даже не столько?) церковным, но и государственным, что само по себе уже весьма примечательно, ведь принципы научного атеизма были неотделимой частью советской государственной идеологии [Дворянчикова, Шершнева, 2018: 311]. Современная историография пока так и не дала исчерпывающего ответа на вопрос о причинах такого значительного изменения советской политики накануне празднования Тысячелетия крещения Руси. На наш взгляд, основными причинами могут быть названы следующие:

Во-первых, активизация деятельности РПЦ. В частности, отчет СДР СССР за 1986 г. отмечал как запрос РПЦ на увеличение своей роли в общественной жизни страны, так и реальные действия церковных иерархов в этом направлении [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 99. Д. 162. Л. 28]. К примеру, в середине 1980-х гг. РПЦ стала принимать активное участие в деятельности таких общественных организаций, как Советский комитет защиты мира, Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры, Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость и т. д. В отчете также отмечалось желание РПЦ пересмотреть сложившуюся практику церковно-государственных отноше-

ний в сторону большей демократизации положения церкви в стране [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 99. Д. 162. Л. 29]. В сущности, именно это и произошло в 1988 г., когда советским правительством было дано разрешение на ввоз из-за рубежа церковной литературы (напомним, что собственной церковной типографии на тот момент в стране не существовало), представители церкви получили доступ в СМИ, а часть ранее принадлежащего РПЦ имущества стала ей возвращаться [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 101. Д. 302. Л. 22].

Во-вторых, перемены в массовом сознании. Аналитика СДР СССР за 1985–1986 гг. неоднократно отмечала рост уровня гражданской активности верующих (требовали пересмотра государственной конфессиональной политики, возвращения РПЦ незаконно отнятого у нее в предыдущие десятилетия имущества, регистрации новых религиозных объединений и т. д.), нередко характеризуя это явление как «религиозный экстремизм» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 99. Д. 162. Л. 26]. Однако подобное отношение к росту гражданской активности верующих со стороны аналитиков СДР СССР не стало препятствием на пути к дальнейшим уступкам РПЦ. Уже на XIX Всесоюзной конференции КПСС (28 июня — 1 июля 1988 г.) лично М. С. Горбачевым был озвучен обновленный курс партии в отношении церкви. Основные тезисы генсека сводились к отказу от административного давления на религиозные организации [Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 1988: 41–42]. Тем не менее, от антирелигиозной пропаганды в стране никто отказываться, по-видимому, не собирался. Хотя новый курс партии и нашел свое отражение в документах Всесоюзного съезда работников народного образования (20–22 декабря 1988 г.), где прозвучал отказ от концепции классовых ценностей и переход к концепции ценностей общечеловеческих [ГА РФ. Ф. Р-9661. Оп. 1. Д. 70. Л. 43].

В-третьих, внешнеполитическая конъюнктура. Нужно отметить, что поначалу члены советского правительства весьма сдержанно высказывались о предстоящем юбилее и вряд ли планировали проведение широкомасштабных празднеств. Незадолго до начала подготовки юбилейных торжеств даже была составлена специальная памятка для преподавателей высшей школы, в которой при проведении лекционных и практических занятий предлагалось учитывать факт преувеличения роли религии и церкви в истории страны со стороны священнослужителей, получивших доступ в СМИ, и предпринять меры по усилению антирелигиозной пропаганды с целью разоблачения мифов, якобы распространяемых представителями РПЦ [ГА РФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 5156. Л. 175].

Это в очередной раз подчеркивает непродуманность и двойственность политики «перестройки» в сфере церковно-государственных отношений: с одной стороны, антирелигиозная пропаганда, с другой — доступ священнослужителей к СМИ и пока только декларируемый переход к концепции общечеловеческих ценностей. Однако вскоре стало ясно, что демократизация положения церкви в стране может дать определенные дивиденды советской внешней политике, где курс на завершение «холодной войны» явно превалировал. Прежде всего речь шла о том, чтобы показать западным партнерам реальные шаги к демократизации в СССР, выразившейся в соблюдении принципа свободы совести и вероисповедания. Именно на этом был сделан акцент в отчете СДР СССР за 1987 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3665. Л. 225]. Ожидания партийно-

государственных структур, как видится, вполне оправдались: заместитель директора ЮНЕСКО А. Лопеш, посетивший Москву во время празднования Тысячелетия крещения Руси, отметил развитие «соблюдения прав человека и свободы совести» в стране [Празднование Русской Православной Церковью 1000-летия Крещения Руси, 1988: 31; Тихомиров, 2023: 669–670].

Изменение советского законодательства о религиозных организациях в конце 1980-х гг.

Одна из наиболее актуальных проблем, существовавших во взаимоотношениях государства и церкви в конце 1980-х гг., находилась в нормативно-правовом поле. В условиях постепенной демократизации положения РПЦ в стране назрела острая необходимость в пересмотре существовавшего законодательства о религиозных организациях. Однако приступить к ее решению профильный орган советского правительства по религиозным вопросам — СДР СССР — смог только в 1988 г., непосредственно перед началом юбилейных торжеств, когда было принято постановление «О приведении в соответствие с действующим законодательством ведомственных нормативных актов» [ГА РФ. Ф. А-661. Оп. 1. Д. 6. Л. 7–8]. Постановление отменяло действия ряда ведомственных нормативных актов, принятых в предыдущие десятилетия, но в связи с изменением положения религиозных организаций в стране не применявшихся. В частности, были отменены законодательно закрепленные за СДР СССР методы административного давления на церковь (регистрация паспортных данных при совершении церковных обрядов, лишение священнослужителей политических и ряда гражданских прав и т. п.). Таким образом, это постановление СДР СССР можно рассматривать как часть обновленного курса партии в отношении РПЦ, озвученного 28 июня 1988 г. М. С. Горбачевым.

Постановление СДР СССР и отмена некоторых ведомственных нормативно-правовых актов оставляли ряд сфер деятельности РПЦ, не регламентированных государством, что создавало уникальную для церкви возможность за все десятилетия контроля со стороны советских властей самостоятельно заниматься устройством церковной жизни и формированием церковноправовой основы своей деятельности. Вскоре РПЦ воспользовалась представленной возможностью и приняла новый церковный Устав.

Постановление СДР СССР запустило целый ряд процессов по изменению существующего в стране законодательства о религиозных организациях, что в итоге привело к принятию в 1990 г. закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» [Тулянов, 2020: 76–77]. Однако основы нового советского законодательства о религиозных организациях были заложены именно в 1988 г., когда произошла отмена нормативно-правовой нормы о принадлежности культового имущества государству [Мельниченко, 2012а: 829], благо прецедент с передачей такого имущества РПЦ в предыдущие годы уже был — еще в 1983 г. церкви был передан московский Данилов монастырь. Отмена этой нормы стала поводом к передаче РПЦ целого ряда храмов и монастырей. Среди наиболее значимых и почитаемых верующими, переданных церкви во время празднования Тысячелетия крещения Руси или сразу после его, стоит назвать Оптину пустынь (Козельск) и часть Киево-Печерской Лавры (Киев).

Последствия от произошедших в законодательстве изменений не заставили себя долго ждать и отразились в первую очередь на количестве зарегистрированных религиозных объединений: в 1985–1987 гг. (т.е. во время действия предыдущей редакции советского законодательства о религиозных организациях) появилось 236 новых религиозных объединений различных конфессий, а в 1988 г. (после принятия новой редакции, отменившей ряд норм административного давления на церковь) — уже более 1000, большая часть из которых были православными [Одинцов, 2010: 44].

К другим значительным последствиям изменения нормативно-правовой базы следует отнести появление запроса на предоставление РПЦ статуса и прав юридического лица (впервые публично этот запрос был озвучен в декабре 1988 г. на круглом столе в Академии общественных наук при ЦК КПСС [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 99. Д. 162. Л. 10] и перемены, произошедшие в описании жизни Церкви на страницах советской прессы (едва ли не впервые в советской периодике появляются материалы о социальных аспектах деятельности РПЦ и, более того, о пользе этой деятельности [Лебедев, 1988: 13; Кузьмина, 1988: 21]).

Встреча патриарха Пимена и М. С. Горбачева

29 апреля 1988 г. состоялось одно из важнейших событий «перестройки» церковно-государственных отношений — встреча патриарха Пимена с М. С. Горбачевым. На встрече, проходившей в Кремле, помимо патриарха, РПЦ представляли постоянные члены Синода: митрополиты Алексей (Ридигер), Ювеналий (Поляков) и Филарет (Денисенко). Основными обсуждаемыми вопросами были дальнейшая демократизация положения РПЦ и участие церкви в общественно-политической жизни страны [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3841. Л. 117].

Встреча патриарха с М. С. Горбачевым иногда в историографии рассматривается как окончательное подтверждение «перестройки» церковно-государственных отношений в СССР и сравнивается со встречей И. В. Сталина с церковными иерархами в 1943 г. [Цыпин, 1997: 263]. С этим утверждением можно согласиться, поскольку встреча патриарха Пимена с М. С. Горбачевым ознаменовала окончательный переход к обновленному курсу партии в отношении церкви, а принятые решения уже не встречали особого сопротивления со стороны советских государственных и партийных структур.

Итогом встречи стало решение в пользу РПЦ таких вопросов как разрешение на открытие новых духовных семинарий и курсов подготовки младших церковных служителей (чтецов, пономарей, псаломщиков и т.д.), восстановление ранее упраздненных епархий и разрешение на открытие новых, создание церковной типографии и церковной газеты, предоставление РПЦ прав юридического лица [Одинцов, 2010: 138–139].

Стоит отметить, что озвученные патриархом и членами Синода вопросы далеко не в первый раз были подняты представителями церкви. Одно из последних обращений РПЦ лично к М. С. Горбачеву и всему партийному руководству состоялось в декабре 1985 г. В своем письме митрополит Алексей (Ридигер), как было сказано выше, присутствовавший на встрече патриарха и генсека в Кремле, предлагал советскому руководству «взаимовыгодное сотрудничество» — в обмен на демократизацию положения церкви в стране РПЦ поддержит политику «перестройки» в других сферах. Митрополит делал особый акцент на возможный вклад РПЦ в патриотическое

и гражданское воспитание и предлагал сосредоточить на этом церковную проповедь и просветительские материалы церковной периодики (правда, для этого еще предстояло создать церковную типографию, что также оговаривалось в письме митрополита Алексия). Помимо этого, в очередной раз звучал призыв допустить священнослужителей в СМИ, дать разрешение на издание церковной газеты и открытие новых духовных семинарий, в общем-то того же самого будет добиваться и патриарх Пимен в 1988 г. [<http://krotov.info/acts/20/1980/19851217.htm>]. Однако ответа со стороны генсека ни в 1985 г., ни в последующие два года так и не последовало. Лишь в 1988 г. после личной встречи патриарха с М. С. Горбачевым просьбы церкви о демократизации ее положения в стране и предложение о «взаимовыгодном сотрудничестве» были услышаны. В чем же специфика 1988 г. и что существенно изменилось в стране в сравнении с 1985 г.?

На самом деле изменилось достаточно много. В первую очередь в силу разных причин нарастали кризисные явления в советской экономике, тормозившие темпы «перестройки». Об этом, в частности, свидетельствуют жалобы советских граждан, массово поступавшие в партийные органы разного уровня в последние годы существования СССР: казнокрадство, взяточничество, злоупотребление служебным положением становились массовым явлением [Никифоров, Сироткин, 2019: 216–218]. А такие события, как Чернобыльская катастрофа и полет М. Руста в Москву, стали настоящими маркерами кризиса всей советской системы. В этой связи патриотическое и гражданское воспитание с участием церкви для решения духовных проблем советского общества могло видиться М. С. Горбачеву и части партийно-государственной верхушки весьма полезным.

Поместный собор 1988 г. и новый церковный Устав

Празднование Тысячелетия крещения Руси началось 5 июня и продолжалось одиннадцать дней по всей стране, хотя самые значимые торжества прошли в Москве, Ленинграде и Киеве в присутствии партийных и государственных деятелей и иностранных гостей. Одновременно с этим в Троице-Сергиевой Лавре с 6 июня проходил Поместный собор РПЦ. Решения, принятые на соборе, являются главным свидетельством того, что церковь была заинтересована в возобновлении социального служения и укреплении своего влияния в общественно-политической жизни страны.

Поместный собор 1988 г. заложил основы современной церковноправовой документации, утвердив новый церковный Устав [<https://drevo-info.ru/articles/17772.html>] взамен отживших церковноправовых норм, принятых в 1940–1960-е гг.

Переходя к анализу нового Устава, стоит сразу обозначить его отличия от предыдущих церковных уставов: все предыдущие церковноправовые нормы принимались под пристальным вниманием государства и партии, новый же Устав РПЦ принимала без оглядки на партийно-государственных служащих, тем самым вставая на путь самостоятельного регулирования жизни внутри Церкви.

Структура Устава состоит из 15 разделов, каждый из которых призван регулировать определенную сторону жизни РПЦ или устанавливать органы управления с их функциями: 1 — общие положения, 2 — Поместный собор, 3 — Архиерейский собор, 4 — патриарх, 5 — Священный Синод, 6 — синодальные учреждения, 7 — епархии, 8 — при-

ходы, 9 — монастыри, 10 — духовные школы, 11 — заграничные учреждения, 12 — финансы и имущество, 13 — пенсионное обеспечение церковных работников, 14 — церковные печати и штампы, 15 — изменение принятого Устава.

Характерно, что, согласно Уставу, в руки настоятеля храма передавалось не только духовное управление приходом, но и финансово-хозяйственное, находящееся с 1961 г. по требованию СДР СССР в руках исполнительного комитета из числа прихожан. Очевидно, что без гарантий, данных патриарху Пимену М. С. Горбачевым на встрече в Кремле, подобное решение вряд ли было бы принято из опасения противодействия со стороны государственных и партийных структур.

Во всех епархиях были введены благочиннические округа, во главе которых стояли назначаемые епархиальными архиереями благочинные из числа священнослужителей. Управление в епархиях осуществлялось епархиальным архиереем, возглавлявшим епархиальное собрание и епархиальное управление. Епархиальных архиереев избирал и назначал Священный Синод по указу патриарха. Таким образом, устанавливалась своеобразная вертикаль власти, по сути, от приходов до патриарха.

Возглавляли церковную иерархию патриарх и Синод, осуществлявшие власть между Поместными соборами. Высшей законодательной, исполнительной и судебной властью обладали именно Поместные соборы, а соборность называлась принципом управления всей структурой РПЦ.

Еще одним нововведением Устава, по сравнению с церковноправовыми нормами, принятыми в 1940–1960-е гг., стало возобновление церковного социального служения, по крайней мере на уровне приходов и благочиннических округов. В составе синодальных структур отдела по церковному социальному служению создано не было, но предусматривалась возможность созыва особых временных комиссий по вопросам социального служения и просветительской деятельности. В таком решении Поместного собора видится своя логика: было важно вернуть практику социального служения вначале в приходах, где насущные проблемы видятся лучше, а уже потом, на основе полученного опыта, создавать общецерковные структуры. Также стоит отметить, что приходам было поручено часть своего годового бюджета направлять на благотворительные цели.

Заключение

Таким образом, в «перестройке» церковно-государственных отношений в СССР в конце 1980-х — начале 1990-х гг. особое значение имеют события 1988 г. Накануне и во время празднования Тысячелетия крещения Руси начался процесс постепенной демократизации положения РПЦ в стране. Это стало возможным в силу ряда причин, основными из которых являются активизация деятельности самой церкви, стремящейся найти способы участия в общественно-политической жизни страны, перемещены в массовом сознании прихожан, требовавших демократизации положения РПЦ в стране, и внешнеполитическая конъюнктура, ставившая перед советским правительством задачу показать западным партнерам соблюдение в стране принципа свободы совести и вероисповедания. Кроме того, очевидно, что свою роль в обозначенных процессах сыграло желание М. С. Горбачева и части партийно-государственной верхушки привлечь церковь к решению кризисных проблем, замедлявших темпы «перестройки». В итоге, празднование Тысячелетия крещения Руси стало не только церковным, но и го-

сударственным праздником, что позволило церкви и государству продолжить диалог о «взаимовыгодном сотрудничестве» и отменить ряд нормативно-правовых норм административного давления на РПЦ. Церковь же, в свою очередь, воспользовавшись сложившейся возможностью, приняла новый церковный Устав, самостоятельно урегулировав ряд внутрицерковных вопросов. Однако вопрос о предоставлении церкви статуса и прав юридического лица пока решен не был, а многие формы социальной активности для РПЦ оказались закрытыми. На урегулирование этого вопроса и принятие закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» уйдут следующие два года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-661. Оп. 1. Д. 6.
ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3665.
ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 3841.
ГА РФ. Ф. Р-9563. Оп. 1. Д. 5156.
ГА РФ. Ф. Р-9661. Оп. 1. Д. 70.
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2022. 153 с.
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Влияние новой государственно-конфессиональной политики СССР на положение религиозных общин в Западной Сибири в 1985–1991 гг. // Вопросы истории. 2022. № 10–2. С. 136–149.
- Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Празднование 1000-летия Крещения Руси в Алтайском крае // Труды IV Конгресса российских исследователей религии «Религия как фактор взаимодействия цивилизаций». 2018. С. 309–314.
- Кузьмина Ю. В кольце отрешенности // Наука и религия. 1987. № 12. С. 21–24.
- Лебедев В. Пастырская психотерапия // Наука и религия. 1988. № 1. С. 13–16.
- Лебедева О. В. Празднование 1000-летия Крещения Руси в Курской области: государственная политика и региональная практика // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2011. Т. 3, вып. 3. С. 78–80.
- Логинов А. В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М. : Большая российская энциклопедия, 2005. 496 с.
- Маслов Д. В. Некоторые тенденции новейшей отечественной литературы по истории распада СССР // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 30–36.
- Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 года. М. : Политиздат, 1988. 159 с.
- Мельниченко О. В. Государство и Русская православная церковь в России. 1985–1990 гг.: эволюция взаимоотношений // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 827–832.
- Мельниченко О. В. Эволюция государственно-конфессиональной политики в отношении Русской православной церкви в России. 1985–2000 гг. Пенза : ПИРО, 2012. 213 с.
- Мусин А. Е. Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб. : Петербургское востоковедение, 2006. 376 с.

Никифоров Ю. С., Сироткин Я. Н. Жалобы советских граждан как культурный феномен эпохи позднего социализма // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 216–221.

Одинцов М. И. Вероисповедные реформы в Советском Союзе и России. 1985–1997 гг. М. : Российское объединение исследователей религии, 2010. 441 с.

Письмо Алексея М. Горбачеву. URL: <http://yakov.works/acts/20/1980/19851217.htm> (дата обращения: 05.09.2023).

Празднование Русской Православной Церковью 1000-летия Крещения Руси // Журнал Московской патриархии. 1988. № 9. С. 31.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 101. Д. 302.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 99. Д. 162.

Тихомиров Н. В. Религия как фактор управления международными конфликтами // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности : материалы XVII Всероссийской научной конференции с международным участием. М., 2023. С. 669–683.

Тулянов В. А. Духовно-просветительская и благотворительная деятельность Русской православной церкви (1990-е — 2000-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2020. 255 с.

Устав об управлении Русской православной церкви. 1988. URL: <https://drevo-info.ru/articles/17772.html> (дата обращения: 05.09.2023).

Цыпин В., прот. История Русской церкви. 1917–1997. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 830 с.

REFERENCES

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund A-661. Inventory 1. File. 6 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R-6991. Inventory 6. File. 3665 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R-6991. Inventory 6. File. 3841 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R-9563. Inventory 1. File. 5156 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. Fund R-9661. Inventory 1. File. 70 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvorianchikova N. S. *Sovetskaia i rossiiskaia gosudarstvenno-konfessional'naiia politika na iuge Zapadnoi Sibiri* [Soviet and Russian state and confessional politics in the south of Western Siberia]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi universitet, 2022, 153 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Dvorianchikova N. S. Vliianie novoi gosudarstvenno-konfessional'noi politiki SSSR na polozhenie religioznykh obshchin v Zapadnoi Sibiri v 1985–1991 gg [The influence of the new state and confessional policy of the USSR on the situation of religious communities in Western Siberia in 1985–1991]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2022, no. 10–2, pp. 136–149 (in Russian).

Dvorianchikova N. S., Shershneva E. A. Prazdnovanie 1000-letii Kreshcheniia Rusi v Altaiskom krae [Celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus in the Altai Territory]. *Trudy IV Kongressa rossiiskikh issledovatelei religii "Religiia kak faktor vzaimodeistviia tsivilizatsii"* [Proceedings of the IV Congress of Russian Researchers of Religion "Religion as a factor of interaction of civilizations"]. 2018, pp. 309–314 (in Russian).

Kuz'mina Iu. V kol'tse otreshennosti [In the ring of detachment]. *Nauka i religiia* [Science and Religion]. 1987, no. 12, pp. 21–24 (in Russian).

Lebedev V. Pastyrskaiia psikhoterapiia [Pastoral psychotherapy]. *Nauka i religiia* [Science and Religion]. 1988, no. 1, pp. 13–16 (in Russian).

Lebedeva O. V. Prazdnovanie 1000-letii Kreshcheniia Rusi v Kurskoi oblasti: gosudarstvennaia politika i regional'naia praktika [Celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus in the Kursk region: state policy and regional practice]. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhoziaistvennoi akademii* [Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy]. 2011, vol. 3, is. 3, pp. 78–80 (in Russian).

Loginov A. V. *Vlast» i vera. Gosudarstvo i religioznye instituty v istorii i sovremennosti* [Power and faith. The state and religious institutions in history and modernity]. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 2005, 496 p. (in Russian).

Maslov D. V. Nekotorye tendentsii noveishei otechestvennoi literatury po istorii raspada SSSR [Some trends in the latest Russian literature on the history of the collapse of the USSR]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriia: Istorii i politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2022, no. 1, pp. 30–36 (in Russian).

Materialy XIX Vsesoiuznoi konferentsii Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz, 28 iiunia — 1 iiulia 1988 goda [Proceedings of the XIX All — Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 — July 1]. Moscow: Politizdat, 1988, 159 p. (in Russian).

Mel'nichenko O. V. Gosudarstvo i Russkaia Pravoslavnaia tserkov' v Rossii. 1985–1990 gg.: evoliutsiia vzaimootnoshenii [The State and the Russian Orthodox Church in Russia. 1985–1990: the evolution of relationships]. *Izvestiia PGPU im. V. G. Belinskogo* [Izvestiya PGPU named after V. G. Belinsky]. 2012, no. 27, pp. 827–832 (in Russian).

Mel'nichenko O. V. *Evoliutsiia gosudarstvenno-konfessional'noi politiki v otnoshenii Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Rossii. 1985–2000 gg.* [Evolution of state-confessional policy towards the Russian Orthodox Church in Russia. 1985–2000 gg.]. Penza: PIRO, 2012, 213 p. (in Russian).

Musin A. E. *Vopiiushchie kamni. Russkaia tserkov' i kul'turnoe nasledie Rossii na rubezhe tysiacheletii* [Glaring stones. The Russian Church and the cultural heritage of Russia at the turn of the Millennium]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2006, 376 p. (in Russian).

Nikiforov Iu. S., Sirotkin Ia. N. Zhaloby sovetских grazhdan kak kul'turnyi fenomen epokhi pozdnego sotsializma [Complaints of Soviet citizens as a cultural phenomenon of the era of late socialism]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [The Upper Volga Philological Bulletin]. 2019, no. 4 (19), pp. 216–221 (in Russian).

Odintsov M. I. *Veroispovednye reformy v Sovetskom Soiuze i Rossii. 1985–1997 gg.* [Religious reforms in the Soviet Union and Russia] Moscow: Rossiiskoe ob'edinenie issledovatelei religii, 2010, 441 p. (in Russian).

Pis'mo Aleksii M. Gorbachevu [A letter from Alexy M. Gorbachev]. Available at: <http://yakov.works/acts/20/1980/19851217.htm> (accessed September 5, 2023) (in Russian).

Prazdnovanie Russkoi Pravoslavnoi Tserkov'iu 1000-letia Kreshcheniia Rusi [Celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus by the Russian Orthodox Church] *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate]. 1988, no. 9, pp. 31 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii (RGANI) [The Russian State Archive of Modern History (RGANI)]. Fund 5. Inventory 101. File. 302 (in Russian).

RGANI [RGANI]. Fund 5. Inventory 99. File 162 (in Russian).

Tikhomirov N. V. *Religiia kak faktor upravleniia mezhdunarodnymi konfliktami* [Religion as a factor in managing international conflicts]. *Grani kul'tury: aktual'nye problemy istorii i sovremennosti. Materialy KhVII vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Facets of Culture: actual problems of history and modernity. Materials of the XVII All-Russian scientific conference with international participation]. Moscow, 2023, pp. 669–683 (in Russian).

Tulianov V. A. *Dukhovno-prosvetitel'skaia i blagotvoritel'naia deiatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (1990-e — 2000-e gg.): diss. ... kand. ist. Nauk* [Spiritual, educational and charitable activities of the Russian Orthodox Church (1990s — 2000s): diss. ... candidate of Historical Sciences]. Mytishchi, 2020, 255 p. (in Russian).

Ustav ob upravlenii Russkoi pravoslavnoi tserkvi [The Charter on the Administration of the Russian Orthodox Church]. 1988. Available at: <https://drevo-info.ru/articles/17772.html> (accessed: September 5, 2023) (in Russian).

Tsy-pin V., prot. *Istoriia Russkoi tserkvi. 1917–1997* [The history of the Russian Church. 1917–1997]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria, 1997, 830 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 06.09.2023

Принята к публикации: 12.01.2024

Дата публикации: 31.03.2024

УДК 322

DOI 10.14258/nreur(2024)1–09

П. К. Дашковский, Н. С. Дворянчикова*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СССР В ЭПОХУ «ПЕРЕСТРОЙКИ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЩИН ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена исследованию положения религиозных общин на территории Омской области в контексте советской государственно-конфессиональной политики в период «перестройки». На основе архивных материалов, часть из которых впервые вводится в научный оборот, рассматриваются основные направления деятельности региональных органов власти в 1985–1991 гг. в системе государственно-конфессиональных отношений СССР. С середины 1980-х гг. в СССР происходит процесс коренных изменений в государственно-конфессиональных отношениях. С этого периода начинается процесс легализации деятельности религиозных общин Западной Сибири, которые действовали на протяжении многих лет нелегально. В 1980-е гг. в Омской области получили регистрации несколько православных и лютеранских общин. Стоит отметить, что в этот период общины Совета церквей евангельских христиан-баптистов, пятидесятников были настроены против легализации деятельности, так как регистрация шла вразрез с их вероучением. Эпохальным событием в истории государственно-конфессиональных отношений стало широкое празднование 1000-летия Крещения Руси в 1988 г., что отразилось и на положении религиозных общин и верующих в регионах. Данное событие способствовало установлению диалога между государством и церковью, а также оживлению религиозной жизни в регионах страны. В данный период на территории Омской области произошло увеличение численности зарегистрированных православных общин, активизация духовной жизни, миссионерской и социальной деятельности.

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, советский период, религиозные общины, Западная Сибирь, СССР, Омская область.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Государственно-конфессиональная политика СССР в эпоху «перестройки» и ее влияние на деятельность религиозных общин Омской области // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 1. С. 126–144. DOI 10.14258/nreur(2024)1–09.

P. K. Dashkovskiy, N. S Dvoryanchikova

Altai State University, Barnaul (Russia)

REVOLUTIONIZING RELIGION: THE USSR'S CONFESSIONAL POLICY DURING PERESTROIKA AND ITS EFFECTS ON RELIGIOUS COMMUNITIES IN THE OMSK REGION

The article delves into the examination of the status of religious communities in the Omsk region within the framework of Soviet state and confessional policies during the “perestroika” era. Drawing from archival materials, some of which are being introduced into scholarly discourse for the first time, the analysis focuses on the key initiatives undertaken by regional authorities between 1985 and 1991 within the context of state-confessional relations in the USSR. Throughout the mid-1980s, the USSR witnessed significant transformations in its state-confessional dynamics. This period marked the initiation of the process to legalize the long-illegal operations of religious communities in Western Siberia. In the Omsk region, multiple Orthodox and Lutheran communities were officially registered during the 1980s. Notably, certain communities, such as the Council of Churches of Evangelical Christians-Baptists and Pentecostals, resisted legalization efforts as it contradicted their religious beliefs. A pivotal moment in the evolution of state-confessional relations was the widespread observance of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus in 1988, which impacted the status of religious communities and their followers in various regions. This commemoration fostered a dialogue between the state and the church, leading to a resurgence of religious activities across the country. During this period, there was a notable rise in the number of registered Orthodox communities in the Omsk region, accompanied by an upsurge in spiritual life, missionary work, and social engagements.

Keywords: state and confessional policy, Soviet period, religious communities, Western Siberia, USSR, Omsk region.

For citation:

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. A. Revolutionizing religion: the USSR's confessional policy during *Perestroika* and its effects on religious communities in the Omsk region. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29, No 1. P. 126–144. DOI 10.14258/nreur(2024)1–09.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозных исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>. **Дворянчикова Наталья Сергеевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отно-

шений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** natali.dvoryanchikova@mail.ru; <https://orcid.org/> <https://orcid.org/0000-0003-4994-3096>.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies of the Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpu.asu.ru; <https://orcid.org/> <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>.

Dvoryanchikova Natalya Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** natali.dvoryanchikova@mail.ru; <https://orcid.org/> <https://orcid.org/0000-0003-4994-3096>.

Введение

До середины 1980-х гг. отношения между государством и религиозными объединениями первоначально строились на нормах советского законодательства о культурах 1929 г. и Конституции 1977 г. Проблемы, связанные с обеспечением гарантий свободы совести, со всей очевидностью проявились в процессе трансформации социально-экономических и политических отношений в Советском Союзе. С 1985 г., когда было провозглашено создание демократического государства, со всей очевидностью стало ясно, что правовое обеспечение свободы совести должно опираться не только на Декрет о свободе совести и религиозных организациях, но и на мировой опыт в этой области, в том числе на такие общепризнанные документы, как Всеобщая декларация прав человека, Итоговый документ Венской встречи представителей государств-участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Клименко, 2010: 30].

Курс «перестройки», объявленный М. С. Горбачевым на Апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г., предполагал в том числе и демократизацию религиозной ситуации в стране. Однако на тот момент ни М. С. Горбачев, ни его ближайшее окружение не имели стратегии реформирования прежней вероисповедной политики государства [История государственной политики СССР..., 2010: 30]. Одним из первых признаков обновления государственно-конфессиональных отношений стало, например, такое явление, как совместные молитвы религиозных деятелей СССР и США об успехе советско-американской встречи в верхах в Женеве (1985 г.) [Муравская, 2002: 146].

Общая характеристика положения религиозных общин в СССР хорошо освещены в современной исторической науке в трудах М. И. Одинцова [2002], Т. К. Никольской [2009], В. Цыпина [1997] и других исследователей. Однако при этом остается слабо изученной региональная специфика государственно-конфессиональных отношений, особенно в Западной Сибири, в которую входит территория Омской области. Наиболее объективно проанализировать деятельность религиозных общин в контексте государственно-конфессиональной политики СССР 1985–1991 гг. позволяют архивные материалы и правовые документы Исторического архива Омской области. Архивные источники представлены деловой перепиской уполномоченного Совета по делам рели-

гий при СМ СССР по Омской области с райкомами, горкомами и религиозными объединениями, статистическими данными, законодательными нормативно-правовыми актами государственных и партийных органов.

Целью статьи является исследование деятельности религиозных общин Омской области в контексте изменения государственно-конфессиональной политики СССР в 1985–1991 гг.

Методологической основой исследования выступают принципы научного изучения системы государственно-конфессиональных отношений в России, разработанные М. И. Одинцовым, О. Ю. Васильевой и другими учеными. Кроме того, использовался принцип историзма, который позволил исследовать процесс регистрации религиозных общин в системе государственно-конфессиональной политики на региональном уровне в 1985–1991 гг. Исследование проводилось с использованием такого метода, как историко-системный, позволяющий обобщить положение различных религиозных общин Омской области в системе государственно-конфессиональных отношений.

Особенности государственно-конфессиональной политики в период «перестройки»

Еще в 1986 г. начался пересмотр политики советского руководства по отношению к Русской православной церкви и другим конфессиям. В СМИ появились статьи, которые были направлены на духовное возрождение общества. Кризисные тенденции и трагические события, в том числе Чернобыльская катастрофа, углубляли в обществе апокалиптические и религиозные настроения.

С 1987 г. можно проследить постепенное смягчение позиции Совета по делам религий при СМ СССР. Председатель Совета по делам религий при СМ СССР К. Харчев, назначенный на эту должность буквально накануне периода «перестройки», стремился переломить сложившуюся ситуацию. В феврале 1987 г. он направил в ЦК КПСС аналитическую записку «О некоторых вопросах реализации политики партии в отношении религии и церкви на современном этапе», в которой обращал внимание на необходимость отказаться от политики «войны с религией», учитывать настроения и пожелания верующих, демократизировать законодательство о культурах [История государственной политики СССР..., 2010: 31–35]. Данный орган предлагал руководству страны «наряду с всемерным усилением атеистического воспитания не обострять отношений с церковью» и с этой целью пересмотреть законодательство о культурах, т. е. признать за религиозными объединениями право юридического лица и ведения религиозной пропаганды, за родителями — право на воспитание детей в религиозном духе, а за верующими — право на совершение религиозных обрядов на дому и в больнице. С сентября 1987 г. впервые после середины 1950-х гг. начало заметно расти количество православных приходов. Аппарат Совета по делам религий при СМ СССР в регионах получил указание принять меры по устранению нарушений при рассмотрении заявлений верующих граждан о регистрации религиозных объединений, которые необоснованно отклонялись местными органами власти [Кашеваров, 2015: 110]. В результате в 1988 г. было открыто уже около одной тысячи православных храмов [Шкаровский, 2010: 403].

С началом либерализации религиозной политики Совет по делам религий СМ СССР предпринял ряд шагов по реализации конституционных положений о свободе совести. В апреле 1988 г. Совет по делам религий внес в Совет Министров СССР законопроект «О свободе совести и религиозных организациях в СССР». Однако его рассмотрение Верховным Советом затянулось и началось только в 1990 г. Разработку нового республиканского закона, регулирующего статус религиозных объединений, осуществлял Комитет по вопросам свободы совести, вероисповедания, милосердия и благотворительности Верховного Совета РСФСР [Никольская, 2009: 298].

Подготавливаемый закон СССР «О свободе совести» был призван ликвидировать существовавшую в советском государстве дискриминацию верующих граждан и конфессий. На заседании Архиерейского собора РПЦ 1989 г. была высказана точка зрения о необходимости внесения в содержание закона следующих положений: юридическое признание церкви как единой религиозной организации и уравнивание ее в правах с другими общественными организациями; предоставление равных прав для религиозного и атеистического обучения, воспитания и пропаганды; предоставление возможности широко и многообразно осуществлять дела милосердия и благотворительности; свободное издание и распространение религиозной литературы; доступ церкви к СМИ и др. [Муравская, 2002: 151–152].

Ситуация, сложившаяся в начале 90-х гг. XX в., ярко отражала стремление общества к коренной реформе во взаимоотношениях государства и конфессий, к обеспечению подлинной свободы вероисповеданий. Результатом стало принятие 25 октября 1990 г. закона СССР «О свободе вероисповеданий» [Ведомости Съезда народных депутатов СССР..., 1990: 813]. В данном законе религиозные объединения получили статус юридического лица. Кроме того, снимались ограничения на культовую деятельность, упрощалась процедура регистрации религиозных объединений, ликвидировались запреты на социальную, производственно-хозяйственную и иную некультовую деятельность, распространялись нормы трудового законодательства, социального обеспечения и социального страхования на граждан, работающих в религиозных организациях, включая служителей культа [Клименко, 2007: 39]. В данный период происходил процесс перехода в полномочия Министерства юстиции и его органов на местах функции регистрации уставов религиозных объединений [Фаст, 2009: 247–255].

Стоит отметить, что принятый 25 октября 1990 г. Закон «О свободе вероисповеданий» имел ряд спорных моментов. Во-первых, в законе отсутствовало признание религиозных организаций (конфессий) в качестве социальных институтов, субъектов публично-правовых отношений [История государственной политики СССР..., 2010: 82].

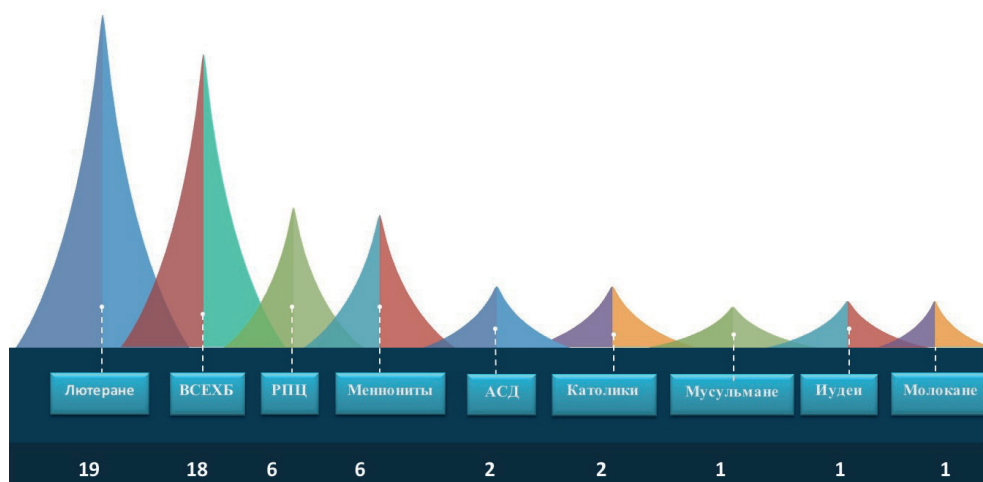
Во-вторых, стоит отметить, что закон, содержащий определение понятия «религиозные объединения», под смысл которого подпадали любые виды и формы организационных структур, образуемых десятью совершеннолетними лицами, в названии которых декларировалась причастность к религии. Однако в этот список могли попасть различные предприятия, учреждения, организации, общественные образования, которые не имели никакого отношения к религиозным объединениям. Зарегистрировавшись в качестве «религиозной организации», они получали преимущества и льготы наравне с настоящими религиозными объединениями, создаваемыми верующими

для совместного исповедания веры. В законе отсутствовала чётко прописанная правовая грань между теми религиозными объединениями, которые пользовались правоспособностью юридического лица, и теми, которые ею не пользовались [История государственной политики СССР..., 2010: 83].

Деятельность религиозных общин в регионе

На 1 января 1985 г. на территории СССР действовало 12438 зарегистрированных организаций. Кроме того, еще 2764 религиозных объединений функционировали по официальным данным на нелегальной основе. Согласно официальным статистическим таблицам Совета по делам религий при СМ СССР не регистрировались следующие религиозные объединения: Сторонники Совета церквей, Адвентисты-реформисты, Иеговисты, Истинно-православные церковь и Истинно-православные христиане (странствующие), другие объединения. Незарегистрированные объединения действовали на всем протяжении советской эпохи, несмотря на предпринимавшиеся по отношению к ним запретительные меры. К 1985 г. другие виды религиозных объединений (монастыри, управленческие духовные центры, духовные учебные заведения и др.) не имели закрепленного юридического статуса [История государственной политики СССР..., 2010: 30–31].

Накануне празднования 1000-летия Крещения Руси можно проследить увеличение численности зарегистрированных православных церквей. Под влиянием благоприятных обстоятельств в СССР только в 1988 г. было зарегистрировано 1610 религиозных объединений (в 1987 г. — 104), из них общин Русской православной церкви — 1244 (к началу 1990 г. зарегистрированных общин РПЦ было уже 10130, для сравнения к началу 1988 г. — 6915) [Бессонов, 1990: 254]. Новых общин РПЦ в 1988 г. зарегистрировано 809, в 1989 году — 2564.

Количество религиозных общин, зарегистрированных в 1985 г. на территории Омской области [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 123. Л. 2–3]

The number of registered religious communities in 1985 in the Omsk region [Historical Archive of the Omsk region. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 123. P. 2–3]

Наметившиеся с середины 80-х гг. XX в. изменения в государственно-конфессиональной политике в СССР отразились на положении дел в регионах, в том числе и в Западной Сибири. Так, в 1985 г. на территории Омской области официально действовало 56 зарегистрированных религиозных объединений [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 123. Л. 2–3]. Данные общины принадлежали к 11 конфессиям — православные, баптистские, католические, менонитские, пятидесятнические общины, объединения адвентистов седьмого дня, молокане, мусульмане и др.

На 1986 г. официально действовали 58 религиозных объединений, в том числе 6 православных церквей, 21 лютеранское объединение, в том числе пять групп; две — католических, 18 — евангельских христиан-баптистов, в том числе три группы; 6 — менонитов, две — адвентистов седьмого дня, по одной общине мусульман, иудеев и молокан [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 2]. К началу 1990 г. активность всех религиозных организаций продолжала расти. Таким образом, количество общин, действующих в регионе, насчитывалось 147 [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125п. Л. 1]. К 1990 г. количество зарегистрированных общин составило уже 74, в том числе 67 общин и 7 групп.

На 1985 г. в Омской области официально действовали 6 общин Русской православной церкви. Две церкви располагались в Омске, одна — в с. Воскресенке Калачинского района и молитвенные дома в городах областного подчинения — Исилькуле, Тюкалинске и Таре [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 ж. Л. 4].

В православных церквях в 1986 г. работало 15 служителей культа (на 1985 г. — 14). По возрасту священнослужители были от 50 до 60 лет — 4, 40–50–3, 30–40–8. По образованию: высшее духовное имело 2 священника, среднее духовное — 6, училось в духовной семинарии (заочно) — 4, духовной академии (заочно) — 2 служителя [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 2].

В 1985–1986 гг. произошло снижение численности проведенных религиозных обрядов в зарегистрированных общинах (табл.) [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 10].

Динамика религиозной обрядности в Омской области в 1985–1986 гг.

[ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 4]

Dynamics of religious observance in the Omsk region in 1985–1986

[Historical Archive of the Omsk region. Fund. 2603. Inventory. 1.

File. 125. P. 4]

Конфессия	Обряд					
	крещение		отпевание		венчание	
	1985	1986	1985	1986	1985	1986
Православные	2813	1899	5848	4734	2	3
Лютеране	90	85	101	70	7	2
ЕХБ	53	51	40	48	6	3
ВСЕГО	2956	2035	5989	4852	15	8

Сокращение религиозной обрядности Уполномоченным Совета по делам религий объяснялось усилением атеистического воспитания населения, внедрением новой тор-

жественной обрядности, а также сокрытием части религиозных обрядов от оформления. На наш взгляд, этим в значительной степени можно объяснить, что в Никольской церкви число крещений уменьшилось на 625, отпеваний — на 761 человек, в кафедральном соборе соответственно — на 268 и 275. Кроме того, факты сокрытия обрядности были и в общинах баптистов [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 4].

По данным Уполномоченного Совета по делам религий по Омской области посещали православные церкви в основном люди преклонного возраста. По большим православным праздникам в храмах Омска присутствовало до 1,5 тыс. человек, а в молитвенных домах — до 200 человек. Среди присутствующих на таких богослужениях абсолютное большинство — женщины пенсионного возраста, а мужчин и молодежи — единицы.

В 1986 г. православные церкви Омской области получили 815,8 тыс. руб. дохода, что на 43 тыс. руб. меньше предыдущего года. При этом продажа предметов культа и религиозной литературы возросла на 24 тыс. руб. (ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 3). Снижение дохода в 1985–1986 гг., по мнению Уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Омской области, связано с финансовыми нарушениями, а именно с утаиванием денежных средств, сокрытием доходов [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 л. Л. 2].

К 1987 г. произошло увеличение дохода в православных церквях — 878 тыс. руб., в том числе от продажи предметов культа и религиозной литературы (635,5 тыс. руб.), от исполнения обрядов — 145,4 тыс. руб. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 л. Л. 3]. На 1989 г. доходы православных церквей Омской области составили еще большую сумму — 1204 тыс. руб. Из них от исполнения обрядов 230,8 тыс., от пожертвований 95,9 тыс., от продажи предметов культа 877,3 тыс. руб. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 16].

В период «перестройки», религиозные организации в регионах продолжали заниматься благотворительной деятельностью. Так, в 1986 г. православными общинами Омской области было перечислено в Фонд мира и Чернобыля 35,4 тыс. руб., что на 6,4 тыс. руб. больше, чем в 1985 г. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 3]. В 1987 г. увеличились отчисления в различные фонды, они составили в сумме 45 тыс. руб. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 л. Л. 3].

В связи с прибытием нового архиерея Феодосия отмечалось повсеместное повышение активности в православных церквях, рост интереса к его проповедям и служению [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 3]. Стоит отметить, что архиепископ Феодосий активизировал жизнь православных общин. Неоднократно давал интервью по местному радио, телевидению, искал любые возможности для контактов с неверующими. Так, по просьбе заведующих отделов пропаганды и агитации райкомов КПСС выступил с докладом о проблеме миротворческой деятельности церкви. Кроме того, на данном семинаре выступили руководители лютеран, молокан, АСД, мусульман и т. д. Кроме того, архиепископом было проведено межконфессиональное миротворческое собрание, на котором присутствовало 240 человек. От всех конфессий был собран взнос в детский фонд более 6 тыс. руб. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 л. Л. 3–4].

Празднование Тысячелетия крещения Руси, либерализация государственно-конфессиональной политики способствовали активной регистрации православных общин. Так, к 1990 г. в регионе уже официально действовали 20 православных общин.

При этом значительно возросло количество отправляемых обрядов. Так, в 1989 г. православные церкви Омской области совершили 16268 крещений, 70 венчаний, 361 отпевание очное, 5487 заочных [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 15].

Кроме того, на территории Омской области на 1985 г. действовала одна община мусульман, зарегистрированная в Омске. Поскольку старое здание мечети попало под снос, в 1986 г. община переехала в новый дом, который переоборудовали под мечеть. В пятницу мечеть посещали до 100 человек. В старом здании на праздниках ураза-байрам и курбан-байрам в 1986 г. было до 1,5 тысячи человек [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 5]. В 1987 г. на 400 человек произошло увеличение численности верующих, посещающих мечеть в дни религиозных праздников [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 л. Л. 5].

В 1986 г. в мусульманской общине примерно вдвое возросли доходы от исполнения обрядов по сравнению с 1985 г., они составляли 1,5 тыс. руб. В Фонд мира община перечислила — 2 тыс.; 1 тыс. руб. — в фонд Чернобыля; 6 тыс. руб. — Духовному управлению на проведение Бакинской конференции [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 5]. К 1989 г. произошло увеличение доходов до 62,1 тыс. руб. Из них от исполнения обрядов 0,8 тыс., пожертвований — 59,6 тыс. руб. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 16].

В середине 1980-х гг. в Омской области функционировали два зарегистрированных религиозных объединения римско-католической церкви. Данные общины были моноэтническими и состояли только из верующих немецкой национальности. Стоит отметить, что немцы-католики проявляли стремление жить компактно с единоверцами, формировались отдельные центры католической веры (например, Караганда). При этом более тесными становились контакты с единоверцами других национальностей (поляками, литовцами) [Бургарт, 2021: 229].

В воскресные дни в молитвенных домах присутствовали до 30, а в религиозные праздники — до 60 человек. Служителей культа в общине не было, в связи с чем приглашали для проведения службы ксендзов из Карагандинской области и Актюбинской католической церкви. Денежные доходы в общинах за 1986 г. составили 3,2 тыс. руб. и были израсходованы на содержание обслуживающего персонала и ремонт зданий [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 4].

Католические общины, по данным за 1987 г., составляли 5% от всех религиозных объединений СССР. В союзных республиках, за исключением прибалтийских, насчитывалось 257 католических приходов. В РСФСР приходы имелись в Москве и Ленинграде, а также в Сибири и на Алтае — в Новосибирске, Барнауле и во многих других городах. Переосмысление духовных ценностей и идеалов российскими гражданами в конце 80-х — начале 90-х гг. поставило церковь на новую, более высокую ступень в обществе. В 1989 г. произошла историческая встреча между Папой Иоанном Павлом II и первым Президентом СССР М. С. Горбачевым, на ней шли переговоры о легализации католических приходов в стране и возможности визита Папы в СССР. В 1990 г. между СССР и Ватиканом установились дипломатические отношения, произошел обмен послами [Лиценбергер, 2003: 268].

К 1990 г. в Омской области продолжали действовать две католические общины общей численностью 160 верующих. Доход на 1989 г. составил 2,5 тыс. руб. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 15–16]. Стоит отметить, что католические общины действо-

вали и в других регионах Западной Сибири. В 1990 г. произошла активизация деятельности католиков в Томской области. Так, в апреле 1990 г. от управления культуры обл-исполкома католической общине был передан костел. В том же году римско-католическая церковь в Западной Сибири активизировала миссионерскую деятельность, чтобы пополнить свои ряды за счет молодежи независимо от национальной принадлежности. С этой целью при томском костеле был создан кружок для всех желающих, но ориентированный прежде всего на молодежь, для проведения духовных бесед, изучения католического вероучения и Библии [Конев, 2002: 197].

Самым многочисленным религиозным направлением на территории Омской области по количеству зарегистрированных общин было лютеранство. В 1985 г. в Омской области официально действовало 19 лютеранских общин [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 123. Л. 2–3]. На 1986 г. уже было зарегистрировано 21 лютеранское объединение, в том числе пять групп. С разрешения местных органов власти действовали еще семь групп. Все верующие — немцы по национальности. Самая крупная община располагалась в Омске и насчитывала 300 верующих [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 4].

Активизации деятельности в лютеранских объединениях не наблюдалось. Отдельные группы зачастую распадались. Кроме того, наблюдалась тенденция к снижению количества религиозной обрядности. В зарегистрированных лютеранских объединениях насчитывался 61 служитель, две трети из них — люди пенсионного возраста, с начальным образованием (только двое имели среднее светское образование), ни одного человека со специальным духовным образованием [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 4].

За 1987 г. было проведено 87 крещений, конфирмаций — 34, отпеваний — 18. В различные Фонды общины перечислили 1000 руб. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 л. Л. 6–7]. В 1989 г. было совершено 140 крещений, три венчания и 30 отпеваний. К 1990 г. на территории Омской области официально действовали 24 лютеранские общины численностью около 800 верующих [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 15].

В также Омске действовала одна зарегистрированная община иудеев. По религиозным праздникам собиралось до 20–25 человек. Постоянного раввина в общине не было, поэтому один раз в год в Омск приглашался служитель из Одесской синагоги [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 6]. Мацой общину обеспечивала Московская хоральная синагога, например, на празднование Пасхи в 1985 г. была организована ее поставка с Иркутской синагоги — 250–300 кг [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 123. Л. 17]. В 1986 г. связи со сносом бывшего молитвенного здания горисполком выделил общине жилой дом, который переоборудовали под молитвенный [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 6].

К 1986 г. в Омской области было зарегистрировано 18 религиозных объединений евангельских христиан-баптистов, в том числе три группы. Одна группа в с. Астыровке Горьковского района действовала с разрешения местных органов власти без регистрации. В общинах состояли 1960 членов. Среди них насчитывалось 1230 немцев. Община Омска была самой многочисленной, состояла из 1092 членов. К 1990 г. официально действовали 17 общин евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), численностью более двух тысяч верующих [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 15]. В общинах официально действовало 19 рукоположенных служителей культа и 42 учтенных проповедника [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 6–7].

Всего в 1986 г. от них поступило 57,8 тыс. руб. денежных средств — на 12,4 тыс. руб. больше, чем в 1985 г. Рост произошёл в основном за счет увеличения добровольных пожертвований. В Фонд мира в 1986 г. было перечислено 0,8 тыс., в фонд Чернобыля — 6,3 тыс., Красному Кресту — 4,2 тыс. руб. Более одной трети дохода отправлено религиозным центрам.

Значимым событием в духовной жизни евангельских христиан-баптистов Омской области в 1985 г. стало проведение межобластного совещания представителей религиозных объединений ЕХБ Омской и Тюменской областей. Стоит отметить, что на проведение данного съезда дал согласие Уполномоченный Совета по делам религий Омской области. В работе областного совещания приняли участие 54 делегата от 16 религиозных объединений ЕХБ и две общины братских меннонитов. Важно отметить, что на совещании присутствовал А. М. Бычков — генеральный секретарь ВСЕХБ, Я. Я. Фаст — ст. пресвитер Новосибирской общины, П. П. Эннс — ст. пресвитер Оренбургской общины и др. На совещании был перевыбран ст. пресвитер Омской и Тюменской областях К. А. Сипко, выбраны делегаты на республиканское совещание и Всесоюзный съезд ЕХБ. О сближении отношений между баптистами и властью может служить тот факт, что после совещания делегаты написали и отправили благодарственное письмо за разрешение проведения съезда, а также за удовлетворение нужд верующих в благоустройстве молитвенных домов председателю Совета по делам религий при СМ СССР К. М. Харчеву [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 168. Л. 6–8].

В 1989 г. местными властями была удовлетворена просьба верующих о возврате здания бывшего молитвенного дома в Омске, изъятого НКВД в 1936 г. Кроме того, был установлен телефон в канцелярии ст. пресвитера, разрешено печатание церковного календаря ЕХБ [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 10].

Стоит отметить, что 1988–1991 гг. активизировалась регистрация религиозных общин и групп. Протестанты получили доступ к проповеди в учебных заведениях, больницах, местах лишения свободы. В церквях появились легальные воскресные школы для детей и взрослых, стали открываться духовные учебные заведения. Так, в 1990 г. в Белореченске Краснодарского края открылся Российский библейский институт «Логос» для подготовки служителей ЕХБ. В городах начались массовые евангелизации — публичные выступления протестантских проповедников на стадионах, в кинотеатрах, учреждениях культуры [Никольская, 2021: 123].

В период с 1985 по 1990 г. в Омской области действовали две зарегистрированные общины адвентистов седьмого дня (АСД) — в Омске и селе Большой Атмас Черлакского района численностью 143 человека [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125з. Л. 7]. Они продолжали активную миссионерскую деятельность и обучение детей религии. Так, в архивных документах упоминается, что у проповедника большеатмасской общины Д. Д. Гоммера ребенок не посещал школу в субботу. Кроме того, руководитель омской общины А. Д. Миллер в 1987 г. провел обряд крещения на Иртыше, при этом не поставив в известность местные органы власти [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125. Л. 9].

К 1990 г. лютеранские общины активизировали свою деятельность. Особенно после посещения г. Омска руководством лютеран ФРГ и СССР. Стоит отметить, что общине была подарена зарубежными верующими машина «Волга» [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 9].

В середине 1980-х гг. в Омской области также действовала одна община молокан в Омске, в которой состояло более 140 членов. Законодательство о культах членами церкви неукоснительно соблюдалось. В Фонд мира общиной было перечислено в 1986 г. 0,2 тыс. руб., в Фонд Чернобыля — 0,3 тыс. руб. Религиозной обрядности, кроме похорон, не проводилось [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125з. Л. 8].

Кроме того, действовали 6 зарегистрированных меннонитских общин, в том числе две братских и четыре — церковных меннонитов. Общины братских меннонитов находились под духовной опекой Омской общины ЕХБ. Самой крупной являлась Солнцевская община численностью 176 человек. В 1986 г. большую часть доходов, полученных в общине, верующие перечислили: в Фонд мира — 0,6 тыс. руб., Фонд Чернобыля — 1,4 тыс. руб., Красному Кресту — 4 тыс. руб. В остальных пяти общинах доходы незначительные — от 150 до 500 руб. [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 8].

Деятельность незарегистрированных религиозных объединений

Кроме зарегистрированных общин в Омской области также действовали общины, которые находились на нелегальном положении. Без регистрации функционировали 39 общин. Из них — по 6 лютеран и ЕХБ, 8 — пятидесятников, 17 — меннонитов, по одной — последователей Совета церквей и Свидетелей Иеговы, а также 41 религиозная группа: 23 — лютеран, 6 — ЕХБ и по две — пятидесятников и меннонитов. 7 групп лютеран и одна группа ЕХБ действовали с разрешения местных органов власти [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 2].

Не признавала законодательство о культах и категорически отказывалась от регистрации 31 община: 17 — братских меннонитов, 8 — пятидесятников, 3 — ЕХБ, по одной лютеран, СЦ ЕХБ и свидетелей Иеговы.

Кроме того, некоторые общины признавали законодательство о культах, но уклонялись от регистрации. В качестве примера можно привести лютеранские общины в Шербакульском, Тарском, Большереченском, Черлакском районах.

На экстремистских позициях, по мнению уполномоченного, стояла община СЦ ЕХБ в Омске и 17 общин братских меннонитов. Отказывались от регистрации все общины пятидесятников. В данных общинах организовано обучали детей религии, активно привлекали молодежь к религиозной деятельности.

Стоит отметить, что по данным Совета по делам религий СМ СССР на 1989 г., на территории РСФСР всего действовало более 1800 протестантских объединений, наиболее многочисленными из которых являлись объединения Совета церквей Евангельских христиан-баптистов — 105, пятидесятников — 63, братских меннонитов — 29, сосредоточенных в основном в Омской области и Алтайском крае. Как отмечали специалисты отдела, руководители незарегистрированных объединений отнеслись к «перестройке» с недоверием и по-прежнему дистанцировались от органов власти, оставаясь на позициях непризнания законодательства о религиозных культах. Особенно ярко эта позиция проявляется у сторонников Совета церквей ЕХБ [Религиозная жизнь немецкого населения..., 2015: 636–637].

Несмотря на то, что в период «перестройки» значительно улучшилась ситуация с регистрацией религиозных общин, налаживался диалог между властью и конфессиями, в то же время продолжалось привлечение к ответственности представителей незарегистрированных общин за нарушение законодательства о культах.

Так, за 1986 г. в Омской области было выявлено 145 нарушений законодательства о культурах, привлечено к административной ответственности 223 человека, из которых 154 предупреждено, а 69 оштрафовано. Нарушения законодательства были допущены руководителями и активистами незарегистрированных общин братских меннонитов, последователей СЦ ЕХБ, пятидесятников, лютеран, ЕХБ. В зарегистрированных общинах нарушение было в Чадской общине ЕХБ Шербакульского района, верующие которой запрещали своим детям участвовать в общественной жизни школы. На заседании административной комиссии им были сделаны соответствующие предупреждения [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з. Л. 24]. Всего за 1986 г. было проведено 600 бесед по вопросам соблюдения законодательства с руководителями незарегистрированных общин и более 700 с рядовыми верующими.

К 1989 г. нарушения в основном состояли в проведении незарегистрированными общинами молитвенных собраний, отправления культов без разрешения местных органов власти. Другим нарушением стало самовольное строительство незарегистрированными общинами молитвенных домов, например, в Исилькульском районе (д. Ивановка, Солнцевка). Однако в Омской области к уголовной ответственности никто не привлекался, а использовались лишь беседы на комиссиях горисполкомов, встречи на местах. Кроме того, в исследуемый период было исправлено нарушение местных властей, которые несколько лет не одобряли получение медалей верующими. Так, был награжден проповедник зарегистрированной общины ЕХБ медалью «Ветеран труда» за 40 лет работы в совхозе (Полтавский район) [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 20].

По словам Уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Омской области, очень конспиративно действовали незарегистрированные общины Свидетелей Иеговы. В отличие от других незарегистрированных общин, в 1987 г. Уполномоченному не удалось их посетить. Кроме того, в Миролубовке эти верующие не приняли участие в выборах, что, конечно, волновало местные органы власти [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 л. Л. 15].

Празднование Тысячелетия крещения Руси и развитие социального служения в Омской области

Важнейшей вехой в изменении государственно-конфессиональных отношений стало празднование 1000-летия Крещения Руси, превратившееся в событие общенародного характера. В 1988 г. власти охотно регистрировали религиозные организации. Объяснение резкому скачку в численности зарегистрированных религиозных объединений коренится в политической повестке дня. 29 апреля 1988 г., накануне празднования Тысячелетия крещения Руси, генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев встретился с патриархом Московским и всея Руси Пименом (Извековым) и членами Священного Синода. На встрече стороны пришли к общему заключению — праздновать юбилей не только как знаменательную церковную дату, но и как важное общественно-государственное событие [История государственной политики СССР..., 2010: 35]. Кроме того, генеральный секретарь пообещал провести отмену всех дискриминационных по отношению к духовенству и верующим актов и законов. Патриарху также удалось получить согласие на открытие новых церквей, монастырей и духовных учебных заведений и на увеличение тиражей церковных изданий.

Еще до официального начала юбилейных торжеств Русской православной церкви были возвращены Введенская Оптина пустынь, Толгский монастырь. Некогда отобранные у нее святыни стали возвращаться в храмы и монастыри, начался процесс передачи находившихся в музейных собраниях страны мощей святых [Цыпин, 1997: 460–463].

Юбилейный 1988 г. вошел в историю как год, в который произошли радикальные изменения во взаимоотношениях церкви и государства, церкви и общества. Однако изменения эти носили еще не юридический характер, правовой статус Русской православной церкви в основных чертах оставался прежним.

Поскольку большинство православных церквей Омско-Тюменской епархии находилось в Тюменской области, главные мероприятия проводились там. Из состоявшихся в Омской области юбилейных мероприятий стоит отметить выставку предметов церковной утвари, организатором которой был областной музей, а церковь выделила экспонаты. Архиепископ Феодосий на празднование уезжал в Москву, а затем в Тюмень. Важно отметить, что данное событие широко было освещено в СМИ. Так, в «Омской правде» была опубликована статья «Крещение Руси: причины, обстоятельства, последствия»; интервью с уполномоченным «Важнейшая из свобод — осуществление конституционных гарантий свободы совести и регистрации объединений» и др. Празднование на государственном уровне Тысячелетия крещения Руси способствовало тому, что в райгорисполком поступило 7 заявлений с просьбой о регистрации православных объединений в сельских районах Омской области [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–3].

Подготовка к юбилею вызвала в стране определенную активизацию деятельности всех объединений Русской православной церкви. Это выразилось прежде всего в попытках возрождения ранее закрытых приходов, в повышении уровня религиозной жизни в действующих церквях, стремлении расширить, благоустроить культовые здания и прилегающие к ним территории, улучшить внешний вид. Так, определенные работы были проведены в Бийске. В частности, проведено благоустройство территории, прилегающей к церкви, поставлена новая церковная ограда и административное здание. Во всех православных церквях велись работы по улучшению интерьера культовых зданий. В рамках программы предстоящего юбилея благочинному Алтайского края протоиерею Н. П. Войтовичу была предоставлена возможность принять участие в телевизионной программе краевой студии телевидения. Официальное торжество было намечено на 27 июля возложением духовенством и верующими венков к мемориалу погибшим в годы Великой Отечественной войны [Дворянчикова, Шершнева, 2018: 312].

По завершению празднования 1000-летия Крещения Руси православная церковь подавала прошения на регистрацию новых общин, возврат ранее изъятого имущества. Так, в 1989 г. Тарский горисполком принял решение о возврате здания православной церкви, в которой располагался краеведческий музей. Кроме того, горисполком решил епархии реконструкцию здания, расположенного рядом с Кафедральным собором Омска, для нового центра Омско-Тюменской епархии [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п. Л. 3]. Подобная тенденция проявлялась и в других регионах Западной Сибири. Так, с 1985 г. РПЦ Новосибирской области были возвращены соборы в Новосибирске, Кольвани, храмы в Маслянине, Куйбышеве и др. Общинам оказывалась материальная по-

мощь в восстановлении старых и строительстве новых церквей. В 1990–1991 гг. Русской православной церкви были выделены 2 автомобиля [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 302. Л. 32].

После празднования 1000-летия Крещения Руси Кафедральный собор Омска взял под контроль пять больниц. Во Дворце культуры, в музее изобразительных искусств прошли четыре концерта духовной музыки, сборы от которых пошли в Детский фонд. Кроме того, состоялись две встречи со студентами университета и ветеринарного института. 30 ноября 1988 г. по инициативе архиепископа Феодосия был проведен «круглый стол» по проблемам милосердия, участие в котором приняли представители всех конфессий (кроме мусульман), а также религиозные активисты Омска, Тюмени и Тобольска [ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 122 н. Л. 3].

В исследуемый период в Омской области православные, баптистские, лютеранские и адвентистские священнослужители много внимания уделяли благотворительной деятельности. Священнослужители работали в больницах, детских домах, домах инвалидов, местах заключения. При Кафедральном соборе Омска работали более 40 верующих — сестер, помогающих больнице № 5 и т. д. Баптистские общины оказывали материальную помощь школе-интернату № 5 в Омске, дому инвалидов в с. Кулачье. В других регионах Западной Сибири религиозные общины также включились в благотворительную деятельность. В Алтайском крае была начата работа православных церквей по шефству над домами для престарелых (с. Тальменка, Барнаул), детскими интернатами (Рубцовск, Бийск), над местами лишения свободы. Объединениями РПЦ Алтайского края в различные фонды за год пожертвовала 110 тыс. руб. [ГААК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 333. Л. 4].

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в период «перестройки» в СССР начинается процесс коренных изменений в отношениях между государством и религией. Происходит либерализация государственно-конфессиональной политики, в результате чего легально стали действовать общины, которые были закрыты ранее, зачастую без законных на то оснований. В исследуемый период в Омской области получили регистрацию православные, лютеранские религиозные общины. Важным событием исследуемого периода, продемонстрировавшим изменения в государственно-конфессиональных отношениях, стало празднование Тысячелетия крещения Руси. В 1988 г. власти активно регистрировали религиозные объединения в регионах, в том числе Омской области. В исследуемый период происходит активизация религиозной жизни в общинах, увеличение доходов, а также число верующих, присутствующих на религиозных собраниях, обрядах и праздниках. Руководство всех зарегистрированных объединений, особенно Русской православной церкви, ЕХБ, мусульман, АСД, пыталось укрепить церковь. Данная тенденция проявлялась в росте расходов на ремонт и благоустройство церковных зданий, особенно у христиан, в связи с подготовкой к 1000-летию Крещения Руси. Стоит также отметить, что местные органы власти положительно отвечали на просьбы религиозных общин о возврате культовых зданий, помощи в бытовых нуждах и т. д. В данный период религиозные общины начинают заниматься благотворительной деятельностью, социальным служением в больницах, тюрьмах. Однако в исследуемый период продолжали действовать религиозные общины, преимущественно протестантской направленности, которые негативно относились к регистра-

ции. Результатом демократизации в конфессиональной сфере стало принятие 25 октября 1990 г. Закона СССР «О свободе вероисповеданий». Религиозные объединения получили статус юридического лица, что благоприятно сказалось на их положении в регионах, в том числе в Западной Сибири.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23–18–00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

Acknowledgments

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23–18–00117 “The influence of the imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia.”

Список сокращений

ИАОО — Исторический архив Омской области

РПЦ — Русская православная церковь

АСД — Адвентисты седьмого дня

ЕХБ — Евангельские христиане — баптисты

ВСЕХБ — Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов

СЦЕХБ — Совет церквей евангельских христиан — баптистов

List of abbreviations

IAOO — Historical Archive of the Omsk region

ROC — Russian Orthodox Church

ASD — Seventh-day Adventists

EXB — Evangelical Christian Baptists

All — Union Council of Evangelical Christian Baptists

SCEHB — Council of Evangelical Christian Baptist Churches

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бессонов М. Н. Православие в наши дни. М. : Политиздат, 1990. 303 с.

Бургарт Л. А. Немцы-католики в России и СССР: некоторые аспекты проблемы этнорелигиозного меньшинства // Этнические меньшинства в истории России : материалы Второй международной научной конференции. СПб., 2021. С. 223–234.

Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 41. 1020 с.

Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1692. Оп. 1. Д. 333.

Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 302.

Дворянчикова Н. С., Шершнева Е. А. Празднование 1000-летия Крещения Руси в Алтайском крае // Религия как фактор взаимодействия цивилизаций: труды IV конгресса российских исследователей религии. Благовещенск, 2018. С. 309–314.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 2603. Оп. 1. Д. 122 н.

ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 123.

ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 ж.

ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 з.

ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 л.

ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 125 п.

ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 168.

ИАОО. Ф. 2603. Оп. 1. Д. 173.

История государственной политики СССР и России в отношении религиозных организаций в 1985–1999 гг. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 286 с.

Кашеваров А. Н. Государственно-церковные отношения в период «Перестройки» 1985–1991 гг. // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1 (215). С. 109–114.

Клименко Е. Н. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 220 с.

Конев Е. В. Немцы Западной Сибири в 1940–1990-е гг.: на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 244 с.

Лиценбергер О. А. Возрождение римско-католической и евангелическо-лютеранской церквей: религиозная жизнь российских немцев после ликвидации режима спецпоселения (1956–2002 гг.) // Немецкое население в постсталинском СССР, в странах СНГ и Балтии (1956–2000 гг.) : материалы 9-й Международной научной конференции. М., 2003. С. 264–278.

Муравская Е. А. Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений в России в XVIII–XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. 198 с.

Никольская Т. К. Возрождение или кризис? Вызовы «перестройки» в конфессиях русского протестантизма // Народы и религии Евразии. 2021. № 2 (27). С. 121–131.

Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 293 с.

Одинцов М. И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. М. : ЦИНО, 2002. 310 с.

Религиозная жизнь немецкого населения Сибири во второй половине 20 века // Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. Серия: Антология омского краеведения. Омск : Омскбланкиздат, 2015. Т. II. С. 636–637.

Фаст А. А. Советское государство, религия и церковь. 1917–1990. Документы и материалы. Барнаул : ИПП «Алтай», 2009. 704 с.

Цыпин В. История Русской Церкви. Книга девятая. 1917–1997. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. 831 с.

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. : Вече, 2010. 480 с.

REFERENCES:

Bessonov M. N. *Pravoslavie v nashi dni* [Orthodoxy today]. Moscow: Politizdat Publ., 1990, 303 p. (in Russian).

Burgart L. A. Nemcy-katoliki v Rossii i SSSR: nekotorye aspekty problemy etnoreligioznogo men'shinstva [Catholic Germans in Russia and the USSR: some aspects of the problem of the ethno-religious minority]. *Etnicheskie men'shinstva v istorii Rossii. Materialy Vtoroj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii — [Ethnic minorities in the history of Russia: Materials of the Second International Scientific Conference]*. St. Petersburg, 2021, pp. 223–234 (in Russian).

Dvoryanchikova N. S., Shershneva E. A. Prazdnovanie 1000-letiya Kreshcheniya Rusi v Altajskom krae [Celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Russia in the Altai Territory]. *Religiya kak faktor vzaimodejstviya civilizacij: Trudy IV kongressa rossijskih issledovatelej religii* [Religion as a factor in the interaction of civilizations: Proceedings of the IV Congress of Russian Researchers of Religion]. Blagoveshchensk, 2018, pp. 309–314 (in Russian).

Fast A. A. *Sovetskoe gosudarstvo, religiya i cerkov'. 1917–1990. Dokumenty i materialy* [The Soviet state, religion and the Church. 1917–1990. Documents and materials]. Barnaul: Altai Publ., 2009, 704 p. (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraja (GAAK) [State Archive of the Altai region]. Fund. 1692. Inventory. 1. File. 333 (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk region]. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 302 (in Russian).

Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk region]. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 122 n (in Russian).

IAOO. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 123 (in Russian).

IAOO. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 125 zh (in Russian).

IAOO. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 125 z (in Russian).

IAOO. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 125 l (in Russian).

IAOO. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 125 p (in Russian).

IAOO. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 168 (in Russian).

IAOO. Fund. 2603. Inventory. 1. File. 173 (in Russian).

Istoriya gosudarstvennoj politiki SSSR i Rossii v otnoshenii religioznych organizacij v 1985–1999 gg. [History of the state policy of the USSR and Russia in relation to religious organizations in 1985–1999]. Moscow: Olma media group Publ., 2010, 288 p. (in Russian).

Kashevarov A. N. Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v period “Perestrojki” 1985–1991 gg. [State-church relations during the period of Perestroika 1985–1991.]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences.], no. 1 (2015), pp. 109–114 (in Russian).

Klimenko E. N. *Vzaimootnosheniya gosudarstva i religioznych ob'edinenij v Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovye aspekty. Diss. kand. jur. nauk* [Relations between the State and Religious Associations in the Russian Federation: constitutional and legal aspects. Ph. D. Thesis in Law]. Moscow: RGUP Publ., 2007, 220 s. (in Russian).

Konev E. V. *Nemcy Zapadnoj Sibiri v 1940–1990-e gg.: Na materialah Kemerovskoj, Novosibirskoj i Tomskoj oblasti. Diss. kand. ist. nauk* [Germans of Western Siberia in the 1940s–1990s: Based on the materials of the Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk regions. Ph.D. Thesis in History]. Tomsk: TGU Publ., 2002, 244 p. (in Russian).

Litsenberger O. A. *Vozrozhdenie rimsko-katolicheskoy i evangelicheskoy lyuteranskoj cerkvej: religioznaya zhizn' rossijskih nemcev posle likvidacii rezhima specposeleniya (1956–2002 gg.)* [The revival of the Roman Catholic and Evangelical Lutheran churches: the religious life of Russian Germans after the liquidation of the special settlement regime (1956–2002)]. *Nemeckoe naselenie v poststalinskom SSSR, v stranah SNG i Baltii (1956–2000 gg.). Materialy 9-j mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [German population in the post-Stalin USSR, in the CIS countries and the Baltics (1956–2000). Proceedings of the 9th International Scientific Conference]. Moscow, 2003. 264–278 p. (in Russian).

Muravskaya E. A. *Pravovoe regulirovanie gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij v Rossii v XVIII–XX vv. Diss. kand. jur. nauk* [Legal regulation of state-confessional relations in Russia in the XVIII–XX centuries. Ph.D. Thesis in Law]. Stavropol: SGU Publ., 2002, 198 p. (in Russian).

Nikol'skaya T. K. *Russkij protestantizm i gosudarstvennaya vlast' v 1905–1991 godah* [Russian Protestantism and state power in 1905–1991]. St. Petersburg: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge Publ., 2009, 293 p. (in Russian).

Nikol'skaya T. K. *Vozrozhdenie ili krizis? Vyzovy “perestrojki” v konfessiyah russkogo protestantizma* [Revival or crisis? Challenges of “perestroika” in the confessions of Russian Protestantism]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2021, vol. 27, no. 2, pp. 121–131 (in Russian).

Odintsov M. I. *Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke: istoriya, vzaimootnosheniya s gosudarstvom i obshchestvom* [Russian Orthodox Church in the XX century: history, relationship with the state and society]. Moscow: Luch Publ., 2002, 310 p. (in Russian).

Religioznaya zhizn' nemeckogo naseleniya Sibiri vo vtoroj polovine 20 veka [Religious life of the German population of Siberia in the second half of the 20th century]. *Muzeevedenie, regional'naya istoriya i kraevedenie v sovremennyx issledovaniyax i praktikax*. [Museum studies, regional history and local history in modern research and practice]. Omsk: Omskblankizdat Publ., 2015, vol. 2, pp. 636–637 (in Russian).

Shkarovskij M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the twentieth century]. Moscow: Veche Publ., 2010, 480 p. (in Russian).

Tsy-pin, V., protoirej. *Istoriya Russkoj Cerkvi. Kniga devyataya. 1917–1997*. [The History of the Russian Church. Book nine. 1917–1997]. Moscow: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrja Publ., 1997, 832 p. (in Russian).

Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov SSSR i Verhovnogo Soveta SSSR [Gazette of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]. Moscow: Izdanie Verhovnogo Soveta SSSR Publ., 1990, 1020 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 17.11.2023

Принята к публикации: 27.02.2024

Дата публикации: 31.03.2024

УДК 297

DOI 10.14258/nreur(2024)1–10

Е. А. Шершнева*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются основные направления государственно-конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманского населения во второй половине XIX — начале XX в. на примере Восточной Сибири как одного из наиболее отдаленных регионов страны. Особенностью данного региона являлось то, что на протяжении длительного исторического периода он формировался за счет ссыльного населения, в том числе и исповедующего ислам. При подготовке работы привлечен обширный круг источников, представленных нормативно-правовыми актами, а также архивными материалами из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Красноярского края, Исторического архива Омской области, Национального архива Республики Башкортостан. Изменение социального состава мусульманского населения Восточной Сибири потребовало от правительства, и в частности, от губернских органов власти, более пристального внимания в вопросах реализации российского законодательства при решении вопросов, связанных с включением его в социально-правовое пространство региона. Изученный материал позволяет отметить, что несмотря на реформационные преобразования, происходившие в стране, правительство стремилось к тотальному контролю за жизнью своих подданных-мусульман, не учитывая зачастую региональную специфику их проживания.

Ключевые слова: мусульмане, Восточная Сибирь, государственно-конфессиональная политика, ислам, Российская империя.

Цитирование статьи:

Шершнева Е. А. Основные направления государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских общин Восточной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2024. Т. 29, № 1. С. 145–169.
DOI 10.14258/nreur(2024)1–10.

E. A. Shershneva

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE MAIN DIRECTIONS OF STATE-CONFESSIONAL POLICY TOWARDS THE MUSLIM COMMUNITIES OF EASTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY

The article delves into an analysis of the state-confessional policy of the Russian Empire concerning the Muslim population during the latter half of the 19th to the early 20th century, focusing on Eastern Siberia as a remote and distinctive region within the country. Notably, Eastern Siberia's historical development was significantly shaped by exiled populations, including individuals practicing Islam. The research draws upon a wide array of sources, encompassing normative legal documents and archival materials from institutions such as the State Archive of the Russian Federation, the State Archive of the Krasnoyarsk Territory, the Historical Archive of the Omsk Region, and the National Archive of the Republic of Bashkortostan. These sources shed light on how Eastern Siberia navigated the socio-economic and political shifts occurring in Russia during this period. The evolving social composition of the Muslim community in Eastern Siberia prompted the government, particularly provincial authorities, to carefully consider the application of Russian laws when addressing issues related to their integration into the region's socio-legal framework. Despite the ongoing reformative processes in the country, the government's approach reflected a desire for strict control over the lives of Muslim subjects, often overlooking the unique regional characteristics of their settlements.

Keywords: Muslims, Eastern Siberia, state and confessional politics, Islam, Russian Empire.

For citation:

Shershneva E. A. The main directions of state-confessional policy towards the muslim communities of Eastern Siberia in the second half of the XIX — early XX century. *Nations and religions of Eurasia*. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 145–169. DOI 10.14258/nreur(2024)1–10.

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Shershneva Elena Aleksandrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** D2703@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6766-6438>.

Введение

Российское государство на протяжении всей своей истории формировалось как многонациональное и поликонфессиональное политическое образование, в котором вероисповедная политика занимала одно из ведущих направлений. Выстраивание отношений с различными религиозными группами и институтами было направлено на сохранение и упрочнение социально-политической стабильности в государстве. К XIX в. Российская империя сформировала четырехуровневую систему государственно-конфессиональных отношений, где Русской православной церкви придавался особый статус главенствующей конфессии. На второй ступени данной иерархии располагались так называемые признанные терпимые конфессии, к которым относились католики, протестанты, буддисты, мусульмане и иудеи [Основы политики Российского государства..., 2009: 183–184]. Однако, несмотря на их признание, на отношение к представителям данных религиозных направлений оказывали влияния многие факторы как внешней, так и внутренней политики. Отношение с представителями исламской традиции заслуживало особого внимания со стороны представителей государственной власти, так как во второй половине XIX в. за счет расширения территориальных границ Российской империи численность мусульман в стране значительно увеличилась [Редкозубов, 2015: 989]. Несмотря на достаточно долгую историю существования исламского института в рамках Российского государства, ислам в определенной степени продолжал рассматриваться правительством как чужеродное явление. Однако проводимая в государстве политика в области конфессионального регулирования не предполагала насильственного искоренения ислама как религии [Алексеев, 2002: 34; Дашковский, Шершнева, 2015: 243].

Особый интерес в рамках изучения государственно-конфессиональной политики второй половины XIX — начала XX в. вызывает территория Восточной Сибири. Данный регион относился к окраинам Российской империи, а также имел специфику социального состава населения, который активно начинает меняться под влиянием модернизационных процессов, происходивших в российском обществе во второй половине XIX в. Мусульманское население, проживающее на территории Восточной Сибири, и в частности, в Енисейской губернии, принадлежало преимущественно к категории ссыльнокаторжных. Лишь после отмены крепостного права в 1861 г. на территории Енисейской губернии начинают появляться поселенцы, стремившиеся к улучшению своего материального благосостояния [Старостин, Павлинова, 2016: 63–64].

Анализ архивным материалов, представленных в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), Историческом архиве Омской области (ИАОО), Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ), а также правовых актов, позволяет оценить роль органов государственной власти в регулировании правового и социального положения мусульманских общин на территории Восточной Сибири. Изученный материал дает возможность утверждать, что увеличение численности мусульманского населения на территории Восточной Сибири потребовало от органов государственной власти, а также Оренбургского магометанского духовного собрания, более пристального внимания к вопросам, связанным с организацией жизни в регионе данной группы населения.

Роль государства в организации духовной жизни мусульманского населения Восточной Сибири

Одной из важнейших проблем, с которой сталкивалось мусульманское население Восточной Сибири, являлось удовлетворение своих духовных потребностей. Увеличение численности мусульман в регионе требовало строительства мечетей, а также назначения духовенства. Важным направлением государственно-конфессиональной политики являлся вопрос о взаимодействии власти и мусульманского духовенства. Мулла считался духовным лидером общины, как правило, выбирался из наиболее образованной части мусульманского прихода. В обязанности мусульманского духовенства входило регулирование духовной жизни общины в соответствии с нормами шариата. Мулла являлся хранителем мусульманской культуры. Кроме того, он выступал связующим звеном между общиной и органами государственной власти. В связи с этим круг должностных обязанностей мусульманского духовенства был достаточно широк и не ограничивался только исполнением религиозных треб. Возложение на муллу государственных обязанностей по ведению метрических книг, знакомство паствы с указами императора и пр., не свидетельствовали о финансовой поддержке духовного лица мусульманского вероисповедания со стороны государства. Расширяя круг должностных обязанностей мусульманского духовенства, имперская власть стремилась установить за ним контроль. Таким образом, вся процедура назначения духовного лица была прописана и закреплена на законодательном уровне. Несмотря на то, что выбиралось мусульманское духовенство членами общины, каждый кандидат должен был пройти испытание в знании основ ислама в Оренбургском магометанском духовном собрании, а затем уже утверждался в данной должности Губернским правлением. Власти тщательно следили за благонадежностью кандидатов на духовные должности. В связи с этим полицейским управлением также осуществлялся надзор за процессом избрания духовного лица [Бакиева, 2011: 15–16]. Указом от 16 июля 1888 г. были установлены требования образовательного ценза для духовных лиц мусульманского исповедания, что предполагало обязательное знание ими русского языка [ПСЗ — III. Т. VIII. № 5419].

Важная роль в реализации государственной политики отводилась Оренбургскому магометанскому духовному собранию, задачей которого явился контроль за благонадежностью мусульманского населения. Таким образом, духовным органом наряду с государственными чиновниками тщательно отслеживалось соблюдение законодательных норм при выборе духовных лиц. Данный факт подтверждается обращением муфтия в 1890 г. в Енисейское губернское правление с просьбой об оказании содействия в наведении порядка в процессе назначения на духовные должности лиц мусульманского вероисповедания [ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 282. Л. 1]. Осуществляя контроль за назначением духовных лиц, ОмДС следовало отстранять от выполнения духовных обязанностей лиц, не утвержденных в должности муллы, а в случае неподчинения отправлять их под суд [Мавлютова, 2018: 176–177].

Требования, предъявляемые к кандидатам на духовные должности, а также членам мусульманской общины, имеющим право участвовать в выборах, сделали данный вопрос весьма актуальным для мусульман Восточной Сибири, и в частности Енисейской губернии [Старостин, Павлинова, 2016: 67–68; Шершнева, 2023: 16–22]. Преставляя со-

бой преимущественно ссыльное население, лишенное ряда прав, мусульмане Енисейской губернии искали любую возможность получить духовное лицо для решения своих религиозных потребностей [Христианское просвещение..., 2012: 201–203]. Несмотря на все меры, предпринимаемые государственными органами и Оренбургским магометанским духовным собранием, в Енисейской губернии наблюдались случаи самовольного назначения муллы членами мусульманской общины [НА РБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395. Л. 2–3, 13].

Расширение должностных обязанностей муллы делали его в лице общины государственным чиновником, который мог отстаивать её интересы как перед государством, так и единоверцами. В Енисейской губернии, где социальный и этнический состав мусульманского населения не был однородным, проблема выборности духовного лица стояла очень остро. Отсутствие возможности каждого члена общины принять участие в выборах давало повод к возникновению конфликтов, которые носили затяжной характер и приводили к постоянным жалобам в органы государственной власти и ОМДС [Круз, 2020: 129; ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1463; НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087. Л. 1–2, 6–7]. При этом очень часто мусульмане, проживающие в регионе, недовольные духовным лицом, обращаясь в губернские органы власти, указывали на нарушение светского законодательства при назначении муллы или несоблюдении им возложенных со стороны государства обязанностей. Так, в обращении мусульман Енисейска в Губернское правление указывалось о судимости муллы, что являлось безусловным отказом в утверждении духовного лица в должности [ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1463]. Тесное сотрудничество Оренбургского магометанского духовного собрания с губернскими органами власти при решении вопросов, касающихся духовной жизни мусульманских приходов, постепенно ослабляло его влияние на мусульманское население. Негативно влияла на положение мусульманского духовенства его финансовая зависимость от прихожан.

Стремясь к контролю за духовной жизнью мусульманских подданных, правительство регулировало процесс строительства и ремонта культовых зданий. Ещё в первой половине XIX в. законодательством были закреплены нормы строительства мечетей, которые ставили мусульман в зависимость от губернских властей [ПСЗ — II. Т. IV. № 2902]. Процедура получения разрешения на строительство культового здания, так же, как и назначение духовного лица, была многоступенчатой. Община на общем сходе должна была составить «общественный приговор», в котором указывалась причина, по которой необходимо возведение мечети, а также подтверждалась готовность членов общины содержать культовое здание и духовенство при нем. Данный документ направлялся в Оренбургское магометанское духовное собрание, которое в случае положительного решения направляло прошение в губернское правление. Сам проект мечети также должен был согласовываться с губернскими властями, и только после этого допускалось начало строительства [Старостин, 2019: 174].

Потребность мусульман в возведении мечети объяснялась тем, что она являлась не только культовым сооружением, но и административным центром общины. Возведение культового здания давало возможность общине выбрать духовное лицо и свидетельствовало о легализации правового статуса мусульманского прихода. Однако установленный законодательством норматив численности мусульманского прихода ограни-

чивал мусульман в возведении культового сооружения. Несмотря на жалобы мусульман на введенные требования, норматив, допускающий возведение культового здания при наличии 200 человек мужского пола, получил законодательное закрепление в начале XX в. [Загидуллин, 2008; Устав строительный, 1912: 208–242].

На протяжении длительного периода мусульманское население Енисейской губернии формировалось за счет ссыльных. В связи с этим в регионе долгое время отсутствовали мечети и духовенство [Брюханова, Неженцева, Чекрыжова, 2021: 141; Ярков, Старостин, 2021: 198]. Однако начавшиеся во второй половине XIX в. переселенческие процессы привели к увеличению численности мусульманского населения в губернии, что способствовало оживлению религиозной жизни [Памятная книжка Енисейской губернии..., 1865: 188; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи..., 1904. Кн. 73: 50–51; Ярков, Старостин, 2021: 47, 199]. В регионе начинают появляться культовые здания, а вместе с ними и духовенство. Так, если в 1830-е гг., согласно сведениям Енисейского губернатора, в регионе не было ни одной мечети, то в 1880-е гг. появляются упоминания о культовых сооружениях. А к началу XX в. в губернии насчитывалось уже 13 мечетей [Старостин, Павлинова, 2016: 64; Ярков, Старостин, 2021: 198; ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 1624].

Несмотря на стремление государства контролировать процесс организации духовной жизни мусульман, все культовые здания возводились и содержались за счет самой общины либо на средства жертвователей. В связи с этим только появление переселенцев могло способствовать строительству мечетей в Енисейской губернии. Несмотря на возросшую потребность мусульманского населения Енисейской губернии в увеличении числа мечетей, процесс получения разрешения на их строительства никак не ускорялся. Данный факт подтверждается прошением о строительстве мечети мусульманами Енисейска. Получение разрешения на строительство культового здания заняло у общины более 20 лет [ГАКК. Ф. 595. Оп. 60. Д. 191].

Оренбургское магометанское духовное собрание, находясь в тесном контакте с губернскими властями в вопросах организации духовной жизни мусульманского населения Восточной Сибири, далеко не всегда интересовалось их потребностями при выдаче разрешений на строительство культовых зданий. Духовный орган часто интересовал только статистические сведения, которые позволили бы определить возможное количество приходов на основании действующих законодательных норм [Дашковский, Шершнёва, 2020: 250–257; НА РБ. Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087]. При этом именно на Оренбургское магометанское духовное собрание возлагалась обязанность по оценке возможного строительства мечети [ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4381]. Наряду с губернскими органами власти и Оренбургским магометанским духовным собранием в вопросе о предоставлении разрешения на строительство мечети принимал представитель Русской православной церкви, а точнее, епископ. Со своей стороны, духовное лицо должно было подтвердить, что строительство мечети не будет оказывать вредного влияния на духовно-нравственный быт христиан [ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5934. Л. 51].

Сложности в получении разрешения на строительство культовых зданий приводили к самовольному строительству культовых зданий. Данный факт подтверждается строительством мечети в селе Рождественском Канского уезда [ГАКК. Ф. 595. Оп. 6.

Д. 165]. Кроме того, с целью ускорения процедуры получения разрешения на строительство мечети мусульмане Енисейской губернии неоднократно обращались в губернские органы власти за предоставлением им типового проекта мечети. Данный факт объясняет также и недостаточную финансовую обеспеченность приходов, так как создание собственного проекта требовало дополнительных финансовых вложений [ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 801. Л. 1; ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 869].

Принятый 17 апреля 1905 г. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» [ПСЗ — III. Т. XXV. № 26125] должен был решить вопросы организации духовной жизни мусульманского населения, в том числе проживающего на территории Восточной Сибири. Однако, несмотря на принятый законодательный акт, а также собранное в ноябре 1905 г. Особое совещание по вопросам вероисповедания, действующие законодательные нормы, регламентирующие вопрос организации духовной жизни мусульманского населения, остались неизменными [Особое Совещание по мусульманским..., 2011].

Административно-хозяйственное устройство мусульманских общин на территории Восточной Сибири

Социально-экономические преобразования, начавшиеся в стране во второй половине XIX в., не были лишены конфессиональной окраски и оказали существенное влияние на население Восточной Сибири. Долгое время данный регион, формирующийся за счет ссылки, представлял собой территорию, заселенную достаточно неоднородно как в социальном, так и этническом планах. В Восточную Сибирь, как правило, ссылались мусульмане, совершившие особо тяжкие преступления. Несмотря на наметившиеся преобразования в стране, Восточная Сибирь, в частности Енисейская губерния, во второй половине XIX в. продолжала рассматриваться государственными чиновниками как наиболее подходящий регион для высылки неблагонадежного мусульманского населения [Литвинов, 2015: 76; ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4610. Л. 1а-2; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 212. Д. 224; ГА РФ. Ф. 109. Оп. 212. Д. 268].

Таким образом, начатая М. М. Сперанским реформа аграрно-административного устройства Сибири затрагивала устройство жизни, в том числе и ссыльного мусульманского населения. Принятые «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах» сочетались с другими законами, направленными на реформирование Сибирского края [Дамешек, 2018б: 246]. Организация административного устройства ссыльных выстраивалась по принципам обществ, к которым они причислялись [Дамешек, 2018а: 379]. Основная часть мусульманского населения, оставшаяся в Сибири после отбывания наказания, причисляла себя и свое потомство к податному сословию. Ссыльных старались селить в отдалённые места, тем самым обеспечивая некоторую безопасность местному населению, а также осваивая малообжитые земли. Данная тенденция сохранялась и в период начавшихся в стране реформ [Ярков, 2017: 266].

Мусульмане, оказывающиеся на территории Сибири, независимо от своего социального статуса, стремились к воссозданию привычного для себя уклада жизни путем объединения в общины по религиозному принципу [Нам, 2014: 37]. Так, пытаясь легализовать свое положение в Енисейской губернии, ссыльные из мусульман подавали прошения о причислении их к общинам старожилов [ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 152. Л. 1, 7].

Увеличению мусульманских общин на территории Восточной Сибири способствовали и переселенческие процессы второй половины XIX — начала XX в. [Константинова, Бондаренко, 2018: 4].

Однако, несмотря на увеличение численности мусульманского населения в рассматриваемом регионе и его стремление к консолидации, аграрные реформы XIX в. были направлены на его слияние с русским крестьянским населением [Положение об инородцах 1892 года, 1912: 532]. Согласно «Положению об инородцах» предусматривалось причисление оседлых инородцев к русским деревням в том случае, если количество душ в них считалось недостаточным для создания особой волости [Бакиева, 2003: 52]. Со второй половины XIX в. в Российской империи наблюдается определенное ужесточение политики в отношении мусульманских народов. В хозяйственном плане это выразилось в том, что аборигенное население должно было подчиняться общим крестьянским законам и учреждениям.

Принятый ещё в 1822 г. Устав «Об управлении инородцев» регламентировал систему управления аборигенным населением Сибири. До принятия данного документа аборигены имели свою издревле сложившуюся систему управления. Так, татары представляли замкнутую и обособленную общину, все вопросы в которой решались на общих сходах-собраниях. По новому закону в XIX в. татары должны были создавать свои волостные управления. Во главе волостного управления, по принципу русских волостей, избирался волостной голова сроком на три года. Голова в свою очередь получал жалованье за службу. Однако данное государственное устройство было воспринято не всеми общинами, что не остановило продолжающейся реформы в сфере административного устройства сибирских татар [Бакиева, 2003: 74–75]. В июне 1853 г. было выпущено положение Сибирского комитета о порядке избрания инородцев, к которым преимущественно и относилось мусульманское население Западной и Восточной Сибири, на должности. В рамках принятого постановления избираться на общественные должности могли инородцы, достигшие 21 года, имеющие собственное хозяйство и ведущие добропорядочный образ жизни [Дамешек, Жалсанова, Курас, 2020: 233–234]. Мусульманское население, проживающее в Сибири, на основании вводимых ограничений лишалось права занимать общественные должности. Для мусульманского населения Восточной Сибири данное требование было практически непреодолимым в связи с его социально-экономическим положением.

Проводимые в аграрном секторе страны реформы предполагали глубокие преобразования, которые затрагивали мусульманские общины, проживающие на территории Восточной Сибири. Главной задачей правительства было преобразование административной системы управления инородческого населения. Предложенные иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым преобразования легли в основу закона от 2 июня 1898 г., получившего название «Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской» [ПСЗ — III. Т. XVIII. Ч. 1. № 15503]. Согласно данному законодательному акту, возрастала роль крестьянских начальников в судебных делах, а также на них возлагался полицейский надзор. Крестьянские начальники по данному закону наделялись административными правами в отношении всех должностных лиц сельского самоуправления. Расши-

рение должностных полномочий крестьянских начальников не решало проблем, возникающих в полиэтничном пространстве Восточной Сибири [Дамешек, 2018а: 358]. Особое внимание уделялось благонадежности лиц, назначаемых на данные должности. Сложность представлял вопрос вероисповедания для лиц, назначаемых на должности крестьянских начальников, а также их образовательный ценз. В Сибири существовали некоторые послабления, касающиеся образовательного ценза крестьянских начальников [РГИА. Ф. 1291. Оп. 66. Д. 55. Л. 18–19; Дамешек, 2018а: 359; Федорова, 2023: 495]. Проводимые административные реформы сокращали функционал сельских сходов и старост, что приводило к отсутствию желания занимать данную должность. Таким образом, уже к началу XX в. на должности сельских старост в Енисейской губернии были вынуждены назначать ссыльнопоселенцев [Федорова, 2023: 500–501].

В рамках проводимых реформ правительство ставило одной из главных своих задач сближение мусульман с русским населением в организации быта и самоуправления общины. Слиянию с русским населением способствовало не только изменение по русскому образцу инородческой системы управления, но и уравнивание мусульманского населения, занятого в аграрном секторе страны, в правах с крестьянами. Таким образом, татары уравнивались в выплате податей и выполнении повинностей, за исключением рекрутской, с русским крестьянским населением. Все подати собирались со всей общины, таким образом, она была связана круговой порукой [Бакиева, 2003: 129–130]. Следует, однако, отметить, что значительная часть мусульманского населения Енисейской губернии была вовлечена в наемный труд и ремесленное производство. Незаинтересованность в организации крестьянских хозяйств оказывала влияние на выстраивание поземельных отношений в регионе. Так, в Енисейской губернии земельные тяжбы не были частым явлением [Карих, 2008: 64]. Несмотря на это, проводимые в аграрном секторе страны реформы оказали влияние на рост этнического самосознания в мусульманской среде.

Включение мусульман в судебную систему Российской империи

Стремясь изменить уклад жизни мусульманского населения страны, российским правительством, наряду с реформированием административного устройства мусульманских общин, была проведена судебная реформа. В рамках проводимой судебной реформы 20 ноября 1864 г. были утверждены Судебные уставы. В данный документ вошло 4 законодательных акта: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Таким образом, новая судебная система принимала вид бессословной, а система общих и мировых судов становилась единой для всех подданных Российской империи [Верняев, 2021: 78; ПСЗ — II. Т. XXXIX. Ч. 2. № 41475]. Позднее, в 1885 г., были приняты Временные правила о внесении изменений в судопроизводство Томской и Тобольской губерний, Восточной Сибири и Приамурского края. Согласно принятым правилам, все жалобы на волостные управы и суды рассматривались окружными судами. Однако окружной суд рассматривал только те дела, которые прошли все низшие судебные инстанции основании гражданского судопроизводства. Инородные управы, в которых проживало в том числе и мусульманское население.

ние, напрямую подчинялись окружным судам. Все жалобы рассматривались в годичный срок, по истечении которого никакие претензии уже не принимались [Дамешек, Жалсанова, Курас, 2020: 240–241].

Для народов Сибири, исповедующих ислам, разрешалось сохранять нормы обычаев при решении ряда вопросов. Однако основным документом, регламентирующим отношение мусульман с административными органами, который также определял их взаимодействие с правоохранительными органами по охране общественного порядка, было «Положение об инородцах» (1892 г.) [Петровский, 2021: 90].

Несмотря на попытки внедрения общегражданского судопроизводства, на протяжении всего пореформенного периода судебную функцию по-прежнему на территории Сибири выполняло духовенство. Мусульманское духовенство, пользующееся авторитетом среди прихожан и принимающее активное участие во всех делах общины, являлось судом первой инстанции. Учитывая такое отношение со стороны мусульманского населения к представителям духовенства, а также взятый правительством курс на постепенное внедрение светской судебной системы в исламскую среду, муллы и ахуны продолжали осуществлять свои судебные функции на законном основании. Муллы привлекались светскими властями для решения судебных тяжб и разбирательств преимущественно в вопросах семейного и наследственного права [Бакиева, 2003]. В связи с тем, что мусульманское духовенство выстраивало судебную систему, основываясь на нормах Шариата, то для него существовал ряд ограничений. Им запрещалось применение телесных наказаний либо каким-то образом позорящих действий в отношении привлеченного к ответственности. Духовенство должно было ограничиваться только увещанием. Ограничивалось духовенство и в характере рассматриваемых дел. Так, из его ведения изымались дела гражданские и уголовные, касающиеся хищения имущества и нанесения личных обид [Тур, 2021: 79].

Особая роль отводилась мусульманскому духовенству в вопросах формирования антикриминального сознания населения. Власти стремились обосновать необходимость и справедливость создаваемой системы уголовного судопроизводства, чему могла способствовать поддержка со стороны также и мусульманского духовенства. Начиная с XVIII в. муллы были включены в общую профилактическую систему полицейского надзора за гражданами [Петровский, 2021: 89]. Однако, что касается пенитенциарной системы, то положение мусульманского духовенства здесь долгое время оставалось нерегламентированным. Практически до начала XX в. мусульманское духовенство не имело определенного статуса в уголовно-исполнительной системе Российской империи. Связано это было также и с тем фактом, что по всей России процент заключенных мусульман долгое время был незначительным, что позволяло правительству игнорировать религиозные права заключенных-мусульман, в том числе и на территории Восточной Сибири [Усманова, 2023: 189; ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 12].

Важное место в отношении мусульманского населения региона занимало уголовное судопроизводство, основывающееся на принятых в процессе реформы 1864 г. нормах. Однако для ряда областей были приняты некоторые послабления относительно общего уголовного законодательства. Разрешалось использовать в инородческих и горских судах нормы обычного и конфессионального уголовного права в делах инородческого

населения. При этом данные дела должны были затрагивать только инородческое население на территориях их постоянного проживания [Верняев, 2021: 254].

Влияние государства на организацию благотворительности мусульманами Восточной Сибири

Неотъемлемой частью жизни мусульманских общин являлась благотворительная деятельность. Согласно религиозной традиции и нормам мусульманского права, каждый мусульманин, имеющий финансовую возможность, обязан оказывать помощь своим единоверцам. С изменением социально-экономического благосостояния мусульманского населения Восточной Сибири во второй половине XIX в. вопрос организации благотворительной деятельности становится актуальным. Мусульмане, добровольно переселившиеся на территорию Сибири, стремились к организации духовной жизни, в том числе и через институт пожертвований. Наиболее обеспеченными членами мусульманских общин осуществлялись пожертвования на строительство мечетей, а также содержание духовенства при них [ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11148]. Однако отсутствие в Российской империи законодательного регулирования благотворительной деятельности мусульманского населения осложняло данный процесс.

В рамках модернизационных процессов, происходивших в российском обществе, муфтием М. Султановым в 1894 г. были разработаны правила по легализации вакфа. Муфтием было предложено определить правовой статус такого вида пожертвований на основе правовых норм российского законодательства [Загидуллин, 2015: 48–49]. Однако данная форма благотворительности так и не нашла своего законодательного оформления.

К началу XX в. в мусульманской среде появляется возможность организации новой формы благотворительности, основанной на светском законодательстве. Включенность мусульман в данный вид социальной деятельности приводит к созданию благотворительных обществ. Наиболее активно работа по созданию благотворительных организаций начинается с принятием закона от 4 марта 1906 г. «Временные правила об обществах и союзах» [ПСЗ — III. Т. XXVI. Ч. 1. № 27479]. Благодаря данному законодательному акту на территории Восточной Сибири, а именно в Иркутске, Красноярске и Ачинске, были открыты общества попечения об учащихся-мусульманах [Нам, 2009: 76]. В данный период на имя губернатора Енисейской губернии начинают поступать прошения об открытии благотворительных организаций, деятельность которых была ориентирована на поддержку малоимущего населения, а также удовлетворение образовательных и духовных потребностей мусульманских общин региона [ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 807. Л. 1–3 об.; Ф. 595. Оп. 35. Д. 728].

В то же время нужно отметить, что власти были озабочены возросшей ролью благотворительных обществ, которые оказывали влияние на мусульманское население страны и способствовали формированию активной политической позиции в обществе. В связи с этим в начале XX в. в ряде регионов было отказано в открытии библиотек и читален для мусульманского населения. Со стороны государства в рамках борьбы с панисламистскими идеями 20 января 1910 г. было издано Циркулярное распоряжение министра внутренних дел П. А. Столыпина, согласно которому губернаторам и градоначальникам следовало более пристально знакомиться с деятельностью му-

сульманских обществ с целью прекращения их функционирования [Амелин, Денисов, Маргунов, 2014: 199–200].

В 1912 г. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий было направлено отношение Енисейскому губернатору с запросом о наличии в губернии приходских попечительских организаций. В запросе указывалось на то, что в некоторых регионах Российской империи имелись подобные мусульманские общества, хотя действующее законодательство не предусматривало существование никаких общественных или благотворительных организаций при приходах [ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 645. Л. 1]. Таким образом, получив законное право на создание благотворительных обществ, мусульманское население Восточной Сибири было по-прежнему ограничено светскими органами государственной власти в осуществлении данного вида деятельности.

Роль РПЦ в процессе включение мусульманского населения Восточной Сибири в социокультурное пространство Российской империи

Особое место в конфессиональной политике Российского государства отводилось проблеме распространения православия среди инородческого населения окраин империи. Принятие православия аборигенами рассматривалось как составной элемент политики интеграции, а также важный социокультурный процесс. Таким образом, православная церковь как часть государственного организма взяла на себя задачу по унификации инородческого населения и приведения его к единой государственной вере. В XIX в. на территории Сибири начинает активно развиваться миссионерская деятельность Русской православной церкви, а также формируется разветвленная система управления ее приходами в рамках епархий. На протяжении всего XIX в. наблюдается значительный рост числа епархий и церквей на территории Сибири. Одной из наиболее крупных православных епархий на территории Сибири в данный период становится Енисейская, в рамках которой функционировало 12 миссионерских приходов [Дамешек, 2018а: 335].

К началу XX в. на территории Сибири действовало восемь православных миссий, наиболее крупными из которых считались Алтайская, Иркутская и Забайкальская [Сибирь в составе Российской империи, 2007: 219]. При этом задачей миссионеров в данный период становится не только крещение, но и приобщение новообращенных к православной традиции. К тому же обращение в православие рассматривалось государством как приобщение к русской культуре, а также способствовало, по мнению чиновников, формированию гражданской идентичности.

Для мусульманского населения Восточной Сибири принятие православия очень часто было сопряжено с решением экономических проблем, так как миссионер обязан был после крещения решить некоторые проблемы, связанные с устройством жизни новокрещенного. Данное утверждение находит подтверждение в тех фактах, что когда жизнь среди единоверцев налаживалась, снижалось количество желающих принять православие. Несмотря на это церковные деятели, среди которых был архиепископ Иркутский и Нерчинский Парфений (Попов), обращали внимание на то, что задачей миссионеров является именно забота о благосостоянии новокрещенных [Шумская, 2013: 38–39]. Нередким явлением в Восточной Сибири было желание принять православие ссыльными мусульманами, которые стремились к решению не только своих экономических, но и духовных потребностей [ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2485. Л. 1, 7–8; Ф. 674.

Оп. 1. Д. 2870]. Однако несмотря на поддержку со стороны государства, переход в православие мусульманского населения, в том числе и на территории Восточной Сибири, не был массовым [Дашковский, Шершнева, 2021: 97–99].

Несмотря на то, что крещение мусульманского населения рассматривалось как дело государственной важности, сама процедура крещения была достаточно регламентированной. В рамках данной процедуры священник должен был подать прошение епископу, чтобы получить разрешение на крещение. Желаящий принять православие мусульманин должен был оставить «показания» о своем добровольном желании принять новую веру и готовности в ней оставаться до конца жизни. Такой алгоритм строго соблюдался в Енисейской губернии [ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 693; Ф. 674. Оп. 1. Д. 1150. Л. 1–2; Ф. 674. Оп. 1. Д. 3226; Ф. 674. Оп. 1. Д. 3227]. Несмотря на регламентацию процедуры принятия православия, особой проблемой являлось неприятие мусульманским крещеным населением христианской догматики. Крестившись, мусульмане зачастую оставались верны своим традициям.

Во второй половине XIX в. в среде крещеного мусульманской населения начинает усиливаться тенденция на возвращение в ислам. Данный процесс затрагивал всю территорию Российской империи и имел несколько этапов. Начавшись на территории Поволжья и Урала, в него постепенно оказалось вовлечено население Сибири. Несмотря на заинтересованность правительства в процессе христианизации мусульманского населения, во второй половине XIX в. принимаются постановления об отмене ряда льгот для лиц, принимающих православие [ПСЗ — II. Т. ХLI. № 43138]. Священники, стремясь сдерживать процесс перехода в ислам крещеного населения, должны были прибегать к увещаниям, а также допускалось обращение в инородные управы. Так, волостные начальники должны были принуждать к исполнению христианского долга инородца, уклоняющегося от соблюдения религиозных обрядов [Конев, 2008: 319].

Усилил процесс «отступничества» из православия принятый в 1905 г. Указ «Об укреплении начал веротерпимости». После принятия данного нормативного акта вопрос о методах ведения миссионерской деятельности среди мусульман стал ещё более актуальным. Отступничество от православия не являлось в Российской империи делом сугубо церковным. Дела, касающиеся перехода в ислам, рассматривались с особой тщательностью и привлечением губернских властей [ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 901; Ф. 595. Оп. 13. Д. 147]. В 1905 г. Министерством внутренних дел было сделано циркулярное предписание, согласно которому лица, желающие перейти из православия в иную конфессию, обязаны были написать прошение на имя губернатора, а уже затем проводилось расследование о том, какого вероисповедания были предки просящего, уклонялся ли он от исполнения христианских обрядов [ГАКК. Ф. 595 Оп. 13. Д. 147. Л. 12–12об.]. Таким образом, правительство всячески старалось оказать поддержку церкви в сохранении её паствы и вернуть отступников в православие.

Несмотря на разрешение крещеным мусульманам переходить в ислам, губернские власти так и не получили четких разъяснений о нормах таких переходов. Данные обстоятельства усложняли процесс законодательного закрепления права перехода за инородцами в ислам со стороны региональных властей, так как они не совсем понимали, как им действовать. В связи с этим интересен факт, что 16–21 сентября 1905 г. Енисей-

ский губернатор подготовил циркуляр. В нем как раз говорилось, что в связи с принятием нового закона многие не окрепшие в православной вере подали прошения о причислении их к другим вероисповеданиям. Поскольку разъяснения к указу отсутствовали, оставалось непонятным, как оформлять «отпадение» от православия [ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 601. Л. 5]. Согласно указу Святейшего Синода «О порядке перехода православных лиц в инославные и иноверные исповедания» практику «пасторского увещевания» следовало сохранять неизменной, не разрешать свободный переход в другую конфессию. Данные рекомендации были впоследствии узаконены министром внутренних дел П. А. Столыпиным, который издал 5 ноября 1907 г. Циркулярное распоряжение всем губернаторам [Литвиненко, 2022: 43; Недземлюк, 2019: 135–136].

С изданием Указа «Об укреплении начал веротерпимости» стали выявляться истинные причины принятия православия мусульманским населением, в том числе и на территории Енисейской губернии. Были также выявлены случаи закрепления за православными приходами лиц мусульманского вероисповедания без их согласия [ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 122]. Однако, несмотря на выявление незаконного причисления мусульман в православное вероисповедание, а также утверждение норм, регламентирующих возвращение в ислам крещеного населения, получение разрешения на принятие ислама оставалось в ведении губернского начальств. Данный факт подтверждается обращениями, направленными Енисейскому губернатору о разрешении причислить к исламу взятого на воспитание ребенка, а также изменить вероисповедание лицам, желающим вступить в брак с мусульманином [ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 914; Ф. 595. Оп. 13. Д. 147].

Заключение

Таким образом, несмотря на начавшиеся в стране во второй половине XIX — начале XX в. социально-экономические и политические преобразования, отношение к мусульманскому населению империи по-прежнему оставалось настороженным. Правительство стремилось интегрировать мусульманское население в российское социокультурное и правовое пространство путем приобщения его к русской культуре и быту. Особый интерес с точки зрения реализации государственно-конфессиональной политики в отношении мусульман представляет территория Восточной Сибири. Данный регион на протяжении длительного периода формировался за счет ссыльного компонента, что позволяло правительству игнорировать духовные потребности мусульманского населения. С начавшимися в стране во второй половине XIX в. переселенческими процессами на территории Восточной Сибири отмечается рост численности мусульманского населения, а параллельно с этим возрастает стремление мусульман к организации своей духовной жизни. В рамках российского законодательства были полностью регламентированы нормы культового строительства, а также избрания лиц духовного звания мусульманского вероисповедания. Важное значение в данном процессе отводилось губернским органам власти, а также Оренбургскому магометанскому духовному собранию, которое в данном случае выполняло надзорную функцию, часто не учитывая интересов самого мусульманского населения региона. Специфика социального состава мусульманского населения Восточной Сибири, в частности Енисейской губернии, приводила к частым конфликтам внутри самих общин в вопросах избрания духовного лица. Не меньшую сложность представляло и возведение культовых зданий, так как несмотря

на возросшее число последователей исламской традиции в регионе, губернские органы власти старались сдерживать процесс культового строительства. В некоторых случаях для получения разрешения на строительство мечети уходило до 20 лет.

К началу XX в. способствовать удовлетворению духовных нужд мусульманского населения могли организованные благотворительные организации. Несмотря на то, что благотворительность являлась одной из основ исламского вероучения, мусульмане Российской империи долгое время были лишены возможности осуществлять её на законодательном уровне. Однако, узаконив создание мусульманских благотворительных организаций, правительство стремилось к максимальному контролю за их деятельностью в регионе.

Проводимые в стране судебная и аграрная реформы также имели конфессиональный оттенок. Создание новой системы административного управления приводило к включению мусульманского населения Восточной Сибири в административно-правовое пространство по принципу уравнивания его с крестьянским населением. Относительно небольшая численность мусульман в регионе, а также статус ссыльных лишали их возможности организации моноконфессиональных административных образований. Однако, несмотря на реформы в области судопроизводства, за мусульманами оставалось право решения некоторых конфликтов с привлечением конфессионального права и при помощи духовного лица.

Анализируя социально-экономическое положение мусульманского населения Восточной Сибири, можно выделить роль Русской православной церкви в его адаптации в регионе. Правительство видело в миссионерской деятельности инструмент интеграции мусульман в социокультурное пространство империи. Однако следует отметить, что принятие православия мусульманским населением Восточной Сибири не имело массового характера, а принятие в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» привело к массовому «отпадению» в ислам. Несмотря на принятие данного закона, государство по-прежнему видело своей задачей осуществление поддержки Русской православной церкви. Для того, чтобы принять ислам, желающие это сделать должны были обратиться к губернатору. При этом данный вопрос решался обязательно с участием светских чиновников. Несмотря на достаточно сложное положение и активное вмешательство государства во все сферы социально-экономической и духовной жизни, мусульманское население на территории Восточной Сибири придерживалось своих религиозных убеждений и стремилось к решению вопросов, связанных с удовлетворением своих религиозных потребностей.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23–18–00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23–18–00117 “The impact of the Imperial policy of acculturation and the Soviet model of state-confessional

relations on the situation of religious communities in the border regions and national autonomies of the Asian part of Russia.”

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев И. Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX — начале XX вв. (к вопросу о взаимоотношении цивилизационных логик российской истории) // Религиоведение. 2002. № 2. С. 29–40.

Амелин В. В., Денисов Д. Н., Маргунов К. А. Ислам в конфессиональном пространстве Оренбургского края. Оренбург : Университет, 2014. 304 с.

Бакиева Г. Т. Сельская община тоболо-иртышских татар (XVIII — начало XX в.). Тюмень : Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2003. 258 с.

Бакиева Г. Т. Мусульманское духовенство у сибирских татар в XIX — начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII — начале XX вв. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 12–27.

Брюханова Е. А., Неженцева Н. В., Чекрыжова О. И. Мусульманское население в городах Сибири: по материалам переписи 1897 года // Журнал фронтирных исследований. 2021. № 4. С. 135–154.

Верняев И. И. Историческая динамика судебной-правовой интеграции Российской империи. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2021. 640 с.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. Оп. 212. Д. 224.

ГА РФ. Ф. 109. Оп. 212. Д. 268.

Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 32. Оп. 1. Д. 12.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 1624.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 2. Д. 4381.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 6. Д. 165.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 45.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 122.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 8. Д. 5934.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 13. Д. 147.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 14. Д. 11148.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 282.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 16. Д. 1463.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 152.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 807.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 35. Д. 728.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 601.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 901.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 914

ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 801.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 869.

ГАКК. Ф. 595. Оп. 60. Д. 191.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 693.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 1150.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2485.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 2870.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3226.

ГАКК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3227.

Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск : Оттиск, 2018 а. Т. 2. 416 с.

Дамешек Л. М. Сибирские окраины Российской империи (XVIII — начало XX в.). Иркутск : Оттиск, 2018 б. Т. 3. 256 с.

Дамешек Л. М., Жалсанова Б. Ц., Курас Л. В. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX — начало XX вв.). Иркутск : Оттиск, 2020. 740 с.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2015. Вып. VIII. С. 242–264.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Организация духовной жизни мусульманского населения Енисейской губернии в контексте государственно-конфессиональной политики во второй половине XIX — начала XX вв. // Былые годы. 2020. № 1. С. 250–257.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Процесс обращения в христианство инородцев и проблема обратного перехода в ислам во второй половине XIX — начале XX в. в Южной Сибири (на примере Енисейской губернии) // Вопросы истории. 2021. № 10. С. 97–99.

Загидуллин И. К. Особенности организации религиозно-обрядовой жизни рабочих татар-мусульман в Европейской части России и Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) // Мир ислама. 2008. № 1. URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17-12008№> (дата обращения: 12.01.2015).

Загидуллин И. К. Уфимский курултай 1905 года. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 327 с.

Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 4610.

Карих Е. В. Поземельные отношения в Енисейской губернии между коренным и пришлым населением во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 64–66.

Конев А. Ю. Влияние религиозного фактора на правовой статус сибирских аборигенов (XVIII–XIX вв.) // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX в.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 303–319.

Константинова Н. А., Бондаренко О. В. Этнический состав мусульман Восточной Сибири на рубеже XIX–XX веков // The oriesandProblemsofPolitical Studies. 2018. Т. 7. Is. 3A. С. 3–7.

Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 475 с.

Литвиненко П. В. Странные неопиты ислама: переход христиан в ислам в русском Туркестане // История: факты и символы. 2022. № 3. С. 36–51.

Литвинов В. П. О высылке «вредных» мусульман из царского Туркестана (по архивным материалам) // Вестник КРСУ. 2015. Т. 15. № 6. С. 73–77.

Мавлютова Г. Ш. Правовой статус мусульманского духовенства Тобольской губернии в конце XVIII — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4. С. 175–183.

Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. 295. Оп. 3. Д. 6087.

НАРБ. Ф. 295. Оп. 4. Д. 12395.

Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. 496 с.

Нам И. В. Институционализация этничности в сибирском переселенческом обществе (конец XIX — начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. Т. 10. С. 34–49.

Недзелюк Т. Г. Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. Т. 21. № 4. С. 128–139.

Основы политики Российского государства в сфере свободы совести и вероисповедания (концепция) // Вопросы религии и религиоведения. Приложение к журналу «Государство, религия, церковь». М. : МедиаПром: Изд-во РАГС, 2009. Ч. 4, вып. 1. С. 183–184.

Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы. Казань : Ихлас: Изд-во Института истории АН РТ, 2011. 295 с.

Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 г. СПб. : Типография К. Вульфа, 1865. 345 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб. : изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1904. Т. LXXXIII: Енисейская губерния. 185 с.

Петровский А. В. Взаимодействие традиционных и религиозных нормативных институтов предупреждения преступного поведения с законодательством Российской империи в XIX — начале XX в. // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 9. С. 88–93.

Положение об инородцах 1892 года // Свод законов Российской империи. СПб. : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. Т. 2. С. 531–586.

ПСЗ — II. Т. IV. № 2902.

ПСЗ — II. Т. XLI. № 43138.

ПСЗ — II. Т. XXXIX. Ч. 2. № 41475.

ПСЗ — III. Т. VIII. № 5419.

ПСЗ — III. Т. XVIII. Ч. 1. № 15503.

ПСЗ — III. Т. XXV. № 26125.

ПСЗ — III. Т. XXVI. Ч. 1. № 27479.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 66. Д. 55.

Редкозубов А. Д. Ислам в Российской империи // Humanityspace. Inernetionalalmanac. 2015. Vol. 4. No 5. С. 987–993.

Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Старостин А. Н. Формирование мусульманских общин в горнозаводских поселениях Урала и Сибири в конце XIX — начале XX в. // Известия УГГУ. 2019. Вып. 2 (54). С. 173–180.

Старостин А. Н., Павлинова Р. Н. Мечети и имамы Восточной Сибири и Дальнего Востока России в конце XIX — начале XX века: попытка социоисторического анализа // Ислам в Сибири: вызовы времени. Омск : Омский государственный техн. ун-т, 2016. С. 63–69.

Тур В. Г. Конфессиональная судебная система Российской империи середины XIX в.: история и современные проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. 2021. Юридические науки. Т. 7 (73). № 1. С. 74–85.

Усманова Д. М. Мусульманин в пенитенциарной системе Российской империи: свидетельства татарских эго-документов начала XX столетия // Вестник РУДН. 2023. Серия: История России. Vol. 22. № 2. С. 188–206.

Устав строительный. 1900 г. // Свод законов Российской империи. СПб. : Русское Книжное Товарищество «Деятель», 1912. Т. 12. С. 208–242.

Федорова В. И. Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 489–508

Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX — начале XX вв.: сборник материалов и документов. Казань : Ихлас, 2012. 412 с.

Шершнева Е. А. Положение мулл в мусульманских общинах Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. // Этнические меньшинства в истории России: материалы IV Международной научной конференции. СПб., 2023. С. 16–22.

Шумская Е. М. Проблемы принятия православия нехристианским населением Оренбургской епархии (вторая половина XIX — начало XX века) // Гороховские чтения. Материалы IV региональной музейной конференции. Челябинск : Челябинский гос. краеведческий музей, 2013. С. 36–46.

Ярков А. П. Маргиналы уммы азиатской части России в XIX — начале XXI в. // Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.). Новосибирск : Параллель, 2017. С. 264–268.

Ярков А. П., Старостин А. Н. Ислам от Урала до Камчатки в панораме веков. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2021. 300 с.

REFERENCES

Alekseev I. L. Nekotorye osobennosti istoricheskoi ehvolyutsii I politiko-pravovogo polozheniya Islama I musul'man v Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX vv. (k voprosu o vzaimootnoshenii tsivilizatsionnykh logic rossiiskoi istorii). [Some features of the historical evolution and political and legal status of Islam and Muslims in the Russian Empire in the XIX — early XX centuries. (on the question of the relationship of the civilizational logics of Russian history)]. *Religiovedenie* [Religious Studies]. 2002, no. 2, pp. 29–40 (in Russian).

Amelin V. V., Denisov D. N., Margunov K. A. *Islam v konfessional'nom prostranstve Orenburgskogo kraja* [Islam in the confessional space of the Orenburg region]. Orenburg: University, 2014, 304 p. (in Russian).

Bakieva G. T. *Sel'skaya obshchina tobolo-irtyshskikh tatar (XVIII — nachalo XX v.)* [Rural community of the Tobolo-Irtysh Tatars (XVIII — early XX century)]. Tyumen: Institute of Problems of development of the North SB RAS, 2003, 258 p. (in Russian).

Bakieva G. T. *Musul'manskoe dukhovenstvo u sibirskikh tatar v XIX — nachale XX v.* [Muslim clergy among the Siberian Tatars in the XIX — early XX century]. *Orenburgskoe magometansko edukhovnoe sobranie I dukhovnoe razvitie tatarskogo naroda v poslednei chetverti XVIII — nachale XX vv.* [Orenburg Mohammedan spiritual assembly and the spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the XVIII — early XX centuries]. Kazan: Institute of History named after Sh. Marjani ANRT, 2011, pp. 12–27 (in Russian).

Bryukhanova E. A., Nezhentseva N. V., Chekryzhova O. I. *Musul'manskoe naselenie v gorodakh Sibiri: po materialam perepisi 1897 goda* [The Muslim population in the cities of Siberia: based on the census of 1897]. *Zhurnal Frontirnykh Issledovaniy* [Journal of Frontier Studies]. 2021, no. 4, pp. 135–154 (in Russian).

Vernyaev I. I. *Istoricheskaya dinamika sudebno-pravovoi integratsii Rossiiskoi imperii* [Historical dynamics of judicial and legal integration of the Russian Empire] St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2021, 640 p. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) [The State Archive of the Russian Federation (GA of the Russian Federation)]. Fund 109. Inventory 212. File 224 (in Russian).

GARF [GA of the Russian Federation]. Fund 109. Inventory 212. File 268 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK) [The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GAKK)]. Fund 32. Inventory 1. File 12 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 2. File 1624 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 2. File 4381 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 6. File 165 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 7. File 122 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 7. File 645 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 8. File 5934 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 13. File 147 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 14. File 11148 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 16. File 282 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 16. File 1463 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 19. File 152 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 34. File 807 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 35. File 728 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 48. File 601 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 48. File 901 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 48. File 914 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 59. File 801 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 59. File 869 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 595. Inventory 60. File 191 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 693 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 1150 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 2485 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 2870 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 3226 (in Russian).

GAKK [GAKK]. Fund 674. Inventory 1. File 3227 (in Russian).

Dameshek L. M., Dameshek I. L. *Sibirskie s sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)* [Siberian with the system of imperial regionalism (1822–1917)] Irkutsk: Publishing house “Ottisk”, 2018a. Vol. 2. 416 p. (in Russian).

Dameshek L. M. *Sibirskie okrainy Rossiiskoi imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Siberian outskirts of the Russian Empire (XVIII — early XX century)]. Irkutsk: Publishing house “Ottisk”, 2018b, vol. 3, 256 p. (in Russian).

Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts, Kuras L. V. *Buryatskii ehtnos v imperskoi sisteme vlasti (XIX — nachalo XX vv.)* [Buryat ethnos in the imperial system of power (XIX — early XX centuries)]. Irkutsk: Publishing house “Ottisk”, 2020, 740 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii musul'manskikh obshchin Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The religious policy of the Russian Empire in relation to the Muslim communities of Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. 2015, Is. VIII, pp. 242–264 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Organizatsii dukhovnoi zhizni musul'manskogo naseleniya Eniseiskoi gubernii v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki vo vtoroi polovine XIX — nachala XX vv. [The organization of the spiritual life of the Muslim population of the Yenisei province in the context of state and confessional policy in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Bylye gody* [Bygone years]. 2020, no. 1, pp. 250–257 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Protsess obrashcheniya v khristianstvo inorodtsev I problema obratnogo perekhoda v islam vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. v Yuzhnoi Sibiri (na primere Eniseiskoi gubernii) [The process of converting foreigners to Christianity and the problem of reverse conversion to Islam in the second half of the XIX — early XX century in Southern Siberia (on the example of the Yenisei province)]. *Voprosy istorii* [Questions of history]. 2021, no. 10, pp. 97–99 (in Russian).

Zagidullin I. K. Osobennosti organizatsii religiozno-obryadovoi zhizni rabochikh tatar-musul'man v Evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.) [Features of the organization of religious and ceremonial life of Muslim Tatar workers in the European part of Russia and Siberia (the second half of the XIX — beginning of the XX century)]. *Mir islama* [The World of Islam]. 2008, no. 1. [Electronic resource]. URL: <http://www.paxislamica.ru/arkhiv/17–12008N> (accessed: 12.01.2015) (in Russian).

Zagidullin I. K. *Ufimskii kurultai 1905 goda* [Ufa kurultai 1905]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2015, 327 p. (in Russian).

Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk region (IAOO)]. Fund 3. Inventory 3. File 4610 (in Russian).

Karikh E. V. Pozemel'nyeotnosheniya v Eniseiskoi gubernii mezhdru korennyimi prishlym naseleniem vo vtoroi polovine XIX v. [Land relations in the Yenisei province between the indigenous and the alien population in the second half of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]. 2008, no. 307, pp. 64–66 (in Russian).

Konev A. Yu. Vliyanie religioznogo faktora na pravovoi status sibirskikh aborigenov (XVIII–XIX vv.) [The influence of the religious factor on the legal status of Siberian aborigines (XVIII–XIX centuries)] *Narodonaselenie Sibiri: strategii I praktiki mezhkul'turnoi kommunikatsii* (XVII — nachalo XX v.) [Population of Siberia: strategies and practices of intercultural communication (XVII — early XX century)]. Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2008, pp. 303–319 (in Russian).

Konstantinova N. A., Bondarenko O. V. Ehtnicheski I sostav musul'man Vostochnoi Sibiri na rubezhe XIX–XX vekov [The ethnic composition of Muslims in Eastern Siberia at the turn of the XIX–XX centuries]. *The ories and Problems of Political Studies* [The ories and Problems of Political Studies]. 2018, vol. 7, is. 3A, pp. 3–7 (in Russian).

Cruz R. *Za prorokaitsarya. Islam iimperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For the prophet and the king. Islam and the Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: New Literary Review, 2020, 475 p. (in Russian).

Litvinenko P. V. Strannyye neofity islama: perekhod khristian v islam v russkom Turkestane [Strange neophytes of Islam: the conversion of Christians to Islam in Russian Turkestan]. *Istoriya: fakty i simvol* [History: facts and symbols]. 2022, no. 3, pp. 36–51 (in Russian).

Litvinov V. P. O vysylke “vrednykh” musul'man iz tsarskogo Turkestana (po arkhivnym materialam) [On the expulsion of “harmful” Muslims from Tsarist Turkestan (according to archival materials)]. *Vestnik KRSU* [Bulletin of the KRSU]. 2015, vol. 15, no. 6, pp. 73–77 (in Russian).

Mavlyutova G. S. Pravovoi status musul'manskogo dukhovenstva Tobol'skoi gubernii v kontse XVIII — nachale XX v. [The legal status of the Muslim clergy of the Tobolsk province at the end of the XVIII — early XX century]. *Vestnik arkheologii, antropologii I etnografii* [Bulletin of Archeology, anthropology and ethnography]. 2018, no. 4, pp. 175–183 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan (NARB). [The National Archive of the Republic of Bashkortostan (IN RB)]. Fund 295. Inventory 3. File 6087 (in Russian).

NARB. [IN RB]. Fund 295. Inventory 4. File 12395 (in Russian).

Nam I. V. *Natsional'nye men'shinstva Sibirii Dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.)* [National minorities of Siberia and the Far East at a historical turning point (1917–1922)]. Tomsk: Publishing House Vol. unita, 2009, 496 p (in Russian).

Nam I. V. Institutstionalizatsiya ehtnichnosti v sibirskom pereselencheskom obshchestve (konets XIX — nachalo XX v.) [Institutionalization of ethnicity in the Siberian resettlement society (late XIX — early XX century)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya Irkutsk State University]. 2014, vol. 10, pp. 34–49 (in Russian).

Nedelyuk T. G. Smena veroispovednoi prinadlezhnosti v Rossiiskoi imperii na primere Zapadnoi Sibiri: potentsial'nye vozmozhnosti, normativnoe regulirovanie, praktika primeneniya [The change of religious affiliation in the Russian Empire on the example of Western Siberia: potential opportunities, regulatory regulation, practice of application]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and religions of Eurasia]. 2019, vol. 21, no. 4, pp. 128–139 (in Russian).

Osnovypolitiki Rossiiskogo gosudarstva v sfere svobody sovesti I veroispovedaniya (kontseptsiya) [Fundamentals of the policy of the Russian state in the field of freedom of

conscience and religion (concept)]. *Voprosy religiiireligiovedeniya. Prilozhenie k zhurnalu "Gosudarstvo, religiya, tserkov"* [Questions of religion and religious studies. Appendix to the journal "State, religion, Church"] Moscow: Publishing house "MediaProm"; Publishing house of RAGS, 2009, part 4, Is, 1, pp. 183–184 (in Russian).

Osoboe Soveshchanie po musul'manskim delam 1914 goda: Zhurnaly. [A special Meeting on Muslim Affairs in 1914: Journals]. Kazan: Ikhlas, Publishing House of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2011 295 p (in Russian).

Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii na 1865 i 1866 g. [Commemorative book of the Yenisei province for 1865 and 1866]. St. Petersburg: Printing house of K. Wolf, 1865, 345 p. (in Russian).

Troinit'skii N. A., Ed. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The first General Population Census of the Russian Empire in 1897]. St. Petersburg: publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs, 1904, vol. LXXXIII, Yenisei province, 185 p. (in Russian).

Petrovskiy A. V. Vzaimodeistvie traditsionnykh i religioznykh normativnykh institutov preduprezhdeniya prestupnogogo vedeniya s zakonodatel'stvom Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX v. [Interaction of traditional and religious normative institutions for the prevention of criminal behavior with the legislation of the Russian Empire in the XIX — early XX century]. *Obshchestvo: politika, ehkonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. 2021, no. 9, pp. 88–93 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii 1892 goda [The Regulations on foreigners of 1892]. *Svod Zakonov Rossiiskoi Imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Russian Book Association "Doer", 1912, vol. 2, pp. 531–586 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830, collection II, vol. IV, no. 2902 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1867, Collection II, vol. XXXIX, no. 41475 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1868, collection II, vol. XLI, no. 43138 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1890, collection III, vol. VIII, no. 5419 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1901, collection III, vol. XVIII, no. 15503 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1908, collection III, vol. XXV, no. 26125 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1909, collection III, vol. XXVI, no. 27479 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). [Russian State Historical Archive (RGIA)]. Fund 1291. Inventory 66. File 55 (in Russian).

Redkozubov A. D. Islam v Rossiiskoi imperii [Islam in the Russian Empire]. *Humanity space. Inernational almanac* [Humanity space. International almanac]. 2015, vol. 4, no 5, pp. 987–993 (in Russian).

Sibir' v sostave Rossiiskoi imperii [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: New Literary Review, 2007, 368 p. (in Russian).

Starostin A. N. Formirovanie musul'manskikh obshchin v gornozavodskikh poseleniyakh Urala i Sibiri v kontse XIX — nachale XX v. [Formation of Muslim communities in mining settlements of the Urals and Siberia in the late XIX — early XX century]. *Izvestiya UGGU* [Izvestiya UGSU]. 2019, is. 2 (54), pp. 173–180 (in Russian).

Starostin A. N., Pavlinova R. N. Mecheti i imamy Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii v kontse XIX — nachale KHKH veka: popytka sotsio-istoricheskogo analiza [Mosques and imams of Eastern Siberia and the Russian Far East in the late XIX — early XX century: an attempt at socio-historical analysis]. *Islam v Sibiri: vyzovy vremeni* [Islam in Siberia: challenges of the time]. Omsk: Omsk State Technical University, 2016, pp. 63–69 (in Russian).

Tur V. G. Konfessional'naya sudebnaya sistema Rossiiskoi imperii serediny XIX v.: istoriya i sovremennye problemy [Confessional judicial system of the Russian Empire in the middle of the XIX century: history and modern problems]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences]. 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 74–85 (in Russian).

Usmanova D. M. Musul'manin v penitentsiarnoi sisteme Rossiiskoi imperii: svidetel'stva tatarskikh ehgo-dokumentov nachala XX stoletiya [The Muslim in the penitentiary system of the Russian Empire: evidence of Tatar ego documents of the beginning of the XX century]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of the RUDN]. 2023. Series: The History of Russia, vol. 22, no. 2, pp. 188–206 (in Russian).

Ustav stroitel'nyi. 1900 g. [Building regulations. 1900]. *Svod zakonov Rossiisko i Imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg: Russian Book Association “Doer”, 1912, vol. 12, pp. 208–242 (in Russian).

Fedorova V. I. Sel'skaya byurokratiya i krest'yanstvo v Eniseiskoi gubernii XIX — nachala KHKH vekov [Rural bureaucracy and peasantry in the Yenisei province of the XIX — early XX centuries]. *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue]. 2023, vol. 12, no. 2, pp. 489–508 (in Russian).

Khristianskoe prosveshchenie i religioznye dvizheniya (reislamizatsiya) kreshchenykh tatar v XIX — nachale XX vv. Sbornik materialov i dokumentov [Christian enlightenment and religious movements (re-Islamization) of baptized Tatars in the XIX — early XX centuries. Collection of materials and documents]. Kazan: Publishing house “Ikhlas”, 2012, 412 p. (in Russian).

Shershneva E. A. Polozhenie mull v musul'manskikh obshchinakh Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [The situation of mullahs in the Muslim communities of the Yenisei province in the second half of the XIX — early XX century]. *Ehtnicheskie men'shinstva v istorii Rossii. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ethnic minorities in the history of Russia. Materials of the IV International Scientific Conference]. St. Petersburg, 2023, pp. 16–22 (in Russian).

Shumskaya E. M. Problemy prinyatiya pravoslaviya nekhristianskim naseleniem Orenburgskoi eparkhii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [Problems of acceptance of Orthodoxy by the non — Christian population of the Orenburg diocese (the second half of the XIX — beginning of the XX century)]. *Gorokhovskie chteniya. Materialy IV regional'noi muzeinoi konferentsii* [Gorokhov readings. Materials of the IV regional Museum conference]. Chelyabinsk: Regional State Budgetary Cultural Institution “Chelyabinsk State Museum of Local Lore”, 2013, pp. 36–46 (in Russian).

Yarkov A. P. Marginaly ummy aziatskoi chasti Rossii v XIX — nachale XXI v. [Marginals of the Ummah of the Asian part of Russia in the XIX — early XXI century]. *Aziatskaya Rossii: problem sotsial'no-ehkonomicheskogo, demograficheskogo I kul'turnogo razvitiya (XVII–XXI vv.)* [Asian Russia: problems of socio-economic, demographic and cultural development (XVII–XXI centuries)] Novosibirsk: Parallel, 2017, pp. 264–268 (in Russian).

Yarkov A. P., Starostin A. N. *Islam ot Urala do Kamchatki v panorama vekov* [Islam from the Urals to Kamchatka in the panorama of centuries]. Tyumen: Tyumen State University Press, 2021, 300 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 11.09.2023

Принята к публикации: 10.02.2024

Дата публикации: 31.03.2024

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIH PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения
- Информация о конференциях
- Персоналии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Стандартный объем статьи — 0,5–1 авт. л. (до 40 тыс. знаков с пробелами), (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами с подписями на русском и английском языках. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать **ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов)**. Машинный (компьютерный) перевод не принимается. Аннотация к статье должна быть оригинальной, отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от 1 до 5 блоков), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора на русском языке

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Название статьи на английском языке

Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)

Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособ-

ленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru

I. I. Ivanov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy
of Sciences, Novosibirsk (Russia)*

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a

living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Keywords: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 1. P.

Ivanov Ivan Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). Contact address: i.i.ivanov@mail.ru

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07–01–00842а)

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:**1. Монография:**

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык.

Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования References (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (CONVERT FROM) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Рус-

ский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьёй.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnyye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religioznyy fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraya [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть располо-

жены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2024. Том 29, № 1

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 29.03.2024.

Выход в свет 05.04.2024.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 13,9. Тираж 300 экз. Заказ 161.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66